

13-14

Karta

КАРТА

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВООЗАЩИТНЫЙ ЖУРНАЛ

RUSSIAN INDEPENDENT HISTORICAL AND HUMAN RIGHTS DEFENDING JOURNAL

ОТВОЕВАЛИСЬ?

Российский независимый
исторический и
правозащитный журнал

Адрес:

**390000, Россия,
г.Рязань,**

пл.Костюшко, 3.

Для писем:

**390000, Россия, Рязань-
центр, а/я 20.**

Тел.: (0912) 77-51-17.

E-mail: karta@glasnet.ru

**Home Page "Права человека
в России"**

<http://www.openweb.ru>

Учредитель:

Редакция независимой
газеты "Рязанский вестник".

Журнал зарегистрирован

Министерством печати и
информации 29.12.1992.

Свидетельство о регистрации
N 01949.

Главный редактор

Андрей Блинушов

Редакция:

Юлия Середа

Сергей Романов

Олег Шубин

Петр Митцнер

Виктор Лозинский

Мнения авторов не обязательно
совпадают с точкой зрения
редакции.

Сохранность рукописей,
фотоматериалов и документов
гарантируется.

По вопросам подписки на "Карту"
обращаться в редакцию.

Над номером работали:

А.Блинушов, В.Лозинский,

Е.Романова, С.Романов,

Ю.Середа.

Отпечатано ТОО "СЕРВИС"

Рязань,
ул. Интернациональная,
д. 1 "Г".

Заказ N12.

Подписано в печать 5.09.1996

Печать офсетная. Тираж 2000.

Российская "КАРТА" основана в ноябре 1992 года по инициативе польского независимого исторического журнала "КАРТА", выходящего с января 1982 года, и рязанского общества "МЕМОРИАЛ", учрежденного в октябре 1989 года.

В НОМЕРЕ:

М. ГЕЛЛЕР	Грязная война дома	
<i>Историк о чеченской войне</i>		5
Комитет солдатских матерей Дона		
<i>Правозащитные организации России</i>		6
Краснодарская ассоциация по защите прав человека		
<i>Правозащитные организации России</i>		6
Ф. ТИББИЦ	Обучение правам человека	
<i>Обучающая программа</i>		
<i>Международной Хельсинкской Федерации</i>		
<i>по Правам Человека</i>		8
Е. РОМАНОВА	"Права человека"	
в Рязанском Свободном лицее		
<i>Программа преподавания прав человека в действии</i>		12
А. ГОРЕЛИК	Правозащитная деятельность	
в сфере уголовной юстиции		
<i>Опыт работы правозащитной организации</i>		13
С. РЫЖЕНКОВ	Шестеро против лжи	
<i>1968-1869. Очерк о подпольной группе в Саратове</i>		17
А. РОМАНОВ	Время собирать камни	
<i>Воспоминания члена саратовской подпольной группы</i>		23
В. КИРИКОВ	Души прекрасные порывы	
<i>Воспоминания члена саратовской подпольной группы</i>		31
Приговор		
<i>Фрагмент приговора саратовского облсуда. 1970 г.</i>		32
"Все дело — в бесполезности марксизма"	Интервью	
с членом Московской Хельсинкской Группы,		
священником о. Георгием (Ю.М. Эдельштейном)		
<i>Из истории инакомыслия</i>		34
"Ни языка, ни родины"		
<i>Немецкие дети в советской оккупационной зоне</i>		37
Будапешт-56. К сорокалетию венгерского восстания.		
<i>Исторический очерк</i>		41

На 1 стр. обложки использована фотография

Д. БАЛЬТЕРМАНЦА. 1945 год.

На 4 стр. обложки — фото В. ЩЕКОЛДИНА. 1996 год.

И. ЛЯСОТА	Будапешт, 16 июня	
<i>Будапешт. 1989 г. Репортаж о перезахоронении жертв венгерской Революции</i>		48
<hr/>		
"Положить конец диктатуре!"		
<i>Выступление лидера польской антикоммунистической оппозиции в Будапеште. 1989 г.</i>		50
<hr/>		
В. КИРИЛЛОВ	Сопротивление крестьян-спецпереселенцев и методы борьбы с ними с советской власти	
<i>Исследование</i>		51
<hr/>		
С. БЛОХ, П. РЭДДАУЭЙ	Диагноз: инакомыслие	
<i>Из очерка по истории карательной психиатрии</i>		56
1989 год: Письмо в Комитет социальной защиты.		
1974 год: Письмо в "Нью-Йорк Таймс"		
<i>Практика карательной психиатрии</i>		67
<hr/>		
О. СУББОТИНА	Путевка в "С.О."	
<i>Практика карательной психиатрии</i>		68
Хроника текущих событий. 1968-1978.		
Валентин Турчин		
<i>Из истории инакомыслия</i>		70
<hr/>		
А. МУРАТОВ	Диссидент	
<i>Профессор В.Ф. Турчин и его книга "Инерция страха"</i>		73
<hr/>		
В. КИРИЛЛОВ	Карта ГУЛАГа:	
Свердловская область и Ивдельлаг		81
<hr/>		
Р. СЕРГЕЕВ	Помогите, рязанцы!	
<i>Почта "Карты"</i>		84
<hr/>		
С. ВЕЛИКОРЕДЧАНИН	Чечня — армия — закон	
<i>Почта "Карты"</i>		86

И СЕГОДНЯ В ЧЕЧНЕ
ПОГИБАЮТ ЛЮДИ...

Журнал "КАРТА" вы всегда сможете приобрести в
фирменном киоске газеты

ЭКСПРЕСС ХРОНИКА

в Москве, на Гоголевском бульваре,
напротив кинотеатра "Россия"
(станция метро "Чеховская")

и

почитать в библиотеке общества "Мемориал":
Москва, Малый Каретный пер., 12, 2-й этаж
(станция метро "Цветной бульвар").

Журнал «Карта»
издается при содействии:

OPEN SOCIETY INSTITUTE
Института "Открытое
Общество" (Фонда
Джорджа Сороса) (Москва)

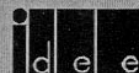
Фонда Польско-Чешско-
Словацкой Солидарности
(Варшава)

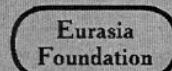
Международного историко-
просветительского и
правозащитного общества
«Мемориал»

Агенства США
по Международному
Развитию

Института Демократии в
Восточной Европе
(Вашингтон-Варшава)

Фонда «Евразия»
(Вашингтон-Москва)

Немецкого Народного Союза
по уходу за могилами
жертв войны и репрессий

Фонда Форда и
Российско-американской
Проектной группы по
правам человека

**ИНФОРМАЦИОННАЯ
СЕТЬ**

"Информационной сети"
Московского Центра по
правам человека

Полиграфической фирмы
Петера Ломмана (Мюнстер)

Аслан МАСХАДОВ и Александр ЛЕБЕДЬ
подписывают мирный договор. Август 1996 г.

Михаил ГЕЛЛЕР

Грязная война дома

Война дома — это бомбардировка русского города Грозного.

Но война дома — это возможность, сидя перед телевизором, наблюдать, как взлетают к небу взорванные дома, как бегут по улицам в поисках убежища люди, как падают убитые и раненые.

В течение нескольких лет американцам показывали их войну во Вьетнаме: целое поколение было травмировано. Но США вели войну далеко и против чужих — “желтых азиатов”.

Москва ведет сегодня войну на российской земле, против россиян. Слово это придумал Феофан Прокопович, чтобы назвать жителей Российской империи, которая тогда, в 1721 году, после победы Петра I над шведами, — была официально провозглашена. Но россиянам против россиян воевать вроде бы неловко. Поэтому сегодняшнюю войну ведут против чеченцев, которые не хотят быть россиянами. А если — глупые! — не хотят: заставить!

Правительственные газеты могут сегодня напечатать в заключение выступления президента о необходимости подчинения существ, живущих в “диком состоянии свободы”, цитату из романа “Мы”: “Да здравствует Единое Государство, да здравствуют нумера, да здравствует Благодетель!” Возможно, впрочем, что упоминание о Благодетеле преждевременно. Надолго ли?

Александр Солженицын написал в “Архипелаге ГУЛАГ”: “Иногда мы хотим солгать, а язык нам не дает”. Точность этого наблюдения с убийственной очевидностью подтверждается сегодня. Нынешние русские лидеры (наверное, нужно оговориться — некоторые), журналисты (некоторые) хотели обмануть. Торжественно говорили: мы перестали быть коммунистами, мы стали демократами, нам не нужна советская власть. А язык заскакивает на привычную борозду и говорит то, что говорил всегда.

Елена Боннэр, комментируя письма в ЦК о необходимости “пресечения враждебной деятельности А.Д. Сахарова” (опубликованные в “Литгазете”), замечает, что письма, подписанные Ю. Андроповым в 1979 году и В. Крючковым в 1989 году, “однотипны и лексически схожи”. Иначе быть не могло: почему В. Крючков должен был писать иначе, чем Ю. Андропов? Только потому, что первый служил Л. Брежневу, а последний — М. Горбачеву?

Борис Ельцин директивно назначил врага, объявив его универсальным, и приговорил к уничтожению. И все стало на место. Летчик, которого московский журналист спрашивает — а как же дети, женщины, которые гибнут при бомбардировке Грозного? — отвечает: нам сказали, что в городе только бандиты. А уничтожать бандитов, врагов — родина велела.

Президент Российской Федерации объяснил: необходимо навести порядок любыми средствами — этого требуют интересы государства. С этим трудно спорить. Государство — вещь святая.

Как недавно пели: “Жила бы страна родная, и нету других

забот”. Конечно, есть заботы. Прежде всего есть вопросы. И первый из них: почему, и кому понадобилось начинать войну с Чечней в декабре 1994 года?

Не нужно быть Наполеоном, чтобы понимать: зима — плохое время для войны, в особенности на Кавказе. Не нужно быть Адамом Смитом, чтобы понимать: чеченская война нанесет смертельный удар по бюджету, который с таким трудом сочинили на 1995 год. И так далее. И так далее.

Нет никаких оснований считать, что в ближайшем окружении президента России собрались кретины или недоучки. Они, конечно, видят все минусы чеченской войны. Но прежде всего они видят ее плюсы...

Сегодняшние действия Ельцина однозначны. Война со “злым чеченем” дает возможность значительно усилить роль “органов”, внутренних войск, позволяет ввести цензуру (телевидение перестанет показывать “грязную войну”), напугать регионы...

Легко заметить, что это решение политической проблемы — традиционное, ленинско-сталинское. Это, конечно, объясняется тем, что у государственного руля России стоят “бывшие”, те, кто был во властях вчера. Это было практически неизбежно. Других не было.

Важно, однако, не столько, что правят страной “бывшие”, а то, что преступления минувшего периода остались безнаказанными. Суд над коммунистической партией позорно провалился. Никому, кажется, не пришло в голову организовать символический процесс организаторов афганской войны. Если вторжение в Афганистан осталось — для организаторов — безнаказанным, то почему не послать самолеты и танки против Чечни?

Сегодня часто повторяют слова философа Сантаяны: “Народы, не знающие своей истории, обречены пережить ее снова”. Эти слова стоит повторять. Но можно задать вопрос: а каково будущее народов, которые не хотят знать своей истории и принимают ложь о прошлом за правду?

Наверное, можно считать знамение времени появление на книжном рынке воспоминаний о палачах. Недавно мне попала в руки книга, названная просто и со вкусом: “Мой отец — Лаврентий Берия”. Тираж — 125 тысяч экземпляров. Сын должен защищать своего отца — это нормально.

Но есть что-то неприличное в желании выдать одного из самых страшных палачей, которых знала Россия, за доброго, мудрого, благожелательного к людям строителя советской ядерной мощи, великого разведчика, знавшего все тайны врагов и спасшего тем самым страну. Сталин, хорошо знавший цену своему окружению, представил Берия Рузвельту так: это наш Гиммлер. Вождем знал, что говорил. Кстати, Гиммлер также контролировал внешнюю разведку Германии...

Когда-то в лагере пели: “Новый год, порядки старые. Колочей проволокой наш лагерь окружен”. Потом проволоку сняли. Но, видимо, есть заводы, которые продолжают ее делать.

“Русская мысль”, Париж

Комитет солдатских матерей Дона

Комитет солдатских матерей Дона был учрежден в январе 1990 года группой матерей студентов, принудительно сорванных с учебы и призванных в армию. 30 апреля 1992 года Комитет был зарегистрирован в органах юстиции Ростовской области как областная общественная организация.

Комитет солдатских матерей Дона ставит своей целью содействие полному уничтожению ядерного оружия и реформированию армии.

За время существования Комитета была проделана следующая работа:

2575 солдат-студентов Ростовской области были досрочно возвращены из армии и смогли продолжить учебу.

3350 выпускников военных кафедр вузов Ростовской области избежали незаконного призыва в армию в качестве рядовых.

Оказана правовая помощь 1500 военнослужащим, покинувшим воинские части из-за "дедовщины" и неуставных отношений.

Длительное время членами КСМ и общественностью осуществлялось пикетирование администрации Ростовской области и штаба Северо-Кавказского военного округа с протестами против беспредела в армии, войны в Чечне и незаконных действий Генштаба и Министра Обороны по призыву в армию рядовыми выпускниками военных кафедр вузов.

Ввиду отсутствия официального справочного бюро, в котором родители могли бы получить сведения о своих сыновьях-военнослужащих, с 3 января 1995 года силами Комитета была организована "горячая линия" по розыску солдат, пропавших без вести или погибших в Чечне. "Горячая линия" работала до 20 марта 1995 года и прекратила работу из-за изъятия помещения.

Разъяснены права и оказана юридическая помощь в составлении рапортов и жалоб военнослужащим, отказавшимся нарушать военную присягу и воевать в Чечне, а также призывникам, требующим направления на альтернативную гражданскую службу.

Организованы неоднократные посещения госпиталя

СКВО, проведено два благотворительных концерта, вся выручка от которых была передана семье погибшего Михаила Пастилати и инвалиду чеченской войны Александру Маликову.

Оказывается постоянное содействие родителям из других регионов России, разыскивающим своих сыновей, пропавших в Чечне или находящихся на излечении в госпитале СКВО.

Проведено четыре областных конференции с участием комитетов солдатских матерей всей Ростовской области, представителей от областной и городской администраций, от военных комиссариатов, военных прокуратур и штаба СКВО. На четвертой конференции 30.06.95 года принято обращение в адрес Госдумы России о необходимости принятия федерального закона, запрещающего развязывание военных действий на территории своего государства, а также о сокращении сроков военной службы до полутора лет.

Правление Комитета приняло решение о вхождении в состав Комитета солдатских матерей России.

Комитет не поддерживает политические партии и движения.

Комитет считает, что основным законом является наша Конституция и ее изменения допустимы только путем принятия поправок к Конституции, а не волеизъявлением Президента страны.

Комитет считает, что правительство должно действовать беспристрастно и в интересах всех граждан; деятельность правительства должна быть основана на законе.

Председатель Комитета солдатских матерей Дона — Елена ЗЮБРОВСКАЯ.

Адрес Комитета:

**344010, г. Ростов-на-Дону,
ул. Греческого города Волос, 9**

Тел: (8632) 22-30-64

E-mail: hrrostov@glas.apc.org

Ростов-на-Дону

Краснодарская ассоциация по защите прав человека

Краснодарская краевая ассоциация по защите прав человека (ККАпЗПЧ) — неправительственная, неполитическая, некоммерческая, благотворительная организация, зарегистрированная Управлением юстиции администрации Краснодарского края 25 января 1995 года, выступающая в защиту и за осознание основных прав и свобод человека.

Принципы деятельности — независимость и беспристрастность. Членство в ассоциации индивидуальное. На 15 июня 1996 года в ассоциации состояло свыше 200 членов.

Основные направления деятельности:

— общественный контроль за законностью деятель-

ности государственных органов и должностных лиц и защита граждан от произвола;

— сбор, обработка и распространение информации о положении с правами человека в Краснодарском крае;

— анализ текущего регионального нормотворчества и соответствующее лоббирование с целью законодательного сохранения и расширения институтов гражданского общества на юге России;

— просветительская деятельность в сфере прав человека.

Для осуществления своей миссии:

— ассоциация ведет прием населения, рассмат-

ривает сообщения и расследует факты существенных нарушений прав и свобод человека в Краснодарском крае, принимает меры к их устранению;

- предаёт гласности факты существенных нарушений законности, прав и свобод человека, доводит их до сведения государственных органов, органов местного самоуправления, российских и зарубежных общественных организаций, ставит перед соответствующими органами вопросы о пресечении этих нарушений и об ответственности лиц, допустивших такие нарушения;

- направляет своих представителей и общественных защитников для участия в рассмотрении отдельных гражданских и уголовных дел (если имеются сведения о нарушениях прав человека) на стадии предварительного следствия или судебного разбирательства;

- ассоциация имеет своих представителей в Общественной палате при главе администрации Краснодарского края, в Законодательном собрании и других органах государственной власти, участвует в разработке законопроектов и местных правовых актов, затрагивающих вопросы прав и свобод человека;

- организует и проводит массовые правозащитные акции;

- оказывает моральную поддержку и материальную помощь нуждающимся гражданам, борющимся за свои права без применения насилия.

В настоящее время Краснодарская краевая ассоциация по защите прав человека реализует следующие проекты:

“Пресс-служба Краснодарской краевой ассоциации по защите прав человека”. Задача этого проекта — правовое просвещение населения, ознакомление жителей Кубани с общепризнанными международными нормами и стандартами в области прав человека, освещение в средствах массовой информации положения с соблюдением прав человека в Краснодарском крае.

“Общественная приемная”. Основное направление работы — рассмотрение устных и письменных обращений граждан, бесплатное консультирование юристом всех обращающихся по вопросам защиты своих конституционных прав и свобод. С момента создания ассоциации в Общественной приемной бесплатные юридические консультации получили более 600 человек.

“Общественная правозащитная библиотека”. В рамках этого проекта нам удалось организовать работу общественной библиотеки, в которой каждый желающий может прочесть издаваемые Организацией Объединенных Наций книги о правах человека, юридическую литературу

нормативно-правового характера, литературу различных политико-философских направлений, а также материалы о работе российских и международных правозащитных организаций.

“Правовая Кубань”. Ассоциация через своих представителей в законодательных и других государственных органах осуществляет анализ текущего регионального нормотворчества и лоббирование с целью законодательного сохранения и расширения прав и свобод человека в Краснодарском крае.

“Защитить человека”. В рамках этого проекта ККАпЗПЧ принимает меры к защите прав и свобод конкретных людей, направляет своих представителей для участия в судебных рассмотрениях гражданских и уголовных дел. Так, обращения нашей ассоциации в соответствующие органы в защиту преследуемой по политическим мотивам председателя Союза казаков Кубани Т. Морозовой способствовали освобождению ее из-под стражи. Участие нашего представителя в гражданском деле по иску известной кубанской журналистки Т. Павловской также позволило защитить ее права. Определенный успех имело участие наших представителей в рассмотрении уголовного дела краснодарских предпринимателей: председателя концерна “Статус” А. Якера и директора фирмы “Граф” С. Ушакова, освобожденных из-под стражи в зале суда.

Финансирование ассоциации производится за счет грантов и пожертвований фондов, предприятий, организаций и граждан. По первому требованию благотворителя ассоциация представляет ему подробный отчет о целевом использовании перечисленных им средств.

Банковские реквизиты для поддержки ККАпЗПЧ:
ИНН 2341004143 Краснодарская краевая ассоциация по защите прав человека текущий счет 7000224 в Ленинградском ОСБ 5174 кор.счет 600164450 в РКЦ ст. Ленинградской МФО 141345.

Председателем Исполнительного Комитета Краснодарской краевой ассоциации по защите прав человека является Василий Васильевич РАКОВИЧ.

Адрес ассоциации:

Россия, 353610, Краснодарский край, ст. Ленинградская, ул. Вокзальная, 162/14.

Телефон: (86145) 3-26-33

факс (круглосуточно): (86145) 3-26-33

e-mail: hrkdar@glas.apc.org

Краснодарский край

Российский вестник “Международной Амнистии”

Летом 1996 года московская группа МА начала выпуск собственного бюллетеня. Цели издания: приблизить к читателю, сделать более полными и насыщенными “фактурой” сведения о всем происходящем в области прав человека именно на территории России, СНГ и всего евроазиатского региона. Редакция планирует не только информировать читателей о конкретных фактах и реакции на них, но и обсуждать такие проблемы, как отмена смертной казни и пыток; прекращение практики внесудебных расправ и “исчезновений”; выдачи беженцев и политэмигрантов; требование справедливого судебного разбирательства. Российский вестник МА намерен публиковать материалы других российских, особенно региональных, правозащитных организаций.

Адрес: 121019, Россия, Москва, а/я 212

Фелиза ТИББИТЦ

INTERNATIONAL
HELSINKI
FEDERATION FOR
HUMAN RIGHTS

Обучение правам человека

*Права человека в школах:
планы на будущее*

© Обучающая программа Международной
Хельсинкской Федерации по Правам Человека

1. Введение

“Перемены даются детям легче, чем взрослым” — действительно, звучит как трюизм. Как ни избито это звучит, но это высказывание имеет пророческий смысл во время переходного периода в странах Центральной и Восточной Европы. Судите сами:

- юные легче адаптируются к социальным и политическим изменениям;
- детей необходимо учить их правам, основным свободам и обязанностям, принятым в развивающейся демократической среде;
- молодежь — это завтрашние избиратели, парламентарии, учителя и офицеры полиции.

Отсюда следует вывод, что обучение молодых людей демократии и защите прав человека — это наиболее ценное, что общество может сделать для своего будущего. Школьное обучение является естественным механизмом для усвоения ценностей и

знаний, необходимых для участия в развитии демократии и гражданского общества.

Обучение правам человека повышает осознание смысла прав человека. Обучение правам человека создает атмосферу уважения, уступчивости, заботы и справедливости в самой классной комнате. Люди также учатся участию в политических процессах, оказывающих влияние на их жизнь, и пониманию эффективности и справедливости закона.

Главное внимание этой главы будет уделено темам учебы и политики, работе с текстовым материалом и подготовке преподавателей — трем компонентам любой программы обучения правам человека, интегрированной в школьную систему.

Поскольку каждая страна имеет свою образовательную систему, трудно дать универсальные рекомендации. Я лишь могу предложить ряд вопросов для концептуализации программ обучения правам человека и мои собственные выводы из опыта развития аналогичных программ в странах Центральной и Восточной Европы, осуществленных во взаимодействии с группами по правам человека, другими неправительственными организациями, исследовательскими институтами, министерствами образования и университетами. Этот список может вызвать представление о больших зданиях, убежденных активистах, академиках или бюрократах. Убедительно прошу читателей своевременно остановиться, воздержаться от дальнейшего, стратегического развития этих представлений и представить себе всего лишь классную комнату, типичную для школ Вашей страны. У доски стоит преподаватель, начинается урок и тридцать пар глаз внимательно смотрят на него. Каким Вы хотите видеть этот класс? Как Вы будете общаться с учителями и детьми? Можете не строить планов, пока не разберетесь, какую цель Вы преследуете и чего в конечном итоге хотите добиться.

2. Учеба и политика

Существуют два основных пути обучения. Первый заключается в официальном обучении, т.е. через преподавание предметов, разрешенных или даже рекомендуемых и признанных Министерством просвещения. Второй заключается в использовании неформальных учебных возможностей, которые отданы на усмотрение преподавателя.

2.1. Официальные учебные возможности

Темы прав человека могут быть включены в разрешенную программу следующими способами:

- а) как целый отдельный курс;

JOHN TORDAI/CAMERA PRESS

б) как подраздел в рамках уже существующего предмета, такого, как курс гражданского или этического обучения;

в) как ряд тем, которые могут быть включены в различные предметы.

В каждом из этих подходов заложены потенциальные преимущества или недостатки.

2.1.1. Отдельный курс

Преимущество отдельного курса заключается в наличии большого простора для опробования новых экспериментальных методологий (если еще не было подобного прецедента); недостаток же заключается в том, что данный курс будет, возможно, факультативным, поэтому нельзя с уверенностью сказать, как много студентов будет посещать его. Также существует возможность переноса курса на более позднее время. Я рекомендую использовать возможность организовать курс обучения правам человека, если министерство просвещения предоставит такую возможность, но стараться использовать данную ситуацию для введения принципов прав человека в другие, более стабильные курсы.

2.1.2. Подраздел в рамках обязательного курса

Преимущество второго варианта — подраздела в рамках обязательного курса — в том, что он будет иметь максимальный выход на студентов. Однако, если предмет преподается в форме лекции и имеет подход, ориентированный на содержание, существует опасность представить принципы прав человека аналогичным образом — то есть по букве, но не по духу. Наибольший риск заключается в том, что идеи как таковые будут казаться детям недостаточно интересными. Поэтому я советую, чтобы идеи прав человека, также как и другие предметы, представленные в курсе гражданского или этического воспитания, подавались деятельностью методом. Если для среднего учителя непривычно или тяжело это использовать, он должен, по крайней мере, вести реальную дискуссию с учениками, которая бы включила откровенные вопросы, заставляющие задуматься каждого.

2.1.3. Тематическая интеграция

Третий вариант — тематическая интеграция — используется многими специалистами по обучению правам человека, потому что уважение прав человека должно стать нормой жизни в самых различных областях. Развитие толерантности, умения разрешать конфликты, уважать право на жизнь и человеческое достоинство — это те темы, которые можно увязать с механизмами защиты прав человека и ввести в ряд предметов. Этот подход достоин поощрения, но он необязательно сразу же станет реальностью в тех образовательных системах, которые находятся в стадии постоянных перемен. Также предстоит решить вопросы, что же такое права человека и демократия. И пока нет четкого ответа на этот вопрос, будет очень сложно представить, как интегрировать эти темы в различные предметы обучения. Этот третий вариант может стать долговременной целью.

Все три варианта не являются взаимоисключающими. Правда, иногда случаи, которыми можно вос-

HELDUR NETOCNY/PANOS PICTURES

пользоваться для введения в предмет принципов прав человека, ограничены. Эти случаи следует воспринимать с большой долей прагматизма.

2.2. Контрольные вопросы

— Какие курсы логично использовать для введения тем и проблем по правам человека?

— Каков статус учебной реформы в стране? Каким путем можно на нее воздействовать?

— Существуют ли какие-либо законы обучения или учебные положения для начальных и средних школ, которыми можно пользоваться?

— Что представляет собой процесс развития учебной политики? (Например, какова роль контрольных комиссий, экспертов по образованию, министерства, парламента и учителей?)

— Пересматриваются ли существующие положения? Знакомы ли Вы с кем-либо из "ключевых" лиц?

— Какие институты или организации представляют собой наиболее прогрессивный импульс для реформ?

— В каких звеньях система "наиболее стабильна" и в каких "наиболее уязвима"? Как можно использовать оценку в стратегии обучения правам человека?

3. Неформальная образовательная политика

Неправительственные организации могут обладать достаточной гибкостью в подаче тем по правам человека, особенно, если предпочтут трудиться в рамках менее формальной образовательной области. Например, уроки по правам человека могут проходить во время еженедельной сессии (без ограничения времени) под контролем учителя. Можно также организовать вечерние клубы, общешкольные мероприятия, художественную самодеятельность, празднества и пр. Творческая работа, особенно, если она делается руками самих детей, дает им чувство самоуважения и сопричастности к большому делу как части решения социальных проблем. Специалисты в области просвещения, без сомнения, представляют

PHOTO DER SPIEGEL

себе множество неформальных возможностей, каким образом использовать за стенами школ опыт, приобретенный детьми в классных комнатах.

Единственное, от чего хочется предостеречь в области использования неформальных образовательных подходов, — не исключать других форм работы в школах. Очень важно, чтобы школьное сообщество понимало важность Ваших усилий и чтобы деятельность в области прав человека не воспринималась, прежде всего, лишь как символ. Принимая во внимание дух социализации во время церемоний отмечания годовщин и праздников в марксистско-ленинский период, специалисты в области прав человека должны быть крайне осторожными в представлениях о том, что позади осталась «идеологическая пустота».

3.1. Контрольные вопросы

— С какими школами Ваша организация поддерживает хорошие отношения и в которых Вы могли бы наладить вышеуказанную работу на неформальной основе?

— Какие виды неформальной деятельности традиционно используются для развития тем, имеющих моральное значение? Можно ли включить в эти виды и обучение правам человека?

— Возможно ли, по Вашему мнению, использовать в занятиях примеры литературы и искусства?

— Соревнования и праздники?

— Внешкольные мероприятия и клубы?

— Если термин «права человека» кажется слишком политизированным, есть ли менее формальные подходы, которые можно осуществить на краткосрочной основе?

4. Работа с текстовым материалом

Важно подчеркнуть, что тексты, используемые для обучения правам человека, не должны служить лишь вспомогательным материалом для учителя. Обучение правам человека предполагает наличие демократической культуры в классе; это означает, что возрастающая автономия учителя должна оказывать влияние на то, как он подает тему своим ученикам. На практике

это предполагает отход от какого-то единого официального материала для учителя. Идеальный текст по правам человека должен быть не сухим пересказом каких-то положений, но включать в себя различные варианты деятельности, из которых учитель может выбирать и которые может адаптировать для данной аудитории.

Существует ряд вариантов работы с текстовыми материалами, включающих непосредственный перевод, адаптацию уже существующих текстовых материалов и развитие оригинальных текстов. В целом, самым простым способом при составлении новой учебной программы по правам человека будет просто перевод материалов, опробованных в ряде межкультурных установок. Подобные тексты следует выбирать крайне осторожно, т.к. «импортированные» содержательные и инструкционные методологии могут не подходить к преподаванию в данной аудитории. Однако при использовании избранных материалов не следует забывать об авторском праве. Разрешение автора труда или издательства должно быть получено еще до перевода материала, даже если материал распределялся на благотворительной основе. Иногда же в материалах по правам человека содержится четкое указание, что их можно использоваться без получения специального разрешения.

Если текст представляет собой часть регулярного предмета, содержание его должно соответствовать учебным рамкам, определенным рабочими или экспертными группами. В ряде случаев, определить эти рамки помогают сами текстовые материалы. Обязательно следует ознакомиться с политикой соответствующего государства в области подготовки, разрешения и публикации текстовых материалов. В посткоммунистических государствах имеется широкая тенденция к стремлению публиковать материалы менее централизованным путем. Следует искать альтернативные издательские механизмы, позволяющие это сделать (что зависит от того, будут ли тексты разрешены к использованию в школах и будет ли субсидировано их издание центральными органами просвещения).

Потенциальным источником идей являются материалы по гражданским правам, появившиеся в Центральной и Восточной Европе начиная с 1990 года, включающие в себя активные методики. В 1994 году в Польше появился специальный учебный проект, подготовленный при помощи Центра Мершоуна Университета Огайо (США); альтернативную программу обучения гражданским правам, созданную при сотрудничестве с Институтом общеобразовательных наук в Бухаресте, использует Румыния.

Хотя читателю целесообразно лично просмотреть потенциальные текстовые источники, могу порекомендовать некоторые базовые принципы. Во-первых, желательно, чтобы текст был цельным и самостоятельным, чтобы он содержал не только планы занятий, но также базовую информацию, определения и даже ссылки на обучающие методы для преподавателей. Таким образом, подобный текст являлся бы не только источником проведения занятий, но и важным ресурсом

сом для педагогической методики и обучения правам человека. Желательно, например, чтобы он включал в себя раздел по обучению преподавателей вести основные дискуссии, т.к. в настоящее время преподавание на основе лекций является нормой в большинстве регионов. Показания к занятиям должны быть предельно четкими, и в распоряжении преподавателя должен быть ряд вариантов подачи материала, из которых он мог бы выбрать необходимый. Таким образом, тексты могут служить источником профессионального развития преподавателя.

Во-вторых, важно показать учащимся не только познавательную сторону, но и оказать влияние на приобретение ими соответствующего опыта. Недостаточно, например, чтобы студенты лишь зазубрили Всеобщую Декларацию прав человека; в идеале они должны научиться заботливому, ответственному и терпимому отношению к своим одноклассникам и другим членам школьного сообщества. Некоторые активные методы обучения могут быть незнакомы учителям; наиболее общей задачей является стимулирование преподавателя обмениваться с учащимися четкими, откровенными вопросами (что не должно обязательно предусматривать единого правильного ответа) и стимулировать не только беседу "учитель-ученик", но и общение и дискуссию между самими учащимися.

И, наконец, в странах, переходной демократии, некоторые концепции политических прав и прав человека могут казаться достаточно абстрактными и несостоятельными. Не всегда очевидно их понимание и использование в общей практике. Этот аспект требует от обучающегося понятных примеров и апелляции к опыту, приобретенному детьми в области прав человека на предыдущих занятиях. Одним из решений может быть подача этих концепций как принципов реализации в данных национальных условиях. Это позволит детям осознать ту важную роль, которую они способны сыграть в их обществе.

Одним из способов, позволяющих убедиться в том, что переведенные, адаптированные или вновь составленные текстовые материалы понятны преподавателю и возможны для использования, является организация своего рода предварительного тестирования для учителей и учащихся. Целью такого исследования должно быть выяснение, понимает, принимает и считает ли полезной данная целевая группа представленные материалы с социальной, культурной и экономической точки зрения.

4.1. Контрольные вопросы

— В чем заключается традиционная роль текста в школьных занятиях?

Как много простора имеет учитель в отборе и адаптации этих обучающих материалов?

— Как много времени учитель должен уделять работе в классе с использованием текстовых материалов? Как оцениваются знания учащихся на занятиях и как они будут оцениваться на выпускных экзаменах?

— Какие методы подачи материала используются на занятиях в классе и как это увязывается с подачей материала по правам человека? Каким образом лучше

подготовить учителя и учащегося к использованию активно действующих методов?

— Кто еще из школьного окружения, кроме директоров школ, учителей и родителей, нуждается в обучении подобной альтернативной технике обучения; кто может помочь "расчистить путь" для этого или, что еще лучше, принять непосредственное участие в этом процессе?

5. Обучение преподавателей

Как и любая форма обучения, обучение правам человека требует как предварительного инструктирования (для тех, кто готовится стать учителем), так и обучения в процессе работы (кто уже вошел в классную комнату как преподаватель). Поскольку создание таких возможностей в местных условиях является долговременной программой, национальные программы должны отталкиваться от серии обучающих курсов. Это позволит местным преподавателям возможно быстрее включиться в процесс независимо от наличия специалистов, приезжающих из-за рубежа. Важно также, чтобы обучающиеся преподаватели имели возможность посещать школы в различных регионах страны, особенно в сельской местности. Программа обучения правам человека должна с самого начала предусматривать такой важный момент, как создание сети поддержки и обучения. Такие сети могут представлять собой принципиально новые объединения учителей, имеющих опыт и заинтересованных в работе по защите прав человека, или же использовать в качестве основы уже существующие структуры, такие, как группы по правам человека, союзы преподавателей или профессиональные ассоциации. В идеале, помощь в обучении правам человека не должна ограничиваться работой со школьными материалами или подготовкой какого-либо преподавателя, хотя обе эти меры являются серьезными условиями мотивации школьной деятельности преподавателей. Нужны

дополнительные меры поддержки, осуществляемые путем обмена корреспонденцией, телефонных переговоров и, что еще лучше, личных посещений занятий. Преподавателю тяжело впитать новые концепции в области прав человека и методологию подачи такого материала. Нужна постоянная моральная и техническая поддержка личных усилий преподавателя по введению принципов демократии и прав человека в каждодневную практику преподавания.

5.1. Контрольные вопросы:

— Какие основные “доучебные” образовательные институты Вы можете назвать? Каким образом можно привлечь инструкторов и учителей к воплощению программы обучения правам человека?

— Как подготовить кадры из числа лиц, обучающихся преподавателей, для работы с учителями в местных условиях?

— Должны ли эти обучающие инструкторы быть связаны с центральными организациями просвещения, независимыми группами или обеими структурами?

— Как организовать дополнительную работу в школах?

6. Вместо заключения

Работа над программой обучения правам человека в школе будет, возможно, одним из самых тяжелых Ваших начинаний. Однако, это же будет и лучшей наградой как для учителя и учеников, так и для Вас. Класс, дышащий воздухом откровенности, творчества, свободы мысли и слова — эта картина (пусть и не очень часто встречающаяся) наполнит Вас вдохновением. Удачи Вам в этой важной работе.

Варшава

Евгения РОМАНОВА

“Права человека” в Рязанском Свободном лицее

Характерными чертами развития системы образования на современном этапе являются тенденции к гуманизации и демократизации, которые отражают потребности общества в признании права каждого человека выбирать тот путь в образовании, который позволяет максимально раскрыть и развить способности, интересы личности, удовлетворить различные образовательные потребности.

Однако образовательная практика традиционной массовой школы, несмотря на продолжительные, но направленные скорее извне чем изнутри попытки демократизации, настойчиво придерживается по своей сути традиционно-тоталитарного стиля обучения: учитель — озвучивает информацию, ученик — абсолютно (в идеале) ее впитывает и запоминает. И все это при предельном разделении процесса образования на курсы, дисциплины, предметы; унификации учебников, программ, методических указаний и при жестком контроле со стороны государства. Цель и задача образования в данном случае сводится к тому, чтобы снабдить учеников знанием однозначных правильных ответов на совокупность неких вопросов, включенных в “программу изучения”.

Однако, уже сейчас мы имеем право сказать, что Рязанский Свободный лицей является одним из тех учебных заведений, где образовательная практика базируется на иных, отличных от массовой школы принципах, и введение в образовательную программу лицея курса “Права человека” есть одно из таких отличий.

Неожиданно “свалившаяся” на школу свобода, к которой она совершенно не привыкла, является предвестником революционных перемен “сверху”. Очевидно, что не только школа, как социальный институт, но и люди: ученики, учителя, родители вряд ли способны одновременно принять внезапно предложенные “свободные отношения”. Сегодня это пытаются реализовать через введение в школьные программы таких предметов общественно-политического толка, как “Уроки демократии” и т.п. Наше учебное заведение в этом смысле не исключение. Однако сущностное различие заключается в том, что изменение содержания образования (введение новых курсов, предметов, дисциплин) должно неизбежно вести за собой изменение стиля и методов преподавания. Именно эту важную, на наш взгляд, закономерность большинство

педагогов и администраторов образования не учитывают. Ну на самом деле, как можно говорить с учениками о Правах Человека по привычке (!) щедро одаряя их разнообразными эпитетами, а зачастую и оскорблениями?!

Мы все благоговеем перед загадочным словом “свобода”, но — увы — так медленно приходим к осознанию того, что свобода, к которой мы всегда подсознательно и сознательно стремимся, есть прежде всего труд и ответственность. Ведь свобода — не Божий дар, а Сотворенная Атмосфера. “И сотворена она не только самим индивидом, а сообществом индивидов” (В. Зинченко).

Отсутствие привычки к свободе неизменно приводит к тому, что люди просто не знают, что с ней делать и как понимать вообще это загадочное слово.

Совершенно очевидно, что даже если взять наиболее простой вариант: “свободу от...”, нужно отчетливо понимать от чего. В противном случае она превращается в безразличие и апатию. Психологи утверждают, что несвобода возникает по законам импринтинга, т.е. впечатления бесконечных социальных и моральных табу. Она становится второй

**МОЛОДЕЖНЫЙ ЦЕНТР
ПРАВ
ЧЕЛОВЕКА**

РОЛЕВЫЕ ИГРЫ

**В ПРЕПОДАВАНИИ
ПРАВ
ЧЕЛОВЕКА**

МОСКВА 1995

Сборник выпущен Молодежным центром по правам человека и НИПЦ “Мемориал”.
Москва, М. Каретный пер., 12
Тел.: (095) 200-65-06, 209-78-83

натурой, избавление от которой требует огромного труда.

Если же рассматривать "свободу для...", то и здесь одного понимания недостаточно. "Она требует размышлений, осознания, самосознания, единства ответственности и вины, гарантирующего внутреннюю связь элементов личности" (М.Бахтин).

На занятиях по правам человека мы именно и ставим своей целью мотивировать наших учеников к осознанию своей свободы: и свободы внутренней и внешних ее проявлений. В конечном же счете — стимулируем познание и осознание самих себя как личностей, то есть стараемся пробудить и развить в них чувство собственного достоинства. Другими словами, права и личная свобода каждого конкретного ученика есть наивысшая ценность, признанная всем педагогическим сообществом лицей. И, смеем уверить, не только на словах.

Практические занятия по Правам человека представляют собой разнообразные ролевые игры. Как показал наш опыт, это наиболее оптимальный и приемлемый для учеников среднего и старшего возраста стиль работы. Получив на лекции-дискуссии некий теоретический материал, ученик тут же имеет возможность "проиграть" его, "примерить" на себя. В игре каждый прекрасно осознает, что он лично творит

некую "историю", что от его личного понимания собственной роли и значимости зависит ее исход. Индивидуальность личности и ее самосознание помогают ей ощутить и отыскать свой собственный путь.

Однако понятно, что для того, чтобы любая проблема была осознана как таковая и в дальнейшем решена, она должна возникнуть в сознании ученика, как личная проблема. Поэтому мы стараемся, чтобы темы для лекций и обсуждений ученики "заказывали" нам сами. Роль педагога на подобных уроках сводится к созданию свободной, а значит и радостной атмосферы общения.

Во время ролевой игры в 7 классе один из учеников произнес фразу, которая, на наш взгляд, способна во многом объяснить, что же представляют собой уроки по "правам человека" в Рязанском Свободном лицее: "Если работа учителя есть работа 'человеком', то тогда, изучая 'права человека', мы на этих уроках учимся жить". А, поскольку, учиться жить, учиться понимать самого себя насильно ребенка заставить невозможно (это противоречило бы самой природе прав человека) этот курс является факультативным. Но как показывает педагогическая практика, на уроки "по правам" приходят все.

Рязань

Александр ГОРЕЛИК

ПРАВООЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ

Александр Соломонович Горелик, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Красноярского университета, исполнительный директор краевого Фонда "Правовая защита", постоянный автор журнала "Карта".

Права и свободы человека и гражданина, зафиксированные в многочисленных международно-правовых документах и в гл. 2 Конституции РФ 1993 года, принято делить на личные (на жизнь, свободу и неприкосновенность личности и др.), политические (избирать и быть избранным, объединяться в политические партии и др.), социально-экономические (на собственность, жилище, социальное обеспечение и др.), культурные (на образование и т.д.).

Нарушаться могут любые права и свободы, однако не всегда требуется вмешательство правозащитных организаций. Решающим критерием является не то, КАКИЕ права нарушаются, а то, КТО их нарушает.

Убийства, грабежи и другие преступления нарушают права человека не в меньшей мере, чем ограничения свободы слова, однако борьба с преступлениями, совершаемыми одними гражданами против других или гражданами против государства, должна осуществляться специально созданными для этой цели государственными органами (милиция, ФСБ и т.д.), а не правозащитниками, которые не обладают силами и средствами для такой борьбы.

Другое дело — нарушения прав человека со стороны государства, его органов и должностных лиц, в первую очередь представителей власти. Здесь на первом плане оказывается правозащитная деятельность. Иначе говоря, граждан от "обычных" преступников должно защищать государство, а от государства (в том числе преступных деяний его представителей) — правозащитные организации.

В виде исключения правозащитники должны заниматься защитой прав от нарушений со стороны любых организаций и даже граждан, когда затронуты интересы лиц, лишенных возможности осуществить защиту самостоятельно (душевнобольные, несовершеннолетние, в некоторой мере — военнослужащие срочной службы и заключенные).

Разумеется, государство должно стремиться к тому, чтобы не нарушать права человека, а если это произошло, то принимать соответствующие меры. Эта задача стоит перед всеми ветвями власти — законодательной (не принимать нормы, противоречащие правам человека), исполнительной (не совершать подобные действия), судебной (восстанавливать нарушенные права).

Однако в реальной жизни государство и его представители далеко не всегда надлежащим образом выполняют указанную функцию.

Особую роль в защите прав граждан должна выполнять судебная власть и оказывающие ей содействие органы, которые принято называть правоохранительными (прокуратура, органы предва-

рительного расследования и др.). Сама идея разделения властей, создания системы сдержек и противовесов означает, что нужна такая ветвь власти, которая разрешала бы споры не только граждан между собой, но и их с другими ветвями власти, ибо еще со времен древнего Рима известно правило: "Никто не может быть судьей в собственном деле". Отсюда вытекают такие атрибуты судебной власти как независимость, обязательность решений для всех и т.п.

Однако нередко права человека нарушает сама судебная власть или работники правоохранительных органов, причем эти факты далеко не всегда получают надлежащую оценку и вызывают адекватные, предусмотренные законом меры.

Для борьбы с нарушениями прав человека, совершаемыми в правоохранительной сфере, необходимо: во-первых, законодательство об ответственности за эти деяния; во-вторых, практика его реального применения; в-третьих, надежная система контроля за правильностью решений и исправления допущенных ошибок.

В Уголовном кодексе РФ 1960 года предусмотрено четыре состава преступления, касающиеся действий работников правоохранительной сферы: привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 176), вынесение неправосудного приговора, решения, определения или постановления (ст. 177), заведомо незаконный арест или задержание (ст. 178), принуждение к даче показаний (ст. 179). Случаев привлечения к ответственности по указанным нормам почти нет (кроме редких фактов осуждения по ст. 178 и ст. 179 УК), однако это не значит, что подобные явления не встречаются в жизни. По-видимому, речь идет о весьма латентном виде преступлений. К такому выводу приводят не только многочисленные выступления средств массовой информации (часть из них может оказаться недостоверной), но и специальные исследования.

Так, в автореферате кандидатской диссертации А.А. Купленского на тему "Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых сотрудниками уголовного розыска в связи со служебной деятельностью" (Омск, 1991) приводится анализ ведомственной статистики МВД за период с 1979 по 1989 г. Этот анализ показал, что из правонарушений, допущенных сотрудниками уголовного розыска в связи с исполнением служебных обязанностей, большинство деяний (64%) связано с посягательствами на правосудие, а среди деяний, направленных на причинение вреда жизни и здоровью граждан, преобладает рукоприкладство (86%). Вместе с тем только 2% лиц, привлеченных к ответственности за нарушения законности, подверглось уголовно-правовому преследованию.

Автор исследования отмечает у части сотрудников уголовного розыска невысокий уровень правосознания и правовой негативизм, свидетельствующие об отчетливо выраженной антисоциальной установке,

реализуемой при исполнении служебных обязанностей. В частности, только 53% опрошенных полагают, что проблема соблюдения законности очень актуальна, а многие считают, что законность не только можно, но, в отдельных случаях, и следует нарушать для решения задач борьбы с преступностью.

В проекте Уголовного кодекса РФ, принятого Государственной Думой в третьем чтении, рассматриваемая группа преступлений пополнилась еще двумя составами: незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 295) и фальсификация доказательств (ст. 298). Появление последней весьма симптоматично. Для привлечения к ответственности за фальсификацию доказательств новая норма не требуется — эти действия могут повлечь ответственность за должностной подлог, однако таких дел практически почти нет.

Несмотря на это, авторы проекта, видимо, исходили из того, что отсутствие дел не означает отсутствия фактов в реальной жизни, и обоснованно решили актуализировать борьбу с этим явлением путем принятия специальной нормы.

Примером безнаказанности может служить случай из собственной правозащитной деятельности. При изучении дела К. было установлено, что оно сфабриковано путем подделки следственных документов (подлинный протокол осмотра был уничтожен и заменен фальшивым с подделкой подписей понятых; в протоколах допросов ряда свидетелей произведены исправления и т.д.). В результате К. был осужден на 15 лет лишения свободы, хотя инкриминируемого ему преступления вообще не было. Прокуратура РСФСР официально признала, что дело сфальсифицировано, внесла протест и Верховный Суд РСФСР дело в части этого эпизода прекратил. Однако авторы фальсификаций не понесли никакой ответственности. Эта история получила огласку в публикации "И за прокурором нужен надзор..." (Юридический вестник, 1992, № 24), но никакой реакции не последовало и фальсификаторы продолжают работать в правоохранительных органах.

Причины безнаказанности многообразны, они требуют специального изучения, однако можно отметить одну из них: корпоративная, (ведомственная) психология защиты "своих", сущность которой точно охарактеризовал К. Маркс: "Иерархия карает своего чиновника, поскольку он грешит против иерархии или поскольку он совершает такой грех, который иерархии не нужен, но она берет его под защиту всякий раз, когда сама иерархия совершает грех в его лице".

И если на беззакония, совершаемые в организациях, на предприятиях и т.д., можно пожаловаться в правоохранительные органы, то нарушения законности в этой сфере рассматриваются внутри той же системы (пусть и другими ее органами), поэтому корпоративная психология здесь особенно опасна.

Теперь обратимся к вопросу о контроле за

правильностью решений судебных органов и исправлению допущенных ими ошибок. Низкое качество проверки дел в кассационных и надзорных инстанциях объясняется рядом причин как субъективного, так и объективного характера. Сказывается невысокая квалификация судей, значительная часть которых получила заочное образование, чрезмерная нагрузка, не позволяющая детально изучать дела, да и просто нежелание заниматься этим, ибо должностное положение судей практически не связано с качеством их работы.

Следует отметить и недостатки законодательства: отсутствует апелляционное производство, не урегулирован процессуальный порядок проверки дел в порядке надзора. Надзорные жалобы как процессуальный документ даже не упоминаются в законодательстве, и ответы на них зачастую носят характер отписок, не содержащих анализа аргументов, приведенных заявителем.

Многие судьи не осознали основную идею правового государства — приоритет прав человека и продолжают считать главной задачей суда соблюдение интересов государства и борьбу с преступностью.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что в условиях нынешней российской действительности судебная и правоохранительная системы вряд ли смогут (а, может быть, вряд ли захотят) преодолеть упомянутые негативные стороны своей деятельности в связи с чем необходимы те или иные формы внешнего контроля, осуществляемого какими-то другими органами.

Сложность проблемы внешнего контроля за правоохранительной сферой, и прежде всего судом, объясняется тем, что эта идея в той или иной мере противоречит другой, не менее важной — необходимости обеспечить полную независимость судебной власти. Как известно, у кольца нет конца: любой контроль ограничивает независимость, а бесконтрольная независимость практически неизбежно приводит к безответственности.

Оптимальное решение лежит где-то посередине, причем в сфере уголовной юстиции, как и при разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную, должна существовать система сдержек и противовесов.

Один из элементов такой системы — суд присяжных, который, если рассматривать его с этой стороны, является противовесом власти профессиональных судей, лишая их права разрешать основной вопрос уголовного дела — о виновности подсудимого. Но суд присяжных — часть судопроизводства. Если же ставить вопрос о чисто внешнем контроле, то следует учесть одну существенную особенность. Разделение властей означает, что каждая из ветвей обладает властными полномочиями.

В отличие от этого суд не должен делиться своей властью ни с кем — в противном случае он утратит независимость. То же можно сказать и о независимости

следственной и прокурорской власти — в тех пределах, в которых она предусмотрена законом. Следовательно, внешний контроль нельзя наделять полномочиями вмешиваться в существо судебной деятельности, т.е. решения судов могут отменяться только вышестоящими судами. Отсюда и специфические формы такого контроля.

Одной из них является контроль за поведением судей. Несменяемость судей — одна из гарантий их независимости и в то же время одна из причин, порождающих их безответственность.

В настоящее время наказать судью, отстранить его от должности может только квалификационная коллегия судей, избираемая ими же из своей среды, а любая проверка законности действий работников прокуратуры может осуществляться только самой прокуратурой. Выше уже отмечалась неэффективность такого внутриведомственного контроля. Необходимо расширить возможности внешнего контроля, как это делается в ряде зарубежных стран.

Например, в США при формировании дисциплинарной коллегии судей по одной трети ее состава делегируется соответственно судьями, губернатором и законодательным собранием штата, а расследование дел особой важности, в которых замешаны высшие должностные лица, производится специальным прокурором, назначаемым парламентом. Конечно, эта мера не решит всех проблем, но в какой-то степени ослабит уверенность в безнаказанности.

Важную роль одного из противовесов неправомерным действиям властей, в том числе судебной, должны сыграть неправительственные (общественные) правозащитные организации. Они не обладают властью давать обязательные указания, изменять или отменять решения судебных и других правоохранительных органов. Их задача — выявлять нарушения законов, а методы — предание огласке таких фактов, обращение в соответствующие инстанции с просьбой о пересмотре принятых решений и т.д.

Определенный опыт в проведении подобной работы имеется у Красноярского краевого Фонда "Правовая защита" — общественного объединения, зарегистрированного в Управлении юстиции. Одна из его задач — оказание правовой помощи населению, в том числе путем содействия исправлению судебных ошибок. Фонд рассматривает жалобы, поступающие непосредственно в Фонд, либо через депутатов Федерального Собрания, Законодательного Собрания края или через Полномочного представителя Президента.

Консультанты Фонда (главным образом, преподаватели юридического факультета) изучают жалобы и документы, а при необходимости и сами дела, и составляют письменные заключения о том, был ли нарушен закон. Если нарушений не было, заявителю направляется мотивированный ответ с обоснованием того, почему Фонд не будет заниматься его делом. Если же закон нарушен, то жалоба вместе с обращением

лица, которому она поступила, и заключением консультанта направляется в соответствующий орган (суд, прокуратуру).

Деятельность Фонда напоминает работу адвокатов, но отличается от нее, по крайней мере, двумя моментами: во-первых, для заявителей помощь является бесплатной (это один из принципов правозащитной деятельности); во-вторых, адвокат обязан защищать клиента всегда, а правозащитники только тогда, когда по их мнению нарушен закон.

В основном Фонд занимается уголовными делами по жалобам осужденных и их родственников. Гражданские дела рассматриваются редко, только тогда, когда они затрагивают тех, кто сам не может отстаивать свои интересы и пригласить адвоката (душевнобольные, престарелые и т.д.).

Следует отметить большую пользу привлечения к правозащитной деятельности юристов-профессионалов для выполнения роли независимых экспертов-консультантов, которые дают заключения о фактах нарушения прав человека. При наличии таких документов дальнейшие правозащитные акции (выступления в СМИ, протесты и т.д.) оказываются более эффективными.

Действуя подобным образом, нам удалось добиться исправления судебных ошибок, в том числе грубых, иногда после многочисленных отказов на направлявшиеся ранее обращения осужденных и их родственников. Судебные органы соглашались с нами не всегда, однако мы стараемся использовать все

Андрей БЛИНУШОВ

Второе дыхание МХГ

Весной этого года решалась судьба Московской Хельсинкской Группы. Как водится в старых добрых московских кухнях, в клубах табачного дыма, разгорелся спор: пора объявлять о выполнении Хельсинкской Группой ее, так сказать, исторической миссии или попытаться "вдохнуть" новую жизнь в старейшую правозащитную организацию бывшего Союза? Оптимисты таки победили вечных скептиков — в мае в столице состоялось координационное совещание правозащитных организаций, посвященное 20-летию МХГ. Председателем Группы стала Людмила Алексеева. В широком спектре нынешних правозащитных организаций Хельсинкская Группа определила свою новую роль — "обслуживание правозащитного движения в регионах". Намечено создание учебного центра по правам человека; межрегионального ПЦ; издательского Центра и коллектора правозащитной литературы.

А недавно произошло событие, на мой взгляд, грандиозное — в "Экспресс-хронике" Александра Подрабиника появился бюллетень-вкладыш МХГ... "Хроника текущих событий". Возобновили выпуск ХТС люди, которые делали еще ту, легендарную "Хронику". Шаг, наверное, очень рискованный, но симптоматичный — дела с правами человека в России-матушке из рук вон плохи...

Меня, члена региональной организации, московские инициативы, не скрою, порадовали. Обнадёживает, что "мотором" МХГ стала Людмила Алексеева — ее работоспособности и оптимизму позавидуют и десять юных неофитов, пришедших в движение на перестроенной волне. Да, вот о "движении" хотелось бы несколько слов. Оно никогда не было в России структурированным, отдельных правозащитников и группы единомышленников объединяла, наверное, обостренная совестливость или, если хотите, идея приоритета прав человека. Общая миссия, по-современному

возможности, а в случае отказа обращаемся повторно вплоть до самых высших инстанций. Так, по нескольким делам после отказа краевого суда материалы были направлены в Верховный Суд РФ, который согласился с нашими доводами, а одно дело после отказа Верховного Суда РФ передано в июле 1995 г. в Конституционный Суд РФ.

Важную роль в контроле за соблюдением прав человека должна сыграть служба Уполномоченного по правам человека. Впервые должность омбудсмана появилась в Швеции в начале XIX века, а затем в ряде западноевропейских стран, а в последние годы также в Польше и Венгрии. Учреждение такой должности в России предусмотрено Конституцией РФ, для чего необходимо принять федеральный конституционный закон, который будет регулировать деятельность Уполномоченного. Проект закона рассматривался Государственной Думой, но не был принят.

Таким образом, для совершенствования защиты прав человека от неправомерных действий в правоохранительной сфере необходима система внешних (неведомственных) форм контроля, элементами которой являются: участие представителей законодательной и исполнительной власти в работе квалификационных коллегий и рассмотрении, в их составе, жалоб на поведение представителей судебной власти; учреждение поста Уполномоченного по правам человека; деятельность общественных правозащитных организаций. По-видимому, возможны и другие формы, поиск которых следует продолжить.

Красноярск

говоря. Да литература, песни. "Эрика берет четыре копии..." — кому-то до лампочки — что за Эрика, — а кому-то — мороз по коже...

Действительно, сплотить правозащитников в движение, в "Солидарность" образца 1980-го, я думаю, не удастся. Да и незачем. Люди это все больше не отрядные, очень индивидуальные и, как бы это поточнее сказать, самобытные что-ли. Большинству очень хочется убежать от нашего, увы, родного понятия "своя тусовка". Ты, мол, сотрудничаешь с нами — не приходи к Леше Иванову, или: "А, мемориальцы! Ну-у-у, понятно..." Большинство провинциальных активистов устало от этих рудиментов окраинных московских дворов. Надеюсь, что обновленная МХГ не будет склонна к культивированию таких "традиций".

Искренне огорчает сегодня слабый информационный обмен в пределах столицы: два десятка провинциальных контактов у МХГ, два десятка у Центра по правам человека, два десятка у "Мемориала" и так далее. Цифры, конечно, условные, но рождаются в Москве десятки проектов, призванных "стимулировать, возродить, сплотить, методически вооружить" региональные организации страны, на которые даже сводной базы данных нет. Чаще всего проекты эти создаются и живут при полном неведении тех самых региональных организаций. Упираю на все это умышленно — слишком дорог мне авторитет бывлой МХГ — новые проекты Группы должны, видимо, начинаться с координации внутри самой Москвы.

Я, пожалуй, тоже оптимист, потому приведу цитату из материала Людмилы Алексеевой (первый номер возрожденной "Хроники текущих событий"): "Мы будем помогать друг другу, узнавать и учиться друг у друга. Все вместе мы добьемся такого положения, когда словосочетание "права человека" не будет пустым звуком".

Лучше и не скажешь. Присоединяюсь.

Рязань

Людмила АЛЕКСЕЕВА

После XX съезда...

В 1956 году, после 20 съезда, инакомыслие, в том числе политическое, накапливавшееся до той поры подспудно, выплеснулось наружу и стало разрастаться лавинообразно...

Ниспровергатели советской системы среди инакомыслящих были крайне редки, единичны, а диапазон критики — и в официальной литературе, и в самиздате — укладывался в понятие "демократический социализм". Однако часть критиков делала упор на демократию, а другая — на социализм, но социалистическое мировоззрение было господствующим с первых признаков проявления несогласия и до конца 60-х годов...

Вторжение в Чехословакию разрушило надежду на смягчение советского режима и способствовало массовому пересмотру прежними сторонниками партийно-демократического направления оценки советской системы как системы социалистической — одни перестали считать ее таковой, другие перестали вкладывать положительный смысл в само понятие социализм...

Была среди социалистов и организованная часть — подпольные и полуподпольные кружки и организации, почти полностью молодежные. В большинстве случаев каждый такой кружок был замкнут в себе, лишь некоторые из них были связаны с двумя-тремя такими же кружками и связи эти не шли далее совместных совещаний. Эти юноши нового послевоенного поколения были искренними марксистами, социалистами и патриотами, они стремились не к ниспровержению существующего строя, а к его улучшению возвращением к "настоящему", "ленинскому" социализму или к реформе "по югославскому образцу"...

Во второй половине 1968 года студенты радиотехнического института в Рязани создали нелегальную организацию под названием Марксистская партия нового типа. Студент-заочник, токарь завода "Рязсельмаш" Юрий Вудка написал брошюру "Закат капитала", которая стала

программным документом рязанской группы. Видимо, эта группа имела связи в других городах, так как саратовская группа также считала своим программным документом работу Вудки "Закат капитала". Рязанская группа была раскрыта..., на суд в Рязань вызвали свидетелей не только из Саратова, но и из Подмоскovie, Ленинграда, Киева и других городов. Приговоры — от 7 до 3 лет лагеря...

В том же, 1968 году, в Саратове сложилась подпольная студенческая группа, назвавшая себя Партией истинных коммунистов. Она имела программу либерально-демократического толка и ставила целью творческое изучение марксизма по первоисточникам, а также соответствующей литературы — официально опубликованной и самиздатской. Аресты произошли в августе 1969 года. На суде обвиняемые подчеркивали, что они вели не агитацию ("немного для многих"), а пропаганду ("много для немногих"), что новичков в организацию привлекали только после ознакомления с пропагандистской литературой и лишь в случае возникшего после этого совпадения взглядов. По делу прошло около 50 свидетелей — студентов и недавних выпускников саратовских вузов. В зал суда пустили только родственников и специально подобранную публику; у входа стояла толпа молодежи, человек сто-полтораста. Все подсудимые признали вину и покалялись, и все-таки глава организации, выпускник саратовского юридического института Олег Сенин получил 7 лет лагеря, остальные — от 3 до 6 лет. После процесса более 60 близких к обвиняемым подверглись внесудебным репрессиям — увольнению с работы и исключению из вузов...

Khronika Press, 1984.

(Начало цикла статей о рязанской и саратовской группах см. в "Карте" N7-8 — прим. ред.)

Сергей РЫЖЕНКОВ

Шестеро против АЖИ

...16 января 1970 года судебная коллегия по уголовным делам саратовского областного суда приговорила...

...постановлением Президиума верховного суда РСФСР от 20 июня 1990 года реабилитированы...

Вернувшись в родной Саратов из деловой поездки в Киев, Саша заночевал у товарища. Рано утром он проснулся оттого, что в комнате было много людей.

— Вы Романов? — спросил его кто-то из них и, услышав утвердительный ответ, приказал: — Одевайтесь. Вы поедете с нами.

Уже на улице, приходя в себя после неожиданной побудки, он заинтересовался: — Кто вы такие? Может вы меня украсть хотите?

Тут ему были предъявлены необходимые для "похищения по-советски" документы — на специальном бланке и с особыми штампами. Поехали к нему домой.

— Мама! Я не один. Со мной гости! — предупредил он с порога. "Гости" стали обшаривать квартиру, а плохо выпавшийся 20-летний "похищенный" — осмысливать случившееся. В это утро — 29 августа — в Саратове были арестованы еще трое молодых людей. И, как оказалось впоследствии, знаменитый "карающий меч" был незримо занесен над судьбой еще чуть ли не сотни их знакомых, приятелей, друзей.

Виктор Бобров, Валентин Кириков, Дмитрий Куликов и Александр Романов были отвезены в г.Энгельс и помещены там в КПЗ (площадь Свободы, 1). Не знаю, вспомнил ли кто из них, переезжая через Волгу, дантовское "оставь надежду...", но спустя много лет один из них признавался: "Я думал, что нас не станут судить, я думал — нас замучат где-нибудь в застенке, может быть даже — убьют..."

Но по истечении, как и положено, трехдневного срока им было предъявлено обвинение — в "антисоветской деятельности" — и они были переведены в следственный изолятор Саратова, находящийся на улице носящей имя репрессированного в период "обострения классовой борьбы" героя гражданской войны Кутякова, и помещены в 3-й корпус, в котором был замучен Николай Вавилов.

Шел 1969 год. 13-й — после разоблачения сталинщины на XX-м съезде. И — вместе с тем — годовщина советского вторжения в Чехословакию.

В чем же заключалась "антисоветская деятельность" арестованных? Если характеризовать ее в самом общем плане, то — в изучении и распространении политических и экономических идей, почерпнутых, главным образом, из сочинений классиков марксизма-ленинизма. Несоответствие между реальным социализмом и тем, который в этих сочинениях спроектирован, — такова была "первичная интуиция" молодых оппозиционеров. Они думали — достаточно объяснить людям, что существующий у нас строй не является истинно социалистическим, что класс бюрократии — собственник власти и через это — собственник средств производства; что этот класс в своих интересах и к своей выгоде эксплуатирует прочие слои населения, — и что это население немедленно захочет избавиться от новоявленных капиталистов, только прикидывающихся для маскировки убежденными коммунистами...

Видимо, эти идеи витали в воздухе эпохи, хотя приходили к ним разными путями и принимали их в разной степени.

Олег Сенин, а именно он был инициатором создания саратовской группы — и поэтому начать логично именно с него, — родился в Шацке Рязанской области, в рабоче-крестьянской семье. Учась — и неплохо — в Моршанском строительном техникуме, он, как сказали бы сейчас, влился в "подростковую группировку", которая устраивала драки на танцплощадках, держала улицу, сверстников, обывателей в страхе. В одной из драк их "кодла" чуть не до смерти избил какого-то парня. И весьма реальным стало уголовное дело.

Сенин, один из зачинщиков избиения, попал к следователю, который сумел не только вытащить подростка из "дела", но и направил его энергию, стремление, умение лидировать в иное русло. Олег переводится в Рязанский строительный техникум и переезжает в Рязань.

"Я стал интересоваться философией, психологией, историей, — вспоминает

Слева направо в первом ряду: М.Г. Фокеев, Д.Г. Куликов; во втором ряду: В.И. Кириков, А.И. Романов.

ФОТО ИЗ АРХИВА А. РОМАНОВА

Олег Михайлович, — я, помню, хватался за все — от Гегеля до Герцена, от психопатологии до... неведь чего. Я мыслил себя в Ленинградском университете... Но именно тогда во мне обозначилось желание чем-то помочь тем ребятам, из среды которых я вышел, которых засасывала хулиганская стихия, которые кончали лагерем, потом рецидивом и всем прочим."

И Сенин становится следователем (на общественных началах) прокуратуры. Он сознательно и глубоко готовит себя к поприщу борца с преступностью: посещает лекции в педагогическом, медицинском, радиотехническом институтах, развивает ораторские способности, читая лекции на всевозможные темы, пишет заметки в местную газету, чтобы овладеть пером. И, разумеется, увлеченно вникает в специфику следственной работы.

В это время он знакомится с Юрием Вудкой, студентом Рязанского радиотехнического института, приехавшим с Украины. Будучи сверстником Олега, он к тому времени уже выработал весьма

критический и серьезный взгляд на устройство советского общества. В острых спорах и горячих разговорах новых знакомцев их социально обостренные чувства и оппозиционные мысли оформлялись в мировоззренческую систему. Появилась необходимость создания кружка единомышленников.

И когда летом 1966 года Олег Сенин уезжал поступать в Саратовский юридический институт, он уже имел задание: организовать в Саратове кружок, группу, подобную рязанской. Именно Вудка написал "Закат капитала" — работу, которая стала программной как для рязанской, так и для саратовской, а потом и петрозаводской групп.

Впоследствии, в приговоре суда, эта работа будет описана следующим образом: "В антисоветском трактате "Закат капитала" отрицается социалистический характер Великой Октябрьской социалистической революции, извращаются основные этапы пути, пройденного советским народом по строительству социализма и коммунизма, утверждается, что в

СССР существует государственный капитализм, излагаются программные установки по созданию на территории Советского Союза антисоветских нелегальных кружков и групп, проведению враждебной пропаганды в устной и письменной форме, организации забастовок, демонстраций и восстаний с целью свержения в СССР государственного и общественного строя."

Осторожные, а порой и не очень, расспросы и речи Олега Сенина привлекли внимание и пришлось по душе другому студенту-первокурснику — Валентину Кирикову. Он родился в Саратове в 1942 году. Его отец был офицером НКВД. В первые дни войны он ушел на фронт — не "по специальности". Мать работала бухгалтером на железной дороге. После войны отец в семью не вернулся.

По собственному признанию Валентина Ивановича, до знакомства с Сениным и начавшихся после этого штудий по истории русского революционного движения и истории репрессий советской власти (по легальным источникам), он был... сталинистом. До 1962 года в военном училище, где он учился, стоял бюст Сталина, который их взвод не позволял убирать. "Мы отдавали генералиссимусу честь, когда проходили мимо, — вспоминает он, — А когда я уже был в армейской части, мы нашли на чердаке огромный, маслом написанный портрет вождя, и повесили у себя в комнате в общежитии..." Ни командиры, ни замполиты не возражали против портрета. Это поражало молодых офицеров. И сам Валентин Иванович отмечает, что было во всем этом что-то от неосознанной фронды, какая-то издевка со стороны армейской молодежи.

Служа в войсках Ленинградского военного округа, Валентин поступил в институт марксизма-ленинизма. Ему так понравилось обучение там, особенно политэкономия, что он добровольно остался на второй год — чтобы еще раз пройти курс. В 1966 году, будучи лейтенантом ракетных войск стратегического назначения, он был комиссован по болезни и поступил учиться в Саратовский юридический институт. "Учась в юридическом, я стал задавать вопросы по кафедре теории государства и права, обнаруживая несоответствия между работами Ленина и той окружающей действительностью, которую видел. От этих вопросов, а задавал я их нынешнему ректору Борисову, последний всячески уходил. И тут подходит ко мне Сенин Олег Михайлович, студент, отводит в сторону и говорит: "Мы сами разберемся..." И вот постепенно — может быть прошел год — Сенин знакомит меня с Александром Ивановичем Романовым. Это уже новый круг..."

Александр Романов родился в Саратове в 1948 году. Отец его был шофером, мать работала на швейной фабрике. Очень рано он заинтересовался историей; общественными проблемами. Уже в школе его поразил конфликт между китайской и советской компартиями, и он основательно, благо заявления обеих сторон

печатались в газетах, выходили отдельными брошюрами, этот вопрос прорабатывал. В частности, одним из основных пунктов взаимных обвинений были обвинения в бюрократизме и отходе от классических принципов марксизма, от социалистических идеалов.

Когда в 1966 году он поступил на исторический факультет Саратовского госуниверситета, ему попался сборник статей, в котором критиковалась югославская компартия. Югославы, в свою очередь, нападали на КПСС за бюрократическое перерождение, но, в отличие от китайских коммунистов, обвиняли ее не в отходе от социалистических идеалов, а в отходе от жизни. В этой книге цитировалась и принятая в 50-х годах программа компартии Югославии, а речь там шла о необходимости децентрализации экономики, о смягчении партийного контроля на производстве, допускались элементы рыночных отношений... Эти цитаты были выписаны удивленным содержащимися в них идеями юношей в специальную тетрадь.

И вот весной 1967 года Саша дал почитать эту книгу своему однокласснику и однокурснику Сергею Константинову, и тот познакомил его со студентом юридического института, которого звали Олегом и который искал студентов, интересующихся общественными проблемами, философией, историей.

«Что любопытно, — вспоминает Александр Иванович о первой встрече с Сениным, — в первый же день мы начали обсуждать проблему создания нелегальной организации, которая должна была заниматься пропагандой оппозиционных идей... У меня внутренне было уже желание подключиться к какой-либо деятельности, группе, которая пыталась бы изменить существующее положение, поскольку к тому времени людей, которые откровенно и искренне верили в существующую официальную идеологию, я просто не встречал».

От Олега он впервые услышал термин, характеризующий наш реальный строй, — «государственный капитализм». Летом этого года Александр, по совету Олега, который на каникулы уехал на родину, штудировал первые тома собрания сочинений Ленина, где излагаются начала революционной деятельности, основы создания нелегальной организации, теоретические положения (главной работой в этом отношении была для всей группы книга «Государство и революция»).

«А в сентябре 1967 года, — как гласит текст приговора, — Сенин провел анти-советскую обработку тренера детской спортивной школы «Сокол» подсудимого Куликова».

Дмитрий Куликов родился в Саратове в 1942 году. Он закончил суворовское училище и поступил на физический факультет университета. В 1966 году, по окончании его, работал в НИИ при университете, позже — в КБ сейсмического приборостроения. И все время, помимо физики, он увлекался физической

культурой, спортом. Когда ему предложили работать тренером по гимнастике, он сделал выбор в пользу спорта, который и стал его профессией.

«В личном плане, — вспоминает Дмитрий Георгиевич, — мы были как-то более-менее устроены. Но меня, например, угнетала вот эта общая обстановка неправды, обмана, даже, можно сказать, вранья».

Кроме того, еще в начале 67-го года наряду с Кириковым были «обработаны» студенты-юристы А. Рудченко, Ю. Ионов, В. Клопичев (на процессе они прошли как свидетели) и В. Бобров. К сожалению, и Виктор Александрович Бобров (род. в 1946 году в Кировабаде), и Михаил Георгиевич Фокеев (1947, Полтава) от «дачи показаний» историкам диссидентского движения и журналистам по разным причинам отказываются. Так что точно воссоздать их путь в группу представляется пока невозможным.

Еще один фигурирующий в «деле» участник группы — студент Саратовского мединститута Г. Федоров — скончался в 1968 году в результате гнойного воспаления после операции по удалению аппендикса. «Можно предположить, — считает «обработавший» некогда Г. Федорова А. Романов, — что сейчас существуют люди, закончившие медицинский институт, которые обсуждали с Герой Федоровым социальные проблемы, соглашались с ним, были, возможно, готовы вести нелегальную деятельность, но в силу его смерти и дальнейшего нашего ареста все это заглохло».

Итак, арестованных поместили в саратовский СИЗО. Однообразный режим: в 6 — подъем, умывание, завтрак. Потом — до вечера допросы в КГБ. 16 следователей вели дело — из Саратова, Харькова, Перми, Москвы. После допроса следствие не прекращалось — в камере (а подследственные, естественно, были разъединены) при каждом находилась «стукач-наседка», который наблюдал за психологическим состоянием, пытался вызвать подопечного на откровенный разговор, подсказать линию поведения на следствии.

До ста человек были привлечены по делу в качестве свидетелей (это только в Саратове, а были еще рязанский и петрозаводский процессы). Не имея пока возможности заглянуть в «дело», которое насчитывает 25 томов, точно очертить все линии следствия невозможно. Спорных моментов много. Например, один из свидетелей утверждает теперь, что только со слов одного из подсудимых следствию стало известно о его участии в нелегальной деятельности. Но скорее всего — где-то за месяц до арестов за членами группы было установлено наблюдение, и все их контакты были отслежены. Остальное — дело следственной техники.

А сам провал произошел в Рязани. Наиболее убедительную версию его дали братья Вудки. Они собрались эмигрировать из СССР в Израиль. На случай успешного отъезда назначили руководителем группы Евгения Мартимонова, тоже

студента радиотехнического института. Он испугался, что если группу раскроют, то ему достанется больше всех, и явился с повинной. Однако в интересах следствия, время явки — 24 июля — было переправлено на 29-е, а вызванный 25-го Семен Заславский, припертый фактами, ставшими известными от Мартимонова, получилось, первым выдал группу. После этого были арестованы братья Вудки, Олег Фролов, Симонас Грилюс... и — Олег Сенин.

(По информации, которой в настоящее время располагает редакция, явка с повинной Мартимонова и Заславского является провокацией КГБ. На самом деле эти люди доносчиками не были. — Прим. ред. «Карты»)

Сенин имеет иную версию провала. Еще в 67-м году в пропагандистском порыве, в «безудерже», как он сам назвал «этот зуд, это желание увеличить число единомышленников», он дал рукопись «Заката капитала» тогдашнему декану юрфака Степанову, который и сдал ее «куда следует» (вариант: передал ректору, а тот уже отнес ее в КГБ). А так как именно — рукопись, — Олег Михайлович и считает этот факт основным аргументом. «Помоему, она была написана рукой самого Вудки. Мне кажется, они и нашли нас по этой руке, так что это на моей совести» (по конспиративным правилам он должен был перепечатать текст на машинке, а рукопись уничтожить).

Правда, при принятии этой версии возникают вопросы, на которые трудно ответить: почему в течение двух лет никого из ребят не трогали? Почему самому Сенину позволяли работать в прокуратуре? По-видимому, все же он только «засветился», а его объяснение о случайно найденной тетради с рукописью если и не убедило КГБ на 100 процентов, то и не послужило сигналом к оперативной активности.

Кстати, именно в здании прокуратуры его и решили арестовать. К этому времени он перешел на заочное отделение и переехал опять в Рязань. Его вызвали к облпрокурору, у которого находился и прямой начальник Сенина — райпрокурор, и сообщили, что в связи с сокращением штатов они вынуждены его уволить (обычное советское увольнение перед арестом, чтобы учреждение осталось «чистым»). И первое, что пришло в голову Сенину: «Это та самая тетрадь». Он предчувствовал арест и на циничное: «Мы вам поможем с трудоустройством» («Устроили на 5 лет, — шутил он потом), тут же вспылал, сказав, что знает «чей это перст, чья лапа орудует». «Они сделали изумленный вид: ах, что вы имеете в виду? — Это органы госбезопасности!.. дело с рукописью. Я пойду и буду с ними говорить и разбираться!»

«Я вышел из прокуратуры, — вспоминает Олег Михайлович, — и пошел, и пошел, — думаю, куда же мне идти? И как-то невольно я повернул туда, и прямо недалеко от здания госбезопасности вдруг оторвался от парашута какой-то

мужчина, нейтрального такого вида, в болоньевом плаще, испросил: — Вы — Сенин Олег Михайлович? — Я. — Пройдемте, — появился второй. — Я к вам иду. — Ну и прекрасно". Это произошло 8 августа.

(Заслуживает упоминания и такой "фоновый" фактор провала: "В юридическом институте, например, нас знали как обдуренных, как довольно радикальных, как мы ни пытались это скрыть".)

После того, как Сенин "засветился", он, в соответствии с конспиративными нормами, отходит от саратовской группы (как уже упоминалось, он к этому времени переехал в Рязань). Впрочем, и тут имеется иная версия этого отхода. Вот как этот эпизод дан в приговоре: "К октябрю 1967 года нелегальная группа Сенина распалась. Кириков и Романов заявили о нежелании участвовать в нелегальной группе из-за отрицательных, на их взгляд, личных качеств Сенина. Однако договорились между собой враждебную деятельность не прекращать, а создать другое преступное общество, в которое Романов решил вовлечь ранее обработанных им Куликова (Таким образом, Д. Куликов, по тексту приговора, был "обработан" во второй раз. — С.Р.) и Федорова. 13 октября 1967 года Кириков, Куликов, Федоров и Романов, собравшись на квартире у Романова и вступив в преступный сговор, приняли решение об активном проведении организованной антисоветской деятельности, направленной на подрыв и ослабление Советской власти. Преследуя цели расширения антисоветской деятельности, Романов, Кириков, Куликов и Федоров договорились о создании подпольных антисоветских групп по месту учебы и работы каждого из них".

Эту версию создания новой группы — без участия Сенина (и Боброва) — в чисто фактическом плане поддерживают и сами участники событий. А по мнению Куликова, тут еще сказались и идеологические соображения: "Сенин привез нам все эти идеи из Рязани; а мы считали совсем неприемлемыми для себя некоторые рязанские взгляды и поэтому решили от них отделаться и организовать

свое..."

Надо, правда, отметить, что связь Сенина с саратовцами не прерывалась. Он, приезжая, встречался с ними, передавал литературу, но в деятельность группы посвящен не был. Что же касается его "личных качеств" — психология лидера, подражание Рахметову и т.п., — все эти черты спустя много лет стали предметом беззлобных шуток не только его товарищей молодости, но и самого Олега Михайловича.

К четвертому месяцу следствия началась спешка — дело стремились поскорее и уже чисто формально, абы как, завершить. И это, видимо, нужно объяснять не только требованиями соблюдения уголовно-процессуального кодекса, но и тем, что высоко наверху, где, в общем-то, брали явный курс на ресталинизацию, все же не решились придать репрессиям былой размах.

Попадание или нет в число тех, кто, на взгляд следствия, должен был получить срок, определялось порой достаточно внешними обстоятельствами. Так, М. Фокеев, бывший в группе запасным звеном на случай провала и арестованный в октябре, получил срок по собственной, так сказать, инициативе. Ему было предложено полностью отказаться от своих взглядов — на что он ответил отрицательно.

Грань между свидетелями и подсудимыми была весьма тонкой, и многие свидетели подверглись внесудебным репрессиям. Из вузов были исключены В. Горбачев, В. Клопичев, А. Александрова и др. (я уж не говорю об исключении из комсомола). Последняя потом долго нигде не могла устроиться на работу. А когда подсудимые знакомились с материалами дела, то выяснялось, что эта девушка очень твердо держалась на допросах, и только после того, как ей начали предъявлять показания других допрошенных, она стала некоторые факты подтверждать. Впрочем, большинство привлеченных к следствию избрало именно эту линию поведения и со следствием активно не сотрудничало.

Новая группа была названа "Группой революционного коммунизма". (В "Хронике текущих событий" и в книге Л. Алексеевой "История инакомыслия в СССР (Бенсон, 1984) было дано искаженное название — "Группа истинных коммунистов"). Это название было навеяно фактом существования в 1918 году в Саратове левозсеровской "Партии революционных коммунистов". Это различие в названиях важно для понимания целей и задач ГРК (эту аббревиатуру кое-кто из ребят выцарапал на стенах камер). Хотя ГРК имела устав, денежный фонд, четкие программные установки и структуру подпольного революционного сообщества (каждый из участников создавал свое звено, членов которого знал только он, потом это повторяли члены звена и т.д.) но ее максимумом был лишь курс на создание самой партии, на политическое просветительство, пропаганду идей, из-

ложенных в программных документах. Другими словами на подготовку кадров и субъективных условий для образования по возможности массовой партии, которая в тот момент, когда это потребуется рабочему движению, — а оно на взгляд теоретиков-марксистов должно было возникнуть рано или поздно в нашей стране, — могла предоставить ему теоретическую базу и возглавить его. То есть все по "Что делать?" Ленина.

Такими программными работами, помимо упоминавшегося "Заката капитала", были написанные рязанцами (в основном, Ю. Вудкой) статьи: "Деро'ор (Трубы свободы)", "О безработице", "Внешняя политика советского империализма", "О патриотизме", "Современная интеллигенция и революция", "Современность и национальный вопрос", "Идеологическая работа и психология", "О базисе и надстройке", "Диалектический материализм и влияние среды на объект". В них рассматривались вопросы общественных отношений, системы образования, взаимоотношения личности и общества и т.п. Кроме того существовали и уточняющие те или иные положения работы: "Марксизм и действительность", "Механизм лжи" (О. Сенин), "Марксизм и колдуны", "Послесловие к "Закату капитала" (Ю. Вудка) и др.

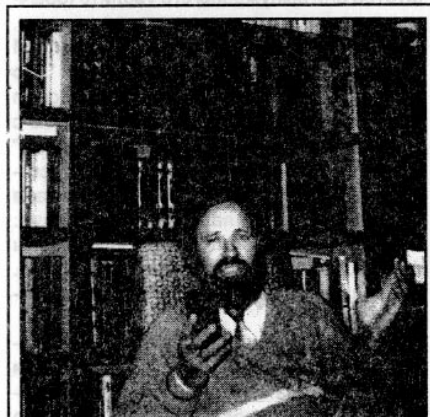
Саратовцами была написана рецензия на "Закат капитала", Г. Федоров был автором статьи "Пропаганда и психология", в которой — как гласит текст приговора — "Советский строй отождествляется с фашизмом и излагаются методы проведения антисоветской пропаганды" (эта статья была отредактирована А. Романовым). В. Кириков написал статью "Дороги, которые мы выбираем". Кириков, Романов, Ионов, кроме того, были авторами "антисоветских" стихотворений. Все это размножалось на купленной по случаю и дешево пишущей машинке, фотографировалось, переписывалось от руки, записывалось на магнитофонные кассеты.

Попадал к ним и самиздат — письмо Раскольникову Сталину, письмо Солженицына съезду писателей, "Размышления..." Сахарова. Были сняты копии с запрещенной книги Некрича "1941. 22 июня". Слушались и записывались передачи западного радио.

Особо надо остановиться на трех важных вопросах, которые либо совсем обходятся в публикациях по истории ГРК, либо трактуются не совсем верно.

Во время ареста Д. Куликова у него спросили: "Где ваше оружие?" В ответ он постучал себя по голове: "Мое оружие здесь". Видимо, и на следствии, и на суде (и потом в устных преданиях "в народе") эта "оружейная" тема более-менее часто всплывала.

В телефильме О. Сенин оценивает программу группы с позиции сегодняшнего дня, задним числом констатируя неизбежность революционного насилия при реализации марксистских доктрин. Но в те годы сознательной установки на

О.М. Сенин. Тула, 1995 г.
ФОТОАРХИВ "КАРТЫ"

насилие в группе, разумеется, не было. Любопытно, что если среди простых жителей Саратова мифы о студентах-революционерах имели благожелательную окраску, то в номенклатурной, партийно-комсомольской среде эту группу именovali не просто "антисоветской", но — "фашистской"(!?). Кстати, именно то, что уголовники в местах заключения называли политических "фашистами", особенно потрясло молодых "революционных коммунистов" в начале их тюремно-лагерного пути.

Но вообще-то "... уголовники к нам относились неплохо. И мне запомнился даже один такой старичок. Когда нас везли на суд, а затем закрывали в бокс..., и я голову, что ли, опустил..., он и говорит: у меня была бы такая статья — я бы всю жизнь с гордо поднятой головой ходил, ну и вроде поддержал он как-то" (В. Кириков).

Даже один из свидетелей по "делу", навещая иногда мать одного из находившихся уже в лагере заключенных, как-то поинтересовался у нее: "А где он все-таки оружие прятал?" Видимо в стране "Великой октябрьской социалистической революции" большевистская парадигма властно определяет восприятие любой политической оппозиции в духе: "старый мир разрушим до основания". И, естественно, что "ленинцам" приписывается последовательное исполнение кровавых заветов вождя, — даже если как раз в этом пункте, в реальности, они от них отступили.

Проблема марксистско-ленинской ориентации ГРК предстает сейчас опять-таки в двух планах. Более или менее политизированные простые граждане несколько свысока оценивают "марксистские заблуждения" группы, — спустя 20 лет действительно может показаться (при внеисторическом подходе), что "все начинать по-новой", повторять практику и ошибки большевиков не стоило (не стоило лагерей и покоренных судеб).

Перестроечная журналистика, наоборот, трактует ГРК как "детей оттепели" — так называлась первая официальная публикация о группе (Т. Корсакова, "Комсомольская правда", 13.10.89) — либо как "преждевременных людей", то есть провозвестников перестройки (так назывался уже упоминавшийся ранее телефильм саратовского режиссера Ю. Нагибина по сценарию той же Т. Корсаковой).

В частности, в статье и в фильме основное внимание уделено "ленинскому наследию". Именно отношение к нему и позволяет "подвесить" ГРК между оттепелью и перестройкой.

И в "народном", и в перестроечно-ангажированном вариантах игнорируется тот факт, что марксизм для провинциальных (и не только — например, ленинградская группа Ронкина-Хахаева, 1965 год) оппозиционеров не был предметом

Саратовский юридический институт.
ФОТО ИЗ АРХИВА А. РОМАНОВА

свободного выбора, но выбором эпохи. В условиях искусственно созданного информационного голода никакой другой целостной концепции переустройства общества выбрать было нельзя. Вспомним и о том, что различными толками марксизма были увлечены в то время интеллигенция и молодежь Запада. Нравственный протест против тоталитаризма, — а именно на этом уровне можно говорить о свободе выбора тогдашних оппозиционеров, — выразился, таким образом, в единственно возможной в то время у нас форме.

Забегая вперед, приведу более органичное решение этого вопроса, данное самим участником событий:

"То, через что мы прошли, вероятно, было неизбежностью... Мы видим, что почти все "русские мальчики" (определение Ф.М. Достоевского — С.Р.) становились христианами. И когда сейчас мы узнаем об опыте Струве, Бердяева, Булгакова, которые прошли через увлечение марксизмом, — очень глубокое увлечение марксизмом, — то мы видим в этом какую-то закономерность. То есть были поиски, так сказать, гносеологии, средств и методов преобразования. И это, естественно, начинается с самого доступного и, казалось бы, самого очевидного, — с того, что предлагает марксизм. В этом его великий соблазн и притягательная сила. Соблазн потому что он не дает на самом деле действенных средств преобразования мира, а только усугубляет положение... А притягательность в том, что он первым бросается в глаза правдоискателям такого рода, какими были мы" (О. Сенин).

Наконец, чем же конкретно была группа Сенина и затем ГРК в диссидентском движении? Дело в том, что прямых связей (кроме рязанских и петрозаводских) с какими-либо группами не было. Более того, что-то зная о процессах Даниэля-Синявского (1956 г.) и Гинзбурга-Галанскова (1968 г.), о существовании НТС, — ГРК считала себя явлением уникальным. Причем, на только в смысле единственности.

И упоминавшаяся в самом начале поездки А. Романова в Киев, где жил "об-

работанный" им рабочий И. Белецкий, и где он хотел встретиться с опальным писателем В. Некрасовым (который был занят, и встреча не состоялась), и попытка передачи А. Учителем (Петрозаводск) пленок со статьями рязанцев и саратовцев за границу, — все это носило характер не просто поисков контактов, но скорее — поисков путей информирования Запада и общечеловечности в стране о тех "социально-экономических и политологических открытиях", которые были совершены молодыми теоретиками. (С идеями М. Джиласа, весьма схожими с их собственными, уча-

стники группы познакомятся позднее). "Когда произошли известные события в Чехословакии, мы пытались передать туда наши работы, потому что там, мы полагали, события пришли к тому исходу, которого мы ожидали у нас в России. И мы предполагали, что наши теоретические работы сослужат добрую службу нашим чешским братьям" (О. Сенин).

О размахе политического брожения в стране, о существовании множества политических концепций и направлений в правозащитном и диссидентском движении они узнают уже в лагере. Показательна в этом смысле встреча рязанцев с проживавшим в то время в их городе Солженицыным. Самому О. Сенину как-то служебная необходимость помешала участвовать в этой встрече, но он хорошо помнит как это было, по рассказам участников: "К нему ходил Юрий Вудка, потом была — она по делу проходила — Лена Красик и еще кто-то — три человека.... Это был довольно дерзкий шаг с нашей стороны, что мы обратились к нему. Так было задумано — чтобы заручиться его содействием... Потому что это была уже личность, это была уже фигура... Он выслушал депутацию и сказал, что он христианин по своим убеждениям, и те методы, которыми мы пользуемся, платформа — она ему, в общем-то, довольно далека. Но он, как человек деятельный, не остался глухим к нам, явно выразил свое сочувствие, дал телефон и адрес Льва Копелева. Он считал, что тот имеет такие либерально-демократические взгляды, к которым мы наиболее близки".

Суд проходил в большом зале областного суда. В соответствии с законодательством он был открытым. Но не для всех желающих. Были изготовлены специальные именные приглашения, которые вручались только идейно выдержанным товарищам, в том числе преподавателям вузов, в которых учились подсудимые, — СЮИ и СГУ.

Сенин, как вспоминает Кириков, "предлагал нам дать бой, как, скажем, Павел Власов, но мы, уже разобравшись, кто сидит в зале сказали, что не следует этого делать. И выступили, так сказать, с покаянными речами". Настрой суда

хорошо передает тот факт, что председательствующий (В.Теплов) настаивал на больших сроках, нежели запросил прокурор (П. Федоров). О.Сенин получил 7 лет лагерей и 2 года ссылки, В. Кириков — 6 и 2, А. Романов — 6, Куликов — 5, В. Бобров — 4, М. Фокеев — 3 года. Ответы на кассационные жалобы, оставляющие все сроки в силе были вручены осужденным в день 100-летнего юбилея Ленина...

Собственно политические составляли в Дубровлаг явное меньшинство. 19 лагпункт, в который попали Кириков, Романов и братья Вудки, находился у поселка с "говорящим" названием — Умор. Много было украинских "националистов", "военных преступников". Были чекисты по делу Берии, наши солдаты, пытавшиеся бежать за границу...

"Интересная картина, самая, можно сказать, памятная и любопытная, — вспоминает В.И. Кириков, — мы с Вудкой (Юрием. — С.Р.) в одной бригаде были, и когда шли на развод, то он шел в обнимку с эсэсовцем, и все говорили: ну где еще такую идиллическую картину увидите, когда эсэсовец в обнимку с евреем идет? Только в советском концлагере!"

Каждому пришлось в лагере трудно по-своему. И когда появилась возможность освободиться досрочно, то пятеро написали прошения о помиловании и были освобождены. После 2 лет и 4 месяцев заключения — Фокеев, после 3 — Куликов и Кириков, после 5 — Сенин. Романов отбыл свой срок полностью (6 лет). За участие в акциях протеста против произвола лагерной администрации его почти на два года "выдернули" во Владимирскую тюрьму, где режим был строже и условия содержания хуже, чем в мордовских лагерях. Как же сложились судьбы "революционных коммунистов" на воле?

О. Сенин: "Меня не прописывали некоторое время... И мне пришлось обратиться в приемную КГБ в Караганде (где Олег Михайлович поселился после освобождения — С.Р.). Я пришел, сказал, что меня не прописывают. В справке об освобождении у меня была такая формулировка: "неотбытый срок считать условным с тремя годами испытательного срока". Я потом ни у кого из юристов не мог выяснить, что это такое, потому что юриспруденция не знает такой формулировки... А с трудоустройством проблем не было, я пошел работать плотником в РСУ. Правда, очень скоро стал мастером. Потом закончил строительный техникум и стал прорабом, инженером... Караганда — провинция, город ссыльных, — к энкам там относились с большими симпатиями.

Был у меня период бешенства такого... Я, надо сказать, сейчас вспоминаю об этом с сожалением. Когда я вышел из зоны, у меня совершенно поломалось с семьей. Я очень любил свою жену... И вот наступил такой период бешенства — я пил, гулял, у меня было много денег... Но это продолжалось недолго. Я чувствовал внутренне, что как-то должен остано-

виться... И я остановился. Остановился по религиозным убеждениям и началось мое приближение к православию, а потом — к адвентизму.

У меня были попытки поступления в Ленинградскую духовную семинарию, куда я не был принят, хотя экзамены сдал нормально. Принят не был — именно по политическим соображениям... Потом я пытался рукоположиться и почти полгода был церковным служителем при владыке Архангельском и Холмогорском — Исидоре... Он был очень заинтересован, чтобы рукоположить меня... Он видел мое рвение, я очень любил церковную жизнь — это была моя стихия. Но Господу было угодно, чтобы я проявил себя в другом...

Православие куда более жестко подходило под колпаком, нежели протестантизм. Последний сохранил большую свободу, большую активность... И здесь я проявил себя больше. Я продолжаю любить православие, пропагандирую все лучшее, что в нем есть. И, будучи преподавателем семинарии, я базовыми своими учебниками, в курсе истории христианства, которую преподаю, считаю книги православных авторов..."

В.Кириков: "Первые трудности я встретил в связи с устройством на работу. Когда я был там, все знакомые матери кланись, божилась: "Сразу, как он придет, мы его устроим"... Все отвернулись. Я полтора месяца не мог нигде устроиться на работу. Первые три дня я вообще просидел на балконе. Я лысый пришел... Дочь ко мне привыкала. Дочери уже три года было. И я к ней привыкал..."

Я, будучи в лагере, дал слово Богу, что я обязательно окрещусь, я же некрещен был. И я крестился в саратовском храме Духа Сошествия, вполне осознанно, в возрасте 30 лет, 11 июля 1972 года. После этого, мне кажется, дела пошли. Я нашел институт, в который меня вначале брали только в гараж, но начальник — он тоже в свое время сидел (это я уже потом узнал) — взял меня к себе в отдел на 80 рублей. И жена получала 46 рублей. Вот так мы начинали вторую свою жизнь. Сейчас я ведущий инженер этого института — "Приволжгипроводхоз"... Молодежь мне задает вопрос — не коммунист ли я? Я говорю: нет, не коммунист. Хотя был пропагандистом — от общественных нагрузок не отказываюсь. Сейчас вхожу в инициативную группу "Милосердие" нашего института..."

К вере меня что привело? Первое — это страдание. Второе — глупость атеистических статей. Глупее этих статей я никогда ничего в жизни не читал. Мне кажется, что человека, когда он их пишет, Господь лишает разума. Я хохочу над этими статьями. И третье — то окружение, которое было в лагере. Это были высококультурные, высокообразованные люди, которые все — верили. И я нашел в вере ответы на все вопросы, которые передо мной стояли."

Д. Куликов: "На работе о моем прошлом знали все и всегда. И как я освободился — я ни от кого не скрывал это

дело. И, надо сказать, меня никогда не воспринимали как "официального антисоветчика". Вот когда я только устраивался на работу, после лагеря, — был один товарищ, председатель профкома, который очень даже возражал. Мне даже пришлось лично встретиться с секретарем райкома партии. И вот только его вмешательство помогло мне устроиться на работу." (Д.Куликов до сегодняшнего дня убежденный марксист. Этой теме было посвящено интервью с ним в газете "Саратов", 1991г, N 8).

В. Бобров тоже сохранил марксистские убеждения. После лагеря ему удалось поступить на заочное отделение Киргизского госуниверситета. Но диплом ему защитить по "политическим соображениям" не дали. В школе, в Бишкеке, где он живет до сих пор, из-за нестандартного преподавания у него было много сложностей, и в конце концов он был незаконно уволен. Восстановлен на работе — в 1987 г. (Подробно эта история освещена в "Учительской газете", N 17 за 1990 г.). Он единственный из всей шестерки, кто был в числе перестроечных "неформалов" и не чужд политической деятельности по сию пору.

М.Фокеев полностью отошел от увлечений молодости и живет жизнью рядового гражданина.

А.Романов очень остро пережил невозможность закончить историческое образование и заниматься любимой научной дисциплиной. Вместо этого пришлось выучиться на кочегара, и до недавнего времени он зарабатывал на кусок хлеба себе и своей семье (жена и дочь, кроме того — дочь от первого брака), работая в котельных. Однажды, в начале 80-х, он случайно оказался вблизи места, где было совершено хулиганство. Его прежняя судимость чуть не стала решающим фактором заведения на него уголовного дела. Слава Богу, все обошлось небольшим "сроком" в судеэкспертной психушке...

Он более десяти лет занимается изучением философии Н. Федорова. Собирает библиотеку о нем и составляет федоровскую библиографию. Первой публикацией Романова на федоровскую тему стала его рецензия на книгу С. Семеновой, посвященную русской философии. ("Волга", 1990, N 2. А в N 5 за 1991 год в этом же журнале помещено большое интервью с А. Романовым. В нем он рассказывает об истории группы, о собственной судьбе).

В интервью газете "Протестант", (1991, № 26), А. Романов подробно рассказал о том, как он обратился к православию. Вот несколько строк из этого интервью:

"Накануне своего 25-го дня рождения, в лагере, я задал себе вопрос: "В чем смысл жизни?" Началось подведение итогов... В лагере я познакомился с другими точками зрения на социальную и духовную жизнь. И я пришел к выводу, что только познание Христа делает нас свободными... В своих попытках изменить

какие-то структуры чисто механическим, внешним путем человек не достигнет истины. Одним из центральных моментов христианского учения, как я считаю, является учение о преображении, которое должно носить космический характер и распространяться не только на жизнь человека, но и на всю Вселенную...

А. Романов — единственный из всех осужденных — пытался добиться пересмотра дела. Из Верховного суда РСФСР пришел официальный ответ (от 20.06.89), который заканчивался таким выводом: "Ваши действия по ст. 70 ч. 1 и 72 УК РСФСР квалифицированы правильно, а наказание по каждому и по совокупности преступлений назначено в соответствии с требованиями ст. 37 УК РСФСР. Таким образом, приговор является обоснованным".

В номере саратовской газеты "Заря молодежи" от 30 июня 1990 года были опубликованы материалы пресс-конференции начальника управления КГБ по Саратовской области А. Теплова. На вопрос о возможной реабилитации "революционных коммунистов" он сообщил: "Материалы этого дела сейчас находятся в Москве на пересмотре". В начале июля 91-го года из саратовского "Общества репрессированных", которое делало запрос в КГБ СССР о ходе пересмотра дела, в редакцию газеты "Саратов", где А. Романов работает обозревателем по вопросам религии, поступила копия письма, подписанного зампредом КГБ СССР В. Лебедевым, следующего содержания: "На Ваше письмо сообщаем, что осужденные 16 января 1970 года Саратовским областным судом по статье 70 ч. 1 УК РСФСР к различным срокам лишения свободы Сенин О.М., Кириков В.И., Бобров В.А., Романов А.И., Куликов Д.Г. и Фокеев М.Г. постановлением президиума Верховного суда РСФСР от 20 июня 1990 года реабилитированы".

Таким образом, более года власти не удосуживались сообщить несправедливо осужденным о принятом ими решении. Надо ли говорить, что реабилитация — это не помилование. Реабилитация означает признание того факта, что люди были наказаны за несовершенное преступление.

"Не жалею, не зову, не плачу..." — как сказал Сергей Есенин. "Я ни о чем не жалею, бесспорно. Мне не о чем жалеть. Прожил я нормально... Не встань я на этот путь — я бы не был тем, кем являюсь сейчас", — не буду уточнять, кто из саратовских правдолюбцев сказал эти слова. Думаю, под ними бы подписались и Александр Иванович Романов, и Олег Михайлович Сенин, и Валентин Иванович Кириков, и Дмитрий Георгиевич Куликов, и Виктор Александрович Бобров, и Михаил Георгиевич Фокеев.

Саратов

Александр РОМАНОВ

Время собирать камни

Тюрьма

... На улице ждала машина. Меня повезли домой, на Кутякова и Чапаева, произвели обыск и заверили мать, что задержат ненадолго. Я был помещен в камеру предварительного заключения на площади Свободы в Энгельсе — городе-спутнике Саратова, их разделяет только мост через Волгу.

Допросы вел капитан КГБ Мартемьянов. Я отказывался давать показания, ссылаясь на то, что мне не предъявлено обвинение. По истечении третьего дня, оно было сформулировано следующим образом: обвиняется в антисоветской агитации и пропаганде и в преступных связях с Сениным и Кириковым. Из этого следовало, что Сенин и Кириков задержаны или находятся под наблюдением КГБ. Меня перевезли в следственный изолятор на Кутякова и Астраханской в Саратове, в нескольких кварталах от дома. Позже я узнал, что здесь же, в разных, разумеется, камерах, содержались Бобров, Кириков и Куликов.

Трехдневная задержка была вызвана, очевидно, тем, что органы не успели как

следует подготовить для нас место: внутреннюю тюрьму КГБ к 1969 году сломали. Внутри дворика комитета госбезопасности, на углу Дзержинского и Вольской, шел ремонт, и из окна кабинета, где позже меня допрашивали, можно было видеть остовы камер. Отговариваясь тем, что нет других помещений, нас держали вместе с бытовиками — осужденными за уголовные преступления, хотя по закону это возбранялось. Впрочем, у начальства были свои соображения.

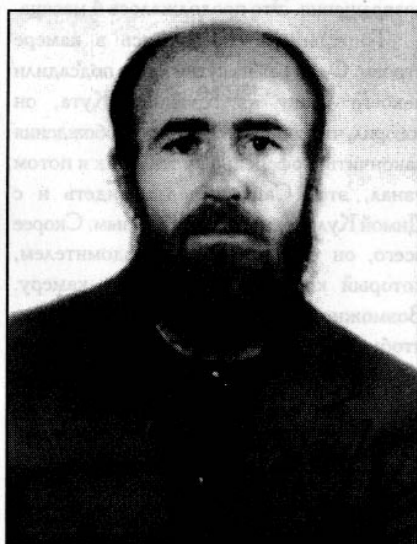
Мне выдали матрас, подушку и отвели в камеру на 4 этаже. Справа от двери был унитаз, чуть подалеже раковина для умывания, напротив двери зарешеченное окно, под ним тумбочка, по стенам двойные нары, — койки из железных полос. Я положил свой матрас на свободные.

В камере находился человек лет сорока. Я пытался узнать его имя-отчество, но он сказал, что к нему можно обращаться просто по имени — Толик. По его словам, он сидел уже шестой раз, ранее был судим за мошенничество: используя природный талант кописта, переправлял ценники на вещах и сбывал их по более высокой цене. С ним я пробыл в камере до начала суда.

Меня стали возить на допросы. Вызывали после завтрака и сводили в подвальное помещение, где в карцерных камерах собирались бытовики, которых должны были развозить по районам. Народ спрашивал друг у друга кто, где и за что сидит. Моя статья обычно вызывала вопросы, поскольку обычный набор был стандартным: 206 — хулиганство, 144, 146 — разбой, грабеж, 89 — кража, 117 — изнасилование, 102 — убийство. Начальство старалось подбирать людей так, чтобы в одной воронке со мной не попадались подследственные, сидевшие с моими однодельцами. Довозили до здания КГБ, выводили отдельно, тюремный конвоир сопровождал в здание, передавал следователю и меня отводили в кабинет для допроса.

Этажом ниже сидели малолетки из группы Василия Кабанова, арестованной в Балашове. Их обвиняли в убийстве нескольких человек. По линии МВД к ним подсаживали уголовников-бытовиков, которые терроризировали их, причем даже не с целью получить какие-то сведения, а для морального подавления.

Ко мне применялись более изощренные методы. Как-то раз мой сокамерник по просьбе малолеток сделал несколько рисунков, по которым можно было изготовить

Александр Романов.
ФОТОАРХИВ "КАРТЫ"

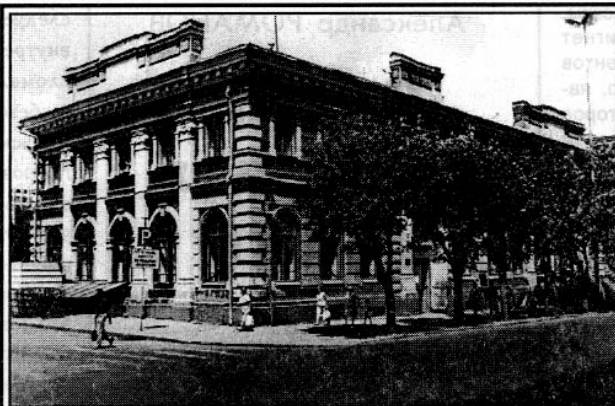
татуировки и спустил "коня" — веревочку для передачи каких-либо мелких предметов — вниз через решетку. (Жалюзи были установлены только в начале семидесятых). Вскоре у малолеток сделали обыск и по факту обнаружения рисунков был составлен рапорт.

Меня вызывает представитель администрации следственного изолятора: кто это нарисовал? Любой мой ответ косвенно указывает на моего соседа, — в камере нас только двое, — и я отвечаю: я. В тот же день нас переводят в другую камеру, без стекол на окнах, и мы — в конце ноября — проводим там сутки. Наутро меня везут на допрос в КГБ и я сообщаю, в каких условиях теперь нахожусь. Следователи почему-то радостно улыбаются и говорят: хорошо, мы вам поможем. На другой день нас возвращают в камеру, где мы сидели раньше.

Так изучалась моя реакция, возможность получения от меня показаний на соседа по камере, возможность, в этом случае, стративать нас. В саратовском следственном изоляторе такого рода провокации изобретаются постоянно. Я слышал, как один из корпусных, не стесняясь заключенных, оживленно рассказывал, как, выселив одну камеру, постучал условным стуком наверх, ему спустили "коня" и он написал записку, в которой попросил рубашку: мол, скоро на этап. Ему передали аккуратно упакованную рубашку. Торжествующий корпусной поднялся на этаж и, демонстрируя в камере вещественное доказательство, объявил, что за межкамерную связь помещает всех в карцер.

(Система переговоров стуком, широко известная в XIX веке и перекочевавшая в XX, заменилась более простой: 3 удара — выходжу на связь, 3 ответных удара — прием, 2 удара — временная задержка, 1 удар — срочно прервать связь. Для тех же целей использовался унитаз — можно было переговариваться, предварительно слив воду; для переговоров через стену употреблялась кружка: горло к губам, дно к стенке.)

Опыт пребывания в пенитенциарной системе убедил меня, что любое проявление гласности способствует смягчению режима, а отсутствие информации о том, что происходит в застенках, может приводить, и приводит, ко все более бесчеловечному отношению.

Саратовский университет. Истфак.
ФОТО ИЗ АРХИВА А. РОМАНОВА

Опытные зэки предупреждали, что администрация изолятора наверняка будет подсаживать к нам "наседок" — осведомителей. Я, конечно, присматривался к соседу и никаких данных о ходе следствия, которые не были бы известны КГБ, не сообщал. Как-то раз я случайно увидел на столе следователя напечатанный на машинке отчет с крупным заголовком: начальнику следственного отдела КГБ от начальника следственного изолятора города Саратова. В тексте упоминался "агентурный источник "Борисов" и излагались мои беседы с Толиком. Меня поразило, что госбезопасность и МВД — осведомители проходят по линии министерства внутренних дел — перенимали дореволюционную терминологию. Кроме словечка "сексот", употреблявшегося в 20-е годы, они не смогли изобрести ничего нового. Очевидно, "Борисова" выводили из камеры во время моего отсутствия и заводили обратно до моего возвращения. Это продолжалось 4 месяца.

Трижды мы оказывались в камере втроем. Один раз на сутки к нам подсадили некоего Сашу из Красного Кута, он говорил, что собирается после освобождения закончить шоферские курсы. Как я потом узнал, этот Саша успел посидеть и с Димой Куликовым, и с Кабановым. Скорее всего, он был штатным осведомителем, который кочевал из камеры в камеру. Возможно, что Сашу посадили к нам, чтобы сопоставить его данные с теми, что излагал Толик, а также для характеристики атмосферы в камере и наших взаимоотношений.

Следствие

В устав группы по моей рекомендации был включен пункт, механически перенесенный из устава народовольцев, где

говорилось, что в случае ареста и наличия неопровержимых улик, следует отказываться от дачи показаний, а если существует неопределенность, то можно отрицать свое участие.

На следствии я держался этой тактики, но, когда увидел, что люди, которые участвовали в нашей деятельности, дают показания и мой отказ никак не повлияет на приговор, — а следователи меня постоянно убеждали, что дача показаний будет способствовать его смягчению, — я стал давать показания.

Поскольку в Саратове следственный отдел был небольшим, думаю, не больше десятка человек, (оперативников, штатных и внештатных информаторов, в отличие от реальных дел, — хватало) — была создана следственная группа из 18 человек, куда входили следователи из Перми, Сибири и Белоруссии. Среди саратовских работников 5-го управления в ней принимали участие: старший следователь по особо важным делам Проданов; следователь Мартемьянов и начальник следственного отдела Хамидуллин. Таким образом, на каждого обвиняемого приходилось по три следователя.

Ход следствия мне представляется примерно таким: летом 1969 года госбезопасностью было установлено, что в Рязани, Саратове и Петрозаводске возникли подпольные молодежные студенческие группы, которые ставили своей задачей расширение сети кружков и образование, в конечном итоге, партии. Перед ГБ встала задача создать обвинение, отталкиваясь от какой-то отправной точки. Если было известно, что Олег Сенин в 1966 году поступил в юридический институт и стал там создавать группу, а летом 1969 года он был арестован, то следствию нужно было заполнить эти три года какими-то эпизодами. Начали выявлять всех людей, с которыми общался Сенин, знакомых его знакомых, просеивались всяческие мелкие детали, и, в результате, в саратовском деле фигурировало около 70 свидетелей, в рязанском — около 100, и это были далеко не все люди, опрошенные осенью 1969.

Вызывали свидетеля, задавали вопросы: где вы разговаривали, сколько раз, о чем. Если тот что-то вспоминал, вопрос обращали к одному из обвиняемых. Если обвиняемый подтверждал, эпизод мог быть включен в дело, если отрицал, проводилась

очная ставка.

Не все с самого начала было ясно и с составом обвиняемых: кто-то из следователей обмолвился, что предполагалось активное участие в группе Константинова — девочки с курса говорили, что он постоянно критиковал советскую власть.

Следственная группа очень рьяно трудилась в сентябре-октябре, потом, видимо, была дана команда закругляться. В конце следствия мне зачитали список из 40-50 фамилий, и по каждой из них следователь спрашивал, не вел ли я с этим человеком антисоветскую пропаганду; было ясно, что эта процедура сугубо формальна и что эти люди уже даже в качестве свидетелей привлекаться не будут.

Я думаю, что во время следствия группа руководствовалась опытом, накопленным еще в 40-х годах, скажем, по делу Жигулина и других организаций, существовавших после войны. Мне запомнилась фраза, которую я краем глаза увидел на одном из листов на столе у следователя. Там говорилось (от первого лица): я стремился создать разветвленную сеть марксистских кружков на территории СССР. Никто из моих знакомых и проходящих по делу такой фразы не произносил. Какие-то детали позволяли заключить, что речь идет о человеке из другого города, причем не из Рязани или Петрозаводска. Когда уже в Мордовии я встретился с Сергеем Хахаевым, он сказал мне, что такая фраза вполне могла встречаться в показаниях Валерия Ронкина. Более того, читая приговор по делу ленинградского "Союза коммунаров" 1965 года, я обнаружил, что некоторые формулировки были механически перенесены в наше обвинительное заключение. Так, в их приговоре значилось, что группа была названа "Союзом коммунаров" в провокационных целях и это загадочное утверждение перекочевало к нам. Непонятно, кого и на что мы собрались провоцировать. Предполагалось, очевидно, что мы хотим ввести в заблуждение население Советского Союза, называя себя коммунистической группировкой. Мы же, в свою очередь, считали, что партия, находящаяся у власти не имеет права называться коммунистической. Эти семантические игры периодически возникали в ходе следствия: следователь записывал в протоколе, что мы призывали к истинной социалистической революции. Я, например, говорил, что революция бывает либо социалистической либо не социалистической, и так далее.

Интересовались следователи и нашим кругом чтения. В работах, которые мы распространяли, содержались цитаты из новмирских статей Карякина, Плимака, Гнедина, Лакшина (без указания фамилий) и Черниченко — в главе "Заката капитала" о сельском хозяйстве цитировалась его "Русская пшеница". Эти фамилии как-то учитывались, видимо, на случай возможных оргвыводов. Заходивший иногда на допросы прокурор Федоров как-то спросил, что я думаю о книге Дудинцева "Не хлебом единым". Я сказал, что это хорошее произведение. "Мне кажется, что с художественной стороны оно слабое", — заметил прокурор. "А что вы еще читали?" — поинтересовался он однажды. У нас пользовалась популярностью книга Кона "Социология личности". "Ну, Кона я знаю, — сказал Федоров, — это очень приличный человек".

Изучая материалы дела, я обнаружил приложенную справку по поводу распространявшегося нами доклада Померанца "Нравственный облик исторической личности". На запрос саратовского КГБ справка сообщала, что таковой доклад действительно имел место в Институте философии в 1965 году, не публиковался и получил распространение в литературе так называемого самиздата.

Нам также инкриминировали статью Синявского "Что такое социалистический реализм". Саратовские следователи сомневались — опубликован этот текст в советской печати или нет. Очевидно, у них не было возможности получить дело Синявского и Даниэля, равно как и внимательно просмотреть газетные сообщения о процессе, где упоминалось о существовании этой статьи. Когда следователь вел меня в кабинет, мы проходили мимо открытой двери, за которой сидел человек и просматривал стопки "Нового мира" в твердых обложках. Следователь сказал мне, что их работник ищет, в каком номере журнала была напечатана статья Синявского, чем очень меня позабавил.

Инкриминируемая нам литература делилась на два рода: антисоветская — работы Вудки, наши комментарии, статья Георгия Федорова "Пропаганда и психология" и "политически вредная литература так называемого самиздата" — письмо Раскольникова, письмо Солженицына IV съезду писателей, "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе" Сахарова, "Что такое социалистический реализм" Синяв-

ского. Некоторые тексты попали в обвинительное заключение благодаря фактуре — например фотоленка книги Арну "Народная история Парижской коммуны", изданной вскоре после Октябрьской революции. Мы считали себя марксистами, а поскольку Маркс высоко оценивал роль Парижской коммуны и считал ее образцом нового общества, то нас интересовала ее история, тем более из уст очевидца и деятельного участника. Мы как бы хотели перенести события в Париже в третьей четверти XIX века в конце XX века, в случае неизбежного возникновения широкого народного движения.

Та же участь постигла и книгу Некрича "22 июня 1941 года": негативы изъяли и приобщили к делу. Эта книга вышла в 1965 году в издательстве "Наука", но после дискуссии в журнале "Вопросы истории КПСС", Некрич был исключен из партии, снят с работы и позже эмигрировал. Во время обыска у Михаила Капанова в Горьком, приблизительно в то же самое время, на нее не обратили внимания, потому что эта книга стояла на полке среди других книг, изданных в государственных издательствах.

Вообще, сам факт размножения какого-то текста вызывал как минимум, подозрение. На одном из сионистских процессов была объявлена антисоветской книга американского автора об исходе евреев из Египта на том основании, что она размножалась в виде ксерокопий, фотокопий и перепечатывалась на машинке. Как ни пытались подследственные доказывать, что речь идет о событиях более чем трехтысячелетней давности, на следователей это не действовало. Логика была проста: если человек размножает текст, значит тут что-то не так. А уж малейшая аналогия, перекличка или намек на происходящее внутри страны объявлялись антисоветскими, и, зачастую, так и воспринимались простыми гражданами, например, песня "Фараон, фараон, отпусти народ мой".

Впрочем, иногда возникали проблемы и посложнее. Во время допроса Кирикова пожилой следователь, кажется, майор, потребовал, чтобы в текст допроса и, соответственно, позже в обвинение, был занесен факт хранения Кириковым антисоветского текста песни "Товарищ Сталин, вы большой ученый". Присутствующий при допросе молодой лейтенант сказал: "Товарищ майор, ведь сейчас это каждый мальчишка поет". Старший коллега снял свое предложение, и таким образом не был

создан прецедент, опираясь на который, следовало бы пересажать половину населения Советского Союза.

Хотя, вообще-то, никто не препятствовал какому-нибудь следователю объявить некий текст антисоветским. И если с Солженицыным, письмо которого IV съезду писателей мы хранили, все уже было ясно — торжествующий следователь приносил на допрос газету с сообщением об исключении Солженицына из Союза писателей, то до Высоцкого, например, руки еще не доходили. Во время допросов мне обещали, — зная мой интерес к его песням, — «мы Высоцкому хвост прижмем».

Кроме радости по поводу исключения Солженицына никаких других эмоций по отношению к остальному — легальному — кругу имен следователи не проявляли. Разве что недоумения Федорова — как можно использовать работы Кона в антисоветской пропаганде? Вопрос об использовании в тех же целях трудов Ленина обходился молчанием.

Иногда и мне приходило в голову задать вопрос — а как вы относитесь к Берии? Я полагал, что большинство тогдашних кэгебэшников ярые сталинисты и был весьма удивлен, услышав, что мой следователь, а он работал в госбезопасности и до 1953 года, относится к Берии отрицательно: потому что тот дискредитировал органы. Сейчас я понимаю, что ответ звучал достаточно цинично.

Довольно удивительно мне было слышать от ведущего следствие майора и такое: вы забыли мудрые слова Пушкина — не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Я не стал с ним спорить, но про себя подумал, что этот бунт вы же и провоцируете.

Изумила меня непосредственность следователя Кошуры из Белоруссии. Он сказал, что ему никогда не приходилось заниматься делами, связанными с антисоветской пропагандой, он преимущественно отлавливал контрабандистов, и то, что мы писали в своих статьях, ему малоинтересно. Одно только место вызвало его возражение. «У вас написано, что в Советском Союзе существует проституция. Нет, — сказал Кошур, — существует бл...ство». Это был единственный случай

полемики с нашими текстами во время следствия.

Каким-то образом родственники всех шестерых подсудимых одновременно пришли к выводу, что если они заявят, что у нас слабая нервная система и какие-то неврастенические явления, это будет способствовать тому, что нас направят на лечение в психиатрическую больницу, и очень скоро выпустят. Не знаю, кто подкинул им эту провокационную идею, но явно это было сделано не только по неграмотности, но и по чьему-то злему наущению. Для судебно-психиатрической экспертизы необходимо было иметь чье-то заявление, — не мог же я сам сказать, что я ненормальный и требую, чтобы меня не судили, а объявили невменяемым. Такая бумага была составлена нашими родственниками и я обнаружил ее, знакомясь с делом перед судом.

Однажды в кабинет, где проходил допрос, зашел известный саратовский психиатр Гамбург, с ним были две ассистентки; мне запомнилось, что у одной все время бегали глаза. Вопросы задавались вполне безобидные, один из них был даже по сути: в чем заключалась ваша концепция. Я ответил, что мы считаем существующую в Советском Союзе систему государствен-

но-капиталистической. Процедура длилась минут 20 и по завершении дела каждый из нас мог прочитать в приложенных материалах о том, что мы психическими заболеваниями не страдаем, интеллект не снижен, и умственный уровень соответствует полученному образованию — Куликова, стало быть, высшему, остальных — недоучившихся студентов.

Задачей следствия было доказать, что наша деятельность была результатом заблуждения или враждебного влияния. Стереотип последнего — прослушивание западных передач. Если речь шла об изучении официальной литературы, то инкриминировалось тенденциозное ее прочтение или ложное толкование.

Спорить со следователями, что-то им доказывать мы не пытались, ибо заведомо считали, что люди, которые нас допрашивают, принадлежат к классу бюрократии. Им прекрасно известно истинное положение дел, но они заинтересованы скрывать его для поддержания своего господства. Это был бы разговор на двух разных языках: мы говорим о фактах, которые видим, а они говорят о вещах, за которые получают деньги. Поэтому, если ты пойман, надо сказать: да, я неправ, иначе тебя сотрут в порошок.

Могли ли мы доказывать следователям свою правоту? Следствия нам было известно, как дружинники обращались с людьми, которые отваживались выходить на улицу в узких брюках — ткань раздирали ножницами, во второй раз могли посадить за хулиганство, а в третий вполне можно было предположить, что человека обвинили бы в антисоветской деятельности. Нигде, естественно, не было записано, какой ширины должны быть брюки, но государство — и общество, наверное, — считало, что нужно носить широкие брюки и как только человек надевал узкие, то подвергался репрессиям. В такой ситуации доказательно отстаивать положение, что ношение узких брюк не есть преступление было бы по меньшей мере странным. В статье Вудки «Трубы свободы» была фраза: в советском обществе нормальными людьми являются только революционеры. Получалось, что мы живем среди миллионов умалишенных, и доказы-

Саратов, ул. Вольская, 77. УКГБ.
ФОТО ИЗ АРХИВА А. РОМАНОВА

вать им, что высказывание наших мнений или экономических рекомендаций не есть преступление, было бы действием одного порядка с обоснованием права на ношение узких брюк.

Какого-то особого давления со стороны следователей я не ощущал, хватало и того, что было: сам арест, сугубо официальное обращение, заключение с бытовиками, с которыми ты находишься в совершенно разных плоскостях. Иногда следователи говорили нечто вроде “надавим очными ставками” или “если какие-то эпизоды нам станут известны после суда, мы заведем дело по вновь открывшимся обстоятельствам, и вам будет еще хуже”. Нам доказывали, что те или иные эпизоды нашей деятельности им известны и вне зависимости от того, подтвердим мы их или нет, мы все равно будем осуждены, весь вопрос только в степени этого наказания. О том, что больше 7 лет нам не дадут, никто, конечно, не говорил, и подобные выражения были чистой воды шантажом. Однажды следователь сказал: мы ходатайствовали перед начальством, чтобы вас не сажали с такими опасными людьми, как Даниэль и Синяевский. Это уже была полная чушь, потому что посадить 6 человек, по двое, в 3 лагеря, в одном из которых сидит Синяевский, а в другом Даниэль так, чтобы они не совпали ни с тем, ни с другим — это даже не волк, коза и капуста. Правило помещать подельников в разные зоны неукоснительно соблюдалось. Исключение могло иметь место, если количество осужденных превышало количество зон, что и было в нашем случае.

Естественно, что мы воспринимали людей, которые нас арестовали и содержат под следствием как своих противников, которые желают нам максимального зла, хотя внешне они были достаточно лояльны. Мы не могли с ними просто разговаривать как с другими людьми. Между нами стоял невидимый барьер и любую попытку следователей сломать его мы считали в этическом плане преступной — все равно, что вторгнуться в мир нашей души, жизни и деятельности, которая в определенном смысле была жертвенной.

Бюрократический абсурд пропитывал всю их деятельность. Во время обыска кэбэбэшники умудрились потерять бумажки с обозначением страниц, зафиксированных на фотоплёнке, вложенные мной в коробочки с негативами. Они очень нервничали и суеились, хотя я предлагал

им написать новые. Нет, нужны были именно те бумажки, именно с такой линией обрыва и так далее. Так же нервничали они и в конце следствия, торопя меня ознакомиться с материалами дела, и я так и не успел прочесть статью Вудки о творчестве Евтушенко и Вознесенского.

Мой следователь мог звонить по телефону и беседовать с продащицей книжного магазина, болтать с зашедшим коллегой о рыбалке, — у них были свои интересы, а мы относились к сфере работы, в которой существуют определенные правила: если сказано, что данное произведение антисоветское, значит, его надо преследовать; не сказано — не надо.

На одном из допросов мне предъявили написанное моей рукой стихотворение, найденное у меня при обыске. На вопрос следователя об авторстве я показал, что оно написано мной — текст носил обличительный характер, его автором был Юрий Ионов и я хотел отвести от человека лишние обвинения. Следователь стал записывать, что найденное у Романова стихотворение, исполненное синим красителем, начинающееся такими-то словами и заканчивающееся такими-то словами написано им в такое-то время. В этот момент в кабинет зашел другой следователь и сказал, что только что допрашивали Ионova и он признался, что это его стихотворение. Мой следователь разорвал испорченный бланк, начал составлять новый протокол, и никаких эмоций, кроме того, что зря потрачен первый лист с типографской шапкой, у него не возникло — какая разница, кто, в конце концов, автор.

В самом конце следствия они уже откровенно халтурили: о чем вы разговаривали с таким-то? Не помню. Вот его показания, посмотрите, если это соответствует тому разговору, мы запишем точно такие же ваши показания. А насколько это соответствует действительности, их совершенно не интересовало, не говоря уже о юридической противоправности такого подхода. Наверное, поджимало время и сопоставлять показания свидетеля и обвиняемого, проводить очные ставки уже не было ни сил, ни желания.

Это равнодушие меня удивляло и в лагере — администрации было абсолютно неважно, каких взглядов придерживается данный заключенный — марксистских, анархистских, демократических, монархических. Главное, что они отличаются от того, что написано в газетах.

Следствие продолжалось около 4-х

месяцев и закончилось к концу 1969 года. На 5 января 1970 был назначен суд. Перед началом заседания мне вручили обвинительное заключение, около 50 страниц машинописи, и я читал его в камере. В нем подробно излагались установленные следствием эпизоды, которые подтверждались как показаниями обвиняемых и свидетелей, так и вещественными доказательствами, в качестве которых фигурировали изъятые тексты и средства размножения — фотоаппарат и пишущая машинка.

Из бумаг, приложенных к делу, мое внимание привлекли два документа.

После ареста госбезопасность, по советской традиции, затребовала из университета мою характеристику. Факультетское начальство было поставлено в двусмысленное положение: написать, что я хороший не могли — невиновных у нас не арестовывают, а дать плохую характеристику — значит навлечь вопрос: почему не перевоспитали, не проконтролировали, не исключили. Выход был найден. “Характеристика” никакой характеристики не содержала, были приведены мои оценки по всем предметам за все курсы и сделана приписка: интересовался поэзией и научной фантастикой. На мою общественную опасность могла косвенно указывать лишь тройка по истории КПСС.

Позже я получил еще одно свидетельство о гибкости руководства истфака: когда староста группы спросил в деканате — помещать ли Романова в список студентов, ему посоветовали вписать мою фамилию карандашом. В справке, которую мне выдали после выхода из лагеря, значилось: исключен из числа студентов в связи с арестом и лишением свободы. Можно, конечно, вспомнить автономию университетов в Западной Европе и дореволюционные традиции в царской России, когда полиция не допускалась на территорию университета. Для нового общества факт ареста и осуждения был достаточен для исключения, и право восстановиться после отбытия срока никак не оговаривалось. И все разговоры о том, попытаюсь ли я восстановиться в университете после отбытия срока, я воспринимал как абсурдные — это было все равно, что пытаться пересечь границу с независимым видом на виду у караульного поста.

Не менее любопытной была экспертиза текстов, которые нам инкриминировались. К делу была приложена справка из петрозаводского университета (не с той ли

кафедры философии, где преподавал Александр Гидони, прославившийся доносами на сокамерников еще в 50-е годы и продолжавший заниматься тем же ремеслом на свободе²). Экспертиза содержала краткий пересказ содержания каждой из глав "Заката капитала" без намека на какую-либо оценку. Даже без "якобы" и "так называемый". Для ГБ это был очень удобный документ: ученые рассмотрели, отрецензировали и мы имеем полное право утверждать, что это произведение антисоветское. Это давало формальное основание судье принимать обвинительное заключение за основу и буквально переписать его в приговор, а Верховному Суду в своем определении буквально переписать приговор Саратовского областного суда.

Меня очень интересовало, с какого момента и как начались аресты. Единственное, что можно было понять из материалов нашего дела — в августе 1969 года в Рязани был арестован Олег Сенин. Братья Вудки, прибыв в Мордовию летом 1970 года, изложили мне следующую последовательность событий.

Приняв решение выехать в Израиль, Вудка должен был определить своего преемника. Продолжало оставаться аксиомой положение о необходимости нелегальной деятельности, поскольку события в Советском Союзе, казалось, неминуемо будут развиваться в известном направлении — в сторону борьбы с диктатурой государственно-бюрократического аппарата, который самозванно объявил себя коммунистическим. В течение 3-х лет активным участником рязанской группы был Евгений Мартимонов. Он интересовался методами ведения партизанской борьбы в городских условиях и написал на эту тему довольно обширную работу. Человек он был, видимо, достаточно организованный, исполнительный и аккуратный, и Юрий Вудка решил, что руководство рязанской группой должно перейти к нему.

Следует отметить, что всякого рода организационные формы Вудка сознательно ограничивал: рязанская группа, в отличие от саратовской, не имела названия и устава. С другой стороны, когда Вудка приехал в Саратов, он очень позабавил нас, предложив собрать всех членов саратовской группы для того, чтобы он назначил нам руководителя. Мы считали себя вполне автономным образованием и никто из нас не претендовал на роль формального или неформального лидера. В Рязани дело обстояло иначе.

По версии Вудки, Мартимонов пошел в КГБ и написал явку с повинной, опасаясь, что в случае ареста основная тяжесть обвинения падет на него. Это произошло 24 июля 1969 года, и для того, чтобы отвлечь внимание от Мартимонова, на другой день в КГБ был вызван Семен Заславский. Ему сказали: мы все знаем, и предложили написать явку с повинной. Этот документ оформляется 25-м июля, а число в протоколе показаний Мартимонова исправляется на 29-е. В это время Мартимонов собирает сведения о связях группы и людях, вовлеченных в движение. Согласно версии ГБ источником всех арестов является явка с повинной Заславского, а Мартимонов пришел с повинной четыре дня спустя. 30 июля арестовывают Юрия Вудку, затем его брата Валерия, Фролова, Грилюса и Сенина. После суда участники рязанской группы получили следующие сроки: Юрий Вудка — 7 лет, Фролов и Грилюс — по 5, Валерий Вудка — 3, Мартимонов и Заславский — по 3 года условно. Таким образом, в рязанском процессе формально тоже было шесть участников, но к лишению свободы приговорены только четверо. Мартимонов и Заславский, насколько мне известно, даже не содержались под стражей.

(По информации, которой в настоящее время располагает редакция, явка с повинной Мартимонова и Заславского является провокацией КГБ. На самом деле эти люди доносчиками не были. — Прим. ред. "Карты")

Олег Сенин успел сагитировать студента историко-филологического факультета петрозаводского университета Александра Учителя. Он начал свою деятельность в начале 1969-го, а летом был арестован. Поскольку он не успел создать разветвленной группы, следствие прошло очень быстро и он был осужден еще до января 1970. Учителя привозили на саратовский процесс в качестве свидетеля и нас удивила его шевелюра. Очевидно, Учителя успели сфотографировать раньше, чем остричь и он должен был до лагеря носить длинные волосы. Он получил 4 года и освобожден осенью 1973.

Суд

Суд был назначен на 5 января. Нас привезли из следственного изолятора и мы впервые собрались шестером — Бобров с Фокеевым до этого дня не встречались. В зале стояли скамейки, огражденные барьером — скамья подсудимых. Справа

возвышенность с креслами для судьи и двух заседателей, перед нами за столом сидели адвокаты. А на другой стороне, напротив адвокатов и по правую руку от судебных кресел, — место для прокурора и государственного обвинителя.

Формально заседание было открытым. На самом деле пускали только по пропускам. Некоторые студенты пытались пройти в зал, но вход контролировался сотрудниками госбезопасности. Эта мера не была напрасной: когда в Горьком судили группу Павленкова — Капранова — Жильцова — Пономарева, при произнесении последних слов в зал были допущены все желающие. Подсудимых забросали цветами и будущие политзеки выкрикивали: "Сталинизм не пройдет!" и "Ваш суд антисоветский!" В нашем случае, впрочем, некоторые люди попали в зал случайно — пропуска не были именными. Среди присутствовавших я видел преподавателей университета, юридического института, наших следователей. Зал мест на 40 был заполнен целиком.

Перед началом первого судебного заседания Сенин предложил мне выступить с отказом от того, что мы говорили на предварительном следствии, и заявить, что не считаем себя виновными. Я отказался, а в одиночку Сенин на подобный шаг не решился. Здесь сыграла роль общая атмосфера. Сказывалась и разница в выборе линий поведения участников группы после ареста, непоследовательность и колебания, которые проявлял практически каждый из нас. Я знал, что нас снова разведут по камерам, что мы находимся в безраздельной власти полицейского аппарата, который может предпринять самые неожиданные меры. Мы ведь не знали, как проходят такие судебные процессы, что бывает с людьми, которые внезапно заявляют, что они готовы противостоять режиму до конца.

Неизвестность и несогласованность в наших действиях и показаниях, приводила к тому, что я придерживался линии, которую выбрал в середине следствия: подтверждать факты, которые становились известны следствию и признавать, что наша деятельность была ошибочной. Каждый из нас, конечно, не считал себя виновным, и когда я показал Куликову написанное перед судом стихотворение о поэте, который усыпляет своими скучными стихами дракона, сторожащего принцессу, он сказал, что это напоминает ему наше поведение на следствии.

Заседание началось с чтения обвинительного заключения. Затем последовал допрос свидетелей. Некоторые выражали желание остаться в зале после допроса, но судья заявлял, что они должны покинуть зал суда. У людей не хватало решимости возражать и ссылаться на УПК, и до конца заседания разрешили остаться только нашим родственникам. Вопросы к ним носили совершенно бессмысленный характер, от них требовалась лишь наша характеристика, а по обвинительному заключению вопросов не возникало.

Суд был ритуально-формализован до предела: зачитывались показания, они подтверждались, и никакой полемики с нашими взглядами не велось. Адвокаты всех шестерых обвиняемых произносили совершенно однотипные речи: да, наши подзащитные совершили особо опасные государственные преступления, но, учитывая их молодость, признание вины, всякого рода смягчающие обстоятельства (больные родственники, состояние здоровья), просили назначить как можно меньшее наказание. О нелепости обвинения речи не шло. Все это напоминало Кафку и "Приглашение на казнь" Набокова, где речи прокурора и адвоката звучат в унисон. Наши последние слова были очень краткими и сводились к признанию вины.

Все было решено заранее и суд был нужен как сугубо бюрократическая процедура. Так, приговор был объявлен 16 января, а суд удалился на совещание 13 января. По закону суд не должен покидать комнату для совещаний до оглашения приговора и вступать в какие бы то ни было контакты, хотя всем было ясно, что трое суток эти люди могли заниматься чем угодно. По УПК, должна была вестись стенограмма суда, после объявления приговора нас были обязаны с ней ознакомить, а мы — расписаться в том, что согласны с правильностью ее составления. Ничего подобного сделано не было.

Сенин получил 7 лет и 2 года ссылки, Кириков 6 лет и 2 года ссылки, я — 6 лет, Куликов — 5, Бобров — 4 и Фокеев — 3 года.

Как наше слово отзовется...

Информация о процессе попала в "Хронику текущих событий". Вряд ли ее передавали люди, присутствовавшие на

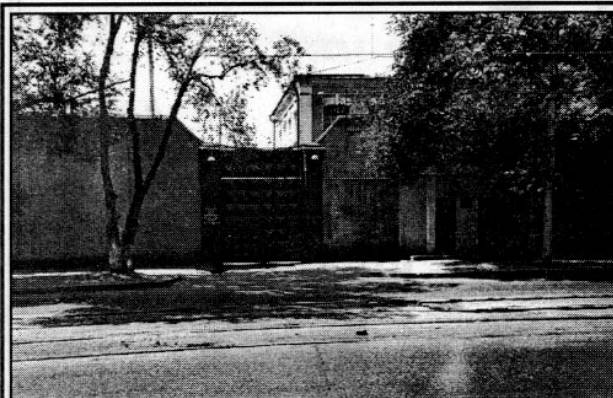
суде — в сообщении были допущены неточности, вплоть до искажения названия группы. В официальной печати никаких упоминаний о нашей группе не было (до 1989 года: письмо Кирикова в редакцию журнала "Век XX и мир", N6),

Косвенной реакцией на наш процесс было постановление ЦК КПСС "Об усилении идеологической работы в Саратовском университете и Московском высшем техническом училище". Чашу терпения партийных властей переполнили дело саратовского "Союза прогрессивного социализма", возникшего вслед за нашей группой и история с распространением самиздата, где были замешаны лица, хорошо известные в саратовских интеллектуальных кругах: Стрельников, Штерн, Катц, Белокрыс. Об этом есть информация в

нищина, Конквеста, Авторханова, Бердяева и другие запрещенные издания. Для того, чтобы сразу убить двух зайцев, было принято постановление ЦК КПСС, где говорилось о необходимости усилить идеологическую работу.

С годами становились известны подробности реакции на наш арест. Перед началом суда в городе были распространены листовки со стихами: "За горло взяла КГБ ручища, но всех не задушишь — нас сотни, нас тыщи! После процесса по городу циркулировали различные небывлицы о нашей группе.

Обстановка домислов подпитывалась как обывательскими представлениями о деятельности инакомыслящих, так и целенаправленной дезинформацией. Говорили о финансировании нас американской разведкой. Знакомые интересовались у моей матери, где же хранились радиостанция и оружие. Оперативник КГБ рассказывал моему однокурснику, что мы поддерживали связь с НТС через Пензу. (Позже я узнал, что даже на лекциях в КГБ зачитывались сводки, в которых искажалось истинное положение дел — о деятельности Московской Хельсинкской группы, например, — и рядовые сотрудники вводились в заблуждение вышестоящими. Таким образом, верхний эшелон пытался дезинформировать нижние звенья, а те, в свою очередь, обманывали

Саратовский следственный изолятор.
ФОТО ИЗ АРХИВА А. РОМАНОВА

"Хронике", а фамилии, кстати, тоже искажены. Меры властей ограничились статьей журналиста Пролеткина (он специализировался на материалах подобного рода) в областной газете "Коммунист" под названием "У позорного столба". (4.02.1971г.)

"Союз прогрессивного социализма" возглавлял Валерий Белохов, выпускник саратовского авиационного техникума и студент I курса заочного отделения исторического факультета. "Союз" успел издать один номер журнала "Время перемен". Намечалась учредительная конференция, в которой должны были принимать участие 11 человек. Белохова арестовали, судили и дали 5 лет. По делу он проходил в одиночку, власти не решались создавать еще один громкий процесс вслед за нашим.

В Москве в 1972 году были арестованы Болонкин и Балакирев. Болонкин был доктором технических наук, преподавателем МВТУ. Он создал несколько множительных аппаратов, и тиражировал Солже-

руководство, стараясь представить дело так, что они усердно несут службу и проявляют бдительность.)

Даже сейчас кто-нибудь периодически "вспоминает", что мы собирались убить Суслова, а судивший нас Теплов договорился до того, что мы подписывали клятву об этом кровью. К этому его подвигли следующие события. В саратовской газете "Совфакс" появилась публикация, подвергавшая сомнению компетентность доцента юридического института профессора Теплова. Припоминалась история с вынесением неправомерного приговора к высшей мере в то время, когда он был председателем судебной коллегии областного суда и процесс по делу нашей группы. Теплов подал в суд. В письме, на опубликовании которого он настаивал, и содержалось вышеупомянутое дикое утверждение. Очевидно, он пытался доказать нашу решимость любым путем бороться с законной властью. Скандал выплеснулся в

центральную печать, в "Литературной газете" появилась статья И. Гамаюнова "Мест" и, в конце концов, Теплов отозвал свой иск.

После суда мы ожидали пока наши кассационные жалобы дошли до Верховного Суда Российской Федерации и вернулись обратно с определением, что приговор остается без изменений. Впрочем, не совсем так: Верховный Суд обратил внимание на то, что Саратовский областной суд во главе с Тепловым, допустил совершенно дикую юридическую оплошность, назначив каждому из нас дополнительный срок по 72-й статье и дезавуировал эту часть приговора. Дело в том, что 72-я статья является отсылочной к блоку статей об особо опасных государственных преступлениях. В ней говорится об организационном характере действий, предусмотренных 64 — 73 статьями, применяется она только в совокупности, как отягчающее обстоятельство, и отдельного наказания по ней не предусматривается. Если подобные вещи допускались на уровне областного суда, то что можно предположить о районных судах или выездных сессиях куда-нибудь в деревню или на предприятие! Самое страшное, что и поправить-то было некому, поскольку ни уголовный, ни тем более уголовно-процессуальный кодекс в советском магазине купить было практически невозможно. Эти тексты были доступны лишь специалистам, которые и считали себя полномочными казнить, миловать и решать, какое произведение является политически вредным, а какое — политически полезным.

Меня перевели в камеру для осужденных. Вероятность, что снова будут подсаживать агентинформаторов была невелика — администрация не могла постоянно обеспечивать нахождение с каждым из нашей шестерки своих людей, да и необходимость добывания каких-то сведений, связанных с делом, стала для ГБ менее актуальной.

Снова вместе

Вскоре меня с подельниками посадили в 2 камеры по трое. Я сидел с Куликовым и Фокеевым, в другой были Сенин, Бобров и Кириков. Наша камера была на 4 этаже

3-го корпуса Саратовского следственного изолятора и, поскольку мы знали номер камеры, где сидят наши однодельцы из юридического института, то иногда, выходя на прогулку, — в это время двери оставались открытыми — нам удавалось бросать друг другу записки в пустовавшие камеры или передавать их через бытовиков. По необходимости они носили краткий характер, нам было важно только знать, что все живы и здоровы.

В самом конце апреля или начале мая

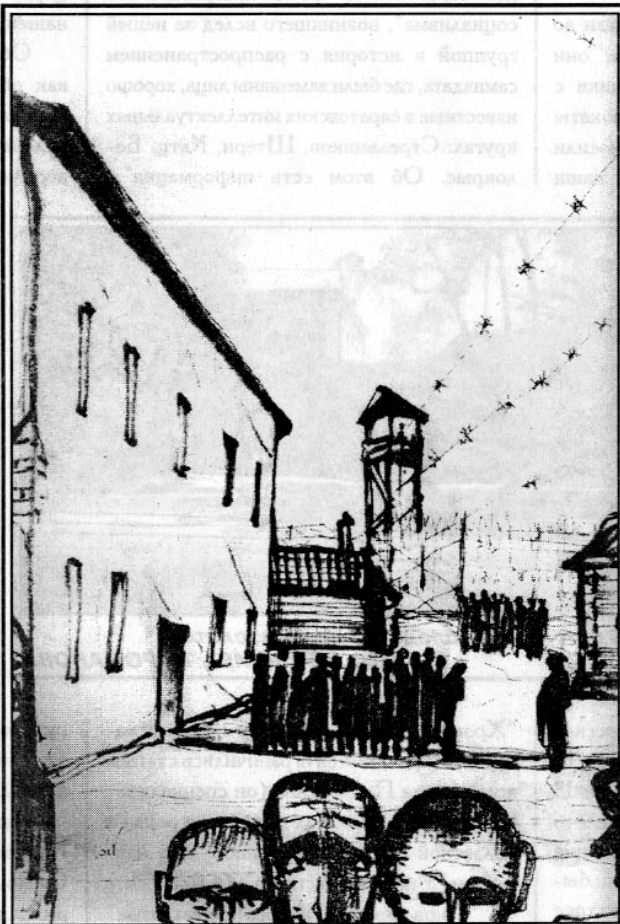

Рис. Виктора Богуславского.
ИЗ КНИГИ Ю. ВУДКИ "МОСКОВЩИНА".
ИЗДАТЕЛЬСТВО "МОРИЯ", ИЗРАИЛЬ

нас известили, что пора готовиться к этапу. Когда всех шестерых с вещами посадили в воронок, мы в первый раз могли свободно поговорить. Перед посадкой в арестантский вагон увидели своих родственников, которые узнали каким-то образом, что в этот момент нас будут грузить в поезд. Мы успели помахать им, пока они бежали за вагоном, пытаясь хоть так побыть с нами последние минуты. Там была бабушка Кирикова, моя мать... Куда нас везут, никто не говорил.

Этапы

На первой остановке в Сызрани из вагона выгрузили 20 с лишним человек. Подошел поленький майор с добродушно-флегматичным выражением лица, открыл папочку, прочитал все фамилии и сказал: ну, пойдете. Ни конвоя, ни собак — беги не хочу. До тюрьмы было недалеко и вел нас только один человек, бросься мы врассыпную, он ничего не смог бы поделать.

Может быть, у ехавших с нами бытовиков были небольшие сроки, а в отношении нас никаких специальных оговорок не было. В любом случае, я с трудом представлял себе, как бы мог существовать на нелегальном положении. Мы знали — по книгам и кинофильмам — о "малинах", но возможность жить долгое время на чужой квартире не вызывая подозрений, да еще без паспорта, была почти нереальной.

В Сызранской тюрьме нас поместили в подвальном помещении в камеру типа "зверинец", с решеткой вместо стены. Здание было очень старое: зарешеченные окошки на уровне земли, низкие сводчатые потолки. Над бетонным полом настил из досок, на котором могли бы разместиться два десятка человек. Трудно было возвращаться к подробностям дела, ко всему, что связано с нашим провалом; мы шутили и старались говорить на посторонние темы.

На другой день нас вывели в прогулочный дворик, который отличался от саратовского: там он выглядел как длинный прямоугольник, разделенный на клетки — 4 бетонных стены и бетонный пол, сверху прохаживался надзиратель. А здесь это был круг, разделенный на треугольные секторы, с вышкой для надзирателя в центре. В соседнем дворике гуляли женщины-заклученные. Их речь была пересыпана матом, и производила дикое впечатление, еще и потому, что это была не ссора, а обыденная беседа.

Из Пензенской области нас повезли в Мордовию, следующая остановка была в Рузаевке. Пересыльная тюрьма представляла собой патриархальный одноэтажный домик. В побеленной камере были деревянный стол, лавки, умывальник —

почти деревенская гостиница. В обед давали непременно отдельно отрезанный кусочек мяса, грамм 40-50, как полагалось по ИТК. Там мы впервые увидели надписи, из которых можно было сделать вывод, что здесь проезжали политзаключенные.

Сенин, когда сидел в Саратове, ожидая кассационного решения, находился вместе с человеком, отбывшим срок за попытку перехода границы и сидевшем в политлагерях. Он говорил, что был знаком с Юлием Даниэлем, и из его рассказов можно было представить, что атмосфера в политзонах не такая жуткая, как на сталинской каторге.

Иван Сокульский

В Рузаевке мы встретили еще одного политзаключенного. Это был Иван Сокульский, выпускник Днепропетровского университета, филолог и поэт. Сокульский довольно охотно рассказывал о своем деле. Ему инкриминировали 3 стихотворения, признанных антисоветскими, и еще один текст, направленный в руководящие органы Украины, с подписью "Творческая молодежь Днепропетровска". Одно из стихотворений представляло из себя обращение к древнему киевскому князю Ярослав. Там были такие строчки: "Ярослав, воин наш, встань, снова печенег! Где kloкочет гневом Днепрогэс, выхвати свой меч из ножен". При желании, тут можно было усмотреть недовольство режимом. Второе стихотворение, "Волы", по словам самого Сокульского, было навеяно понурым видом стада, которое гнали мимо его окна. Там была строчка "В машинный век вы не нужны, вас отдадут на колбасу", далее говорилось, что даже погонщик над вами смеется — для чего же вы носите свои острые рога? Это было расценено как клевета на советский рабочий класс. Сокульский на суде сказал, что это ему напоминает старый анекдот, когда мужик кричит на улице "царь дурак!", а полицейский говорит ему: ты не можешь иметь в виду турецкого царя, потому что если какой царь и дурак, так только наш. Судья на это, конечно, ничего не мог, да и не хотел ответить. Третье стихотворение, "Ихтиозавр", было связано с эпизодом, когда чиновник в одном из украинских учреждений оскорбился тем, что Сокульский заговорил с ним по-украински и потребовал, чтобы разговор шел только на русском. Как бы то ни было, мы были удивлены, что Сокульский получил 4 с половиной года, и советовали ему написать протест, в котором заявить, что в крайнем

случае это может быть расценено как 190-прим. Он этого не сделал и просидел полностью весь срок. Позже Сокульский стал участником Украинской Хельсинской группы и получил еще один срок.

В отношении нашей психологии и тогдашней информированности кажется любопытным такой эпизод. Когда нас втроем привезли на 19 зону, — меня, Сокульского и Кирикова, — надзиратель, который проверял вещи, здоровый парень с лицом олигофрена (заключенные называли его "Полтора Ивана" за высокий рост), обыскав Сокульского, сказал, что в газетах писали, будто он шпион. Первая мысль была, что Сокульский сочинил легенду, будто он осужден за свои стихи, но посмотрев несколько минут на "Полтора Ивана" и послушав его разговоры, я понял, что у него в голове все перемешано и он готов кому угодно прилепить любое обвинение. Скажут, что Сокульский по совместительству американский шпион и он охотно поверит, потому что все это ему совершенно безразлично. Я же по мере общения с Сокульским все больше и больше убеждался, что это настоящий поэт и украинский интеллигент, человек с чуткой душой и большой культурой.

Потьма

После Рузаевки, уже всемером, нас привезли на станцию Потьма, где мы провели сутки; отсюда нас стали распределять по лагерям.

В Потьме находилось Потьминское управление лагерей, о котором мы слышали еще в Саратове. В "Размышлениях о прогрессе..." Сахарова говорилось, что в мордовских лагерях, подчиненных этому управлению, находятся 15-20 тысяч политзаключенных. Цифра эта, как потом оказалось, была преувеличена, речь, видимо, шла о всех заключенных на территории Мордовии, включая и уголовных. Когда из Потьмы нас с Кириковым и Сокульским привезли в зону N 19, мне удалось выяснить, что все политзаключенные, осужденные по 70-й статье, находятся в следующих пунктах: зона N 19, — самый большой лагерь, количество заключенных в нем было примерно 500 человек; N 17 и N 3, примерно по 250 человек в каждом. Была еще небольшая женская зона, в 60-е годы количество женщин заключенных колебалось между 15 и 25. Была также зона особого режима, где содержалось около 200 человек. Кроме того, несколько заключенных за антисоветскую пропаганду

— буквально единицы — можно было найти в зоне N 5, там находились иностранные подданные. Несколько политзаключенных содержалось также во Владимирской тюрьме. Таким образом, общее число политзаключенных в Мордовии, осужденных по 70-й и 64-й статьям, не превышало 1,5 тысяч человек. Если мы прибавим осужденных по статье 190-прим, которая гласит, что преступлением являются клеветнические измышления, порочащие советский общественный и государственный строй, а также людей, которые находились за свои взгляды в психиатрических больницах, то общее число значительно вырастет, но, я думаю, в 1970 году оно не превышало 10 тысяч человек — на 300-миллионный советский народ....

(Полностью воспоминания "Время собирать камни" будут опубликованы в журнале "Волга", в 1996 г.)

Саратов

Валентин КИРИКОВ

Души прекрасные порывы

В конце августа 1969 года в Саратове произошло событие, которое всколыхнуло общественное мнение. Отзвуки его дошли и до наших дней.

Что же произошло в конце того жаркого лета? Была арестована "Группа революционного коммунизма" в составе: А. И. Романов, студент 4-го курса исторического факультета Саратовского университета; Д. Г. Куликов, физик; М. Г. Фокеев, студент 4-го курса биологического факультета университета; О. М. Сенин, студент 5-го курса заочного отделения Саратовского юридического института; В. А. Бобров, студент 4-го курса юридического института и автор этих строк, тоже студент 4-го курса юридического института. В группе был еще один активный участник — Г. Федоров, студент 3-го курса Саратовского медицинского института, но он скоропостижно скончался в сентябре 1968 года. Группа пыталась с помощью марксистско-ленинской методологии объяснить существующее общественно-политическое состояние страны и выработать пути для его коренного улучшения. Наши намерения были самые благие. Мы следовали завету А. С. Пушкина: "Мой друг, Отчизне посвятим души пре-

красные порывы!"

Мы тогда еще не ведали, что "благими намерениями вымощена дорога в ад". Наша затея закончилась полным провалом, и вчерашние мальчишки превратились в политзаключенных.

Как это ни парадоксально, но годы, проведенные в мордовских политлагерях, я считаю для себя самыми продуктивными. В тот период там было сконцентрировано все неординарно мыслящее, что было в стране. География была полной. Все республики молчаливо отправляли туда своих сынов и дочерей. Там были представлены все политические оттенки общественного мышления. За колючей проволокой мы получили право свободного обмена мнениями, научились выслушивать убедительные аргументы противной стороны и отказываться от своих штампов-заготовок на все случаи жизни. Это было время взлета общественной мысли и выработки общей концепции. И, пожалуй, самое отрадное, то, что ныне эта концепция медленно, но уверенно превращается в жизнь.

Прав был Артур Кестлер, считавший, что в мире существуют только две морали: одна — христианская, по которой каждая человеческая жизнь является высшей ценностью, другая — революционная, для которой существует абстрактная цель и во имя достижения ее кладутся десятки, сотни, тысячи, миллионы человеческих жизней. Я благодарен Судьбе за то, что она увела меня в "стан погибавших за великое дело Любви".

Саратов

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

16 января 1970 года Судебная коллегия по уголовным делам Саратовского областного суда в составе: председательствующего **Теплова В.А.** и народных заседателей **Богаевой Г.В.** и **Друшлякова В.И.**, с участием прокурора **Федорова П.А.**, защиты в лице адвокатов **Пескина А.Г.**, **Целовальникова Б.А.**, **Самсонова В.Г.**, **Минкина М.А.**, **Гусарова А.И.** и **Светина А.Н.**, при секретаре **Черемновой Н.А.** — рассмотрела в открытом судебном заседании в городе Саратове дело по обвинению:

СЕНИНА ОЛЕГА МИХАЙЛОВИЧА, 24 марта 1947 года рождения, уроженца г. Шацка, Рязанской области, русского, гражданина СССР, исключенного из членов ВЛКСМ в связи с настоящим делом, студента 5-го курса заочного отделения Саратовского юридического института, женатого, имеющего одного ребенка 1968 года рождения, ранее не судимого, до ареста проживавшего в г. Рязани, ул. Станкозаводская, дом. 13, кв. 17, работавшего следователем-стажером в прокуратуре Советского района г. Рязани;

КИРИКОВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВИ-

ЧА, 15 февраля 1942 года рождения, уроженца г. Саратова, русского, гражданина СССР, исключенного из членов КПСС в связи с настоящим делом, студента 4-го курса Саратовского юридического института, женатого, имеющего одного ребенка 1969 года рождения, ранее не судимого, до ареста проживавшего в городе Саратове, по ул. Ново-Астраханской, дом 3, кв. 9;

БОБРОВА ВИКТОРА АЛЕКСАНДРОВИЧА, 10 марта 1946 года рождения, уроженца г. Кировобад, Азербайджанской ССР, русского, гражданина СССР, исключенного из членов ВЛКСМ в связи с настоящим делом, студента 4-го курса Саратовского государственного университета, не женатого, ранее не судимого, до ареста проживавшего в городе Саратове, по ул. Краснова, дом 41;

РОМАНОВА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА, 3 ноября 1948 года рождения, уроженца г. Саратова, русского, гражданина СССР, исключенного из членов ВЛКСМ в связи с настоящим делом, студента 4-го курса Саратовского государственного университета, не женатого, ранее не судимого, до ареста проживавшего в городе Саратове, ул. Кутякова, дом 70, кв. 2; 3, кв. 9;

КУЛИКОВА ДМИТРИЯ ГЕОРГИЕВИЧА, 7 июня 1942 года рождения, уроженца г. Саратова, русского, гражданина СССР, исключенного из членов ВЛКСМ в связи с настоящим делом, имеющего высшее образование — в 1966 г. окончил Саратовский государственный университет, женатого, имеющего одного ребенка в возрасте 3-х лет, ранее не судимого, работавшего тренером по гимнастике в детской спортивной школе "Сокол", до ареста проживавшего в г. Саратове, ул. Высокая, дом 21, кв. 81.

— всех пятерых в преступлениях, предусмотренных ст. 70 ч. 1 и ст. 72 УК РСФСР; и

ФОКЕЕВА МИХАИЛА ГЕОРГИЕВИЧА, 3 ноября 1947 года рождения, уроженца г. Полтавы, Украинской ССР, русского, гражданина СССР, исключенного из членов ВЛКСМ в связи с настоящим делом, студента 4-го курса вечернего отделения Саратовского государственного университета, не женатого, ранее не судимого, работавшего сторожем Саратовского швейного комбината, до ареста проживавшего в г. Саратове, ул. 20 лет ВЛКСМ, д. 100, кв. 28

— в преступлениях, предусмотренном ст. 70 ч. 1 УК РСФСР,

— **УСТАНОВИЛА:**

Подсудимые **СЕНИН О.М.**, **КИРИКОВ В.И.**, **БОБРОВ В.А.**, **РОМАНОВ А.И.**, **КУЛИКОВ Д.Г.** и **ФОКЕЕВ М.Г.** на протяжении длительного времени занимались антисоветской деятельностью.

СЕНИН, проживая в г. Рязани и будучи подвергнут в 1965-1966 гг. враждебной обработке со стороны обвиняемого по другому делу **Вудки Ю.В.**, стал разделять его антисоветские взгляды и к осени 1966 года дал ему согласие заниматься совместной организованной преступной

деятельностью, направленной на свержение существующего в СССР государственного и общественного строя.

Осенью 1966 года перед отъездом в г. Саратов на учебу в юридический институт **СЕНИН** получил от **Вудки** задание создать в этом городе из числа студентов высших учебных заведений антисоветскую группу для проведения враждебной деятельности. Выполняя это поручение, **СЕНИН** в сентябре-декабре 1966 года и в начале 1967 года провел обработку и вовлек в преступную деятельность подсудимых **КИРИКОВА** и **БОБРОВА**, а также студентов Саратовского юридического института **Рудченко А.А.**, **Ионова Ю.В.** и **Клопичева В.В.**, создав в феврале 1967 года антисоветскую группу. Весной 1967 года **СЕНИН** обработал в антисоветском духе и в октябре 1967 года ввел в указанную группу студента Государственного университета **РОМАНОВА**. В сентябре 1967 года **СЕНИН** провел антисоветскую обработку тренера детской спортивной школы "Сокол" подсудимого **КУЛИКОВА**.

Руководствуясь **СЕНИНЫМ**, антисоветская группа проводила организованную преступную деятельность до октября 1967 года, а затем распалась.

Бывшие ее участники **КИРИКОВ**, **РОМАНОВ**, а также присоединившийся к ним **КУЛИКОВ** и студент Медицинского института **Федоров**, умерший в 1968 году, организовали самостоятельное преступное сообщество, назвав его в провокационных целях "Группой революционного коммунизма", в составе которого проводили враждебную деятельность до августа 1969 года.

СЕНИН и **БОБРОВ**, не являясь членами этой враждебной группы, продолжали поддерживать тесную преступную связь с ее участниками.

Кроме того **СЕНИН** до дня ареста состоял в существовавшей в г. Рязани антисоветской группе и выполнял преступные задания ее руководителя **Вудки Юрия**.

ФОКЕЕВ М.Г., будучи враждебно обработан **РОМАНОВЫМ** и полностью разделяя антисоветскую деятельность "Группы революционного коммунизма", в течение 1967-1969 гг. хранил и систематически размножал различную антисоветскую литературу для использования ее во враждебных целях.

Конкретно преступная антисоветская деятельность подсудимых **СЕНИНА О.М.**, **КИРИКОВА В.И.**, **РОМАНОВА А.И.**, **БОБРОВА В.А.**, **КУЛИКОВА Д.Г.** и **ФОКЕЕВА М.Г.** выражается в следующем (...)

В процессе предварительного следствия были проведены почерковедческие, криминалистические и фототехнические экспертизы, которыми установлены факты написания подсудимыми статей антисоветского содержания, и политически вредной литературы, размножения этих статей и литературы машинописным способом на изъятых у них ма-

шинках, а также фотоспособом, изъяты в процессе следствия фотоаппаратами.

Достоверность этих заключений подсудимыми не оспаривается.

Проведенными по делу судебно-психиатрическими экспертизами установлено, что подсудимые СЕНИН О.М., КИРИКОВ В.И., РОМАНОВ А.И., КУЛИКОВ Д.Г., БОБРОВ В.А. и ФОКЕЕВ М.Г. психическим заболеванием не страдали, не страдают ими и в настоящее время, могли ранее и могут в настоящее время отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими, в связи с чем являются вменяемыми.

Таким образом, совокупность всех указанных выше доказательств свидетельствует о виновности всех подсудимых в проведении ими антисоветской деятельности.

Поскольку вся преступная деятельность СЕНИНА, БОБРОВА, РОМАНОВА, КИРИКОВА, КУЛИКОВА и ФОКЕЕВА проводилась в целях подрыва и ослабления Советской власти, их преступные действия правильно квалифицировать ст. 70 ч. 1 УК РСФСР.

Подсудимые СЕНИН, БОБРОВ, РОМАНОВ, КИРИКОВ и КУЛИКОВ проводили свою преступную деятельность, являясь членами антисоветских групп и сообществ, поэтому их действия кроме того правильно квалифицированы ст. 72 УК РСФСР.

Подсудимые СЕНИН, БОБРОВ, РОМАНОВ, КИРИКОВ, КУЛИКОВ и ФОКЕЕВ совершили особо опасные государственные преступления, поэтому подлежат строгому наказанию.

При этом судебная коллегия учитывает, что все подсудимые сознательно встали на путь антисоветской деятельности и принимали в ней активное участие.

Подсудимый СЕНИН О.М. явился инициатором, а затем и руководителем антисоветской группы в г. Саратове. Осенью 1967 года он предупреждался органами Комитета Госбезопасности Саратовской области о прекращении антисоветской деятельности, но правильных выводов для себя из этого не сделал. До дня ареста он продолжал активно участвовать во враждебной СССР работе.

Весной 1969 года СЕНИН вовлек в антисоветскую деятельность обвиняемого по другому делу Учителя А.Е. и через него пытался переправить антисоветскую литературу за границу в адрес реакционных организаций.

Подсудимые РОМАНОВ А.И., КИРИКОВ В.И., КУЛИКОВ Д.Г. и БОБРОВ В.А. после распада в октябре 1967 года антисоветской группы, руководимой СЕНИНЫМ в Саратове, также не прекратили своей преступной деятельности.

РОМАНОВ, КИРИКОВ и КУЛИКОВ организовали новую антисоветскую группу и согласно разработанного и принятого ими устава этой группы проводили активную антисоветскую деятельность.

Подсудимый БОБРОВ постоянно не только поддерживал преступную связь с этой группой и антисоветской группой в г. Рязани, но также активно проводил до ареста преступную деятельность.

Подсудимый ФОКЕЕВ М.Г. не только активно участвовал в размножении антисоветской литературы и ее хранении, но и являлся "запасным звеном" во враждебной СССР деятельности. На случай ареста подсудимого РОМАНОВА ФОКЕЕВ намеревался использовать имеющуюся у него литературу антисоветского содержания для дальнейшей работы в ущерб интересам СССР. Лишь вмешательство органов Комитета госбезопасности и его арест предотвратили дальнейшую его преступную деятельность.

Вместе с тем при назначении наказания подсудимым судебная коллегия учитывает возраст и первую судимость подсудимых, признание ими своей вины, семейное положение их, а также состояние здоровья БОБРОВА и КИРИКОВА.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 71, 303-303 УПК РСФСР, судебная коллегия по уголовным делам Саратовского областного суда

ПРИГОВОРИЛА:

СЕНИНА ОЛЕГА МИХАЙЛОВИЧА, КИРИКОВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВИЧА, РОМАНОВА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА, КУЛИКОВА ДМИТРИЯ ГЕОРГИЕВИЧА, БОБРОВА ВИКТОРА АЛЕКСАНДРОВИЧА и ФОКЕЕВА МИХАИЛА ГЕОРГИЕВИЧА признать виновными по делу и назначить им наказание в виде лишения свободы по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР СЕНИНУ О.М. сроком на семь (7) лет со ссылкой сроком на два (2) года, КИРИКОВУ В.И. сроком на шесть (6) лет со ссылкой на два (2) года, РОМАНОВУ А.И. сроком на шесть (6) лет без ссылки, КУЛИКОВУ Д.Г. сроком на пять (5) лет без ссылки, БОБРОВУ В.А. сроком на четыре (4) года без ссылки, ФОКЕЕВУ М.Г. сроком на три (3) года без ссылки; по ст. 72 УК РСФСР — СЕНИНУ О.М. сроком на семь (7) лет со ссылкой сроком на два (2) года, КИРИКОВУ В.И. сроком на шесть (6) лет со ссылкой на два (2) года, РОМАНОВУ А.И. сроком на шесть (6) лет без ссылки, КУЛИКОВУ Д.Г. сроком на пять (5) лет без ссылки, БОБРОВУ В.А. сроком на четыре (4) года без ссылки.

По совокупности совершенных преступлений на основании ст. 40 УК РСФСР окончательно назначить наказание СЕНИНУ ОЛЕГУ МИХАЙЛОВИЧУ — семь лет лишения свободы, со ссылкой на два (2) года, КИРИКОВУ ВАЛЕНТИНУ ИВАНОВИЧУ — шесть (6) лет лишения свободы со ссылкой на два (2) года, РОМАНОВУ АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ — шесть (6) лет без ссылки, КУЛИКОВУ ДМИТРИЮ ГЕОРГИЕВИЧУ — пять (5) лет лишения свободы без ссылки, БОБРОВУ ВИКТОРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ — четыре (4) года лишения свободы без ссылки.

Определить отбывание наказания осужденным СЕНИНУ О.М., КИРИКОВУ В.И., РОМАНОВУ А.И., КУЛИКОВУ Д.Г., БОБРОВУ В.А. и ФОКЕЕВУ М.Г. в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

В срок наказания зачесть время предварительного заключения СЕНИНА О.М. с 8 августа 1969 года, КИРИКОВА В.И. и БОБРОВА В.А. с 28 августа 1969 года, РОМАНОВА А.И. и КУЛИКОВА Д.Г. с 29 августа 1969 года и ФОКЕЕВА М.Г. — с 29 ноября 1969 года.

Меру пресечения осужденным до вступления приговора в законную силу оставить содержание под стражей.

Вещественные доказательства, находящиеся на хранении в следственном отделении УКГБ при Совете Министров СССР по Саратовской области — фотоаппарат "Мир" N 6059097 с объективом "Юпитер-8" N 6301892, с футляром, фотопринадлежности и химреактивы, пишущая машинка "Ундервуд", пишущая машинка "Башкирия" и пишущая машинка "Олимпия-прогресс" N 544, на которых размножалась антисоветская литература — конфисковать в доход государства.

Хранящиеся там же вещественные доказательства: фибровый чемодан, картонная коробка и целлофановая бумага, в которых хранились у Фокеева антисоветские документы, фотокопии и фотонегативы, картонная папка и газета на грузинском языке, в которой хранились статья о творчестве Евтушенко и Вознесенского, изъятые у свидетеля Кошаевой Л.П., письмо к съезду советских писателей от имени Солженицына, мешок серого цвета, в котором была завернута машинка "Ундервуд", три ленты для пишущих машинок, черная дерматиновая папка, в которой хранилась принадлежащая РОМАНОВУ А.И. антисоветская литература, газеты, в которые были заложены его же антисоветские документы, желтая картонная папка, в которой хранилась изъятая у свидетеля Фролова В.Б. антисоветская литература — как не имеющие практической ценности — уничтожить.

Пишущую машинку марки "Науман-Эрика" N 205072 с футляром, принадлежащую свидетелю Фронтоясовой М.В. — возратить Фронтоясовой М.В.

Остальные вещественные доказательства, приобщенные к делу и хранящиеся в томах 13-24, оставить при деле.

Возможные расходы по делу возложить в долевом порядке на осужденных.

Приговор может быть обжалован в Верховный Суд РСФСР через Саратовский областной суд в течение семи (7) суток с момента вручения копии приговора осужденным и с момента оглашения его остальным участникам процесса.

Председательствующий: В. Теплов.
Народные заседатели: Багаева и Друшляков.

Публикуется в сокращении

Все дело — в бесполезности марксизма

Интервью с членом
Московской Хельсинкской
Группы, священником
о. Георгием
(Ю. М. ЭДЕЛЬШТЕЙНОМ)

— *Первый вопрос у нас традиционный; из какой Вы семьи, как росли, где учились, как “дошли до жизни такой”?*

— Семья у меня вполне советская. Отец из городишка Овруча под Киевом. Детство мое прошло в столице Украины. Когда началась война, с трудом, но все-таки удалось уехать сначала в Харьков, потом в Среднюю Азию, где я и жил во время войны. Отец — член партии — работал где-то в Совнарком Украины, мать — библиотекарь. Недавно выяснилось, что наша семья как-то переплетается с семейным деревом Ларисы Иосифовны Богораз, так что мы с ней родственники...

Учиться начинал в Курском пединституте, продолжил в Московском педагогическом имени Ленина, а закончил Ленинградский институт иностранных языков. Потом учился в аспирантуре в Московском областном пединституте. Работал в балашевском, рязанском, костромском пединститутах, в школе поработать не пришлось.

— *Юрий Михайлович, а чем вызвана такая Ваша географическая подвижность?*

— А меня выгоняли. Из института выгоняли, когда учился, с работы выгоняли. Способов выгнать у советской власти было много. Наверное и сейчас остались...

В частности, в Рязанском пединституте, когда пришел новый ректор, эдакий “тюменский валенок”, меня стали достаточно вежливо, но упорно оттуда выживать. Ну, я и подал заявление об уходе, забрал документы и уехал...

— *За что же Вас гнали, за чуждые взгляды?*

— Они никогда не говорили — “за что”.

— *Вы преподавали английский?*

— Английский. Но мне всегда быстро надоедала практика языка. Я старался по максимуму идти в теорию: введение в

языкознание, теоретическая грамматика и т. п.

— *Юрий Михайлович, а как Вы познакомились с компанией Вудок?*

— Первым появился Юра Вудка. Да, Юра появился и регулярно брал книги. Я всегда был уверен, может быть потому, что занимался средними веками, что идеален для преподавания средневековой университет, где резкой грани между преподавателями и студентами не существовало, ибо это была некая община обучающихся и обучающихся. И поэтому я считал, что моя библиотека тем ценнее, чем больше людей ее прочитает. Любый человек мог взять книги в моей библиотеке. Был, конечно, у меня список, максимум из 50 уникальных изданий, которые я из дому не давал (и все равно брала!), потому что если их потеряют, то это невосполнимо: Флоренский с автографом, “Годы странствий” Чулкова с дарственной надписью, полный Брокгауз, ну и так далее, а все остальное... Пропадали, конечно, книги, 30-40 штук ежегодно, по разным причинам. Ну, пропали и пропали, что поделаешь...

— *К Вам ходили студенты разных вузов? Ведь Вудки учились в радиотехническом.*

— Да, конечно. Мы тогда вместе с женой работали на одной кафедре. Так сказать друг у друга “хлеб отбивали”. Отношения с Вудками тесно связаны с моей женой потому, что, как вы помните, в материалах по их делу фигурируют “невесты”.

Эти невесты — Алла и Мара — они из Черновиц. Когда-то мы там познакомились с их родителями и с ними. Девушки собирались поступать в институт, но сомневались, что на Украине их примут — по причине печально знаменитой “пятой графы”. Я сказал, что если они хотят, то могут попробовать в Рязани, но никаких поблажек при этом им не будет. Они приезжали с родителями, останавливались в нашем доме, а потом в нашем же доме, когда они уже учились, познакомились с Вудками.

— *Юрий Михайлович, вот вокруг Вас группировалась молодежь... А какая была почва взаимодействия: литература, общественная жизнь?*

— Знаете, я никогда не считал нужным скрывать свои общественные взгляды, и студенты знали их достаточно хорошо. Разумеется, я не призывал их свергать советский общественный строй, но любой студент знал, к примеру, мое крайнее

неприятие философии, которую преподавали у нас в институте.

Кроме того, любой и каждый мог сделать соответствующие выводы, знакомясь с составом моей библиотеки. У меня был довольно богатый набор книг по русской философии начала 20-го века, что тогда никак не приветствовалось. Были также книги по русской поэзии начала века. Было, не очень большое, правда, количество зарубежных изданий, то что называется “тамиздатом”.

Например, мы с Яшей Колкером (известный в Рязани преподаватель английского языка — прим. ред.) очень резко спорили о Булгакове. И о “Театральном романе” и о “Мастере”. Он очень не принимал Булгакова тогда, особенно “Театральный роман”. Происходило это все в присутствии студентов.

А с таких тем, как Булгаков, так естественно переходить на реалии жизни. Вообще говорить о литературных произведениях в отрыве от существующего строя — невозможно.

Скажем, в Рязани жил Солженицын и говорить о нем, никак не оценивая того, о чем он писал в “Иване Денисовиче” или “Раковом корпусе”, разумеется, было нельзя.

А если идет процесс по делу Синявского и Даниэля, тоже невозможно не выразить своего отношения. И когда идет шестидневная война — тоже. И все это не в вакууме, а в присутствии студентов, а часто и преподавателей. Так что мои взгляды были широко известны.

— *Извините, а как насчет стукачей?*

— А я всегда твердо был убежден, что КГБ — одна из лучших служб подобного рода в мире. И не в моих силах с ними тягаться. Мне часто говорили, что такой-то, или такая-то — стучат. Но я всегда считал, что самая простая и самая удобная форма поведения — не играть с ними в секретники. Не прятаться от них.

— *Юрий Михайлович, вопрос напрашивается: что же, они Вас и не “профилактировали” даже?*

— Думаю, если заглянуть в мое досье — там достаточно про меня написано и сказано.

Один единственный раз меня вызывали и на казенный кошт возили из Ялты в Петербург для того, чтобы я выступил на следствии по делу Бориса Вайля. Я пробыл в Петрограде три или четыре дня. Это было — не помню точно — начало 57-го, или конец 56-го. Следовательно в “большом доме” на Литейном, в последний день

мне сказал, что если бы это от него зависело, то он бы Бориса выпустил, а на его место посадил меня...

Но я, собственно, никогда ни в каких антисоветских организациях не участвовал. Не участвовал принципиально.

— **А почему, Юрий Михайлович?**

— Опять же — из глубокого уважения к Комитету государственной безопасности... Повторяю, я всегда твердо был уверен, что если, скажем, я создам некую организацию и вовлеку в нее пятерых, трое из них окажутся стукачами.

И прямо или косвенно они тут же побегут как этот... Кислярский из "Союза меча и орала". (Персонаж романа Ильфа и Петрова "12 стульев" — прим. ред.) По той же самой схеме и причине.

А ведь гэбисты с той поры стали только мощнее. Для этого стоит только сходить на Лубянку и посмотреть, какие площади они теперь занимают. И конечно же, ни о какой их реальной перестройке, исходя из фактов жизни, говорить не приходится. Поэтому я продолжаю уважать их по-прежнему.

— **В Ваших словах больше горькой иронии или... искренности?**

— Как говорят англичане: факты — священные, интерпретация — свободна.

Если вы думаете, что кто-то хорошо работает и выполняет свой долг, то почему не воздать должное? Если они перед войной смогли наводнить агентурой все зарубежные организации, особенно эмигрантские; если они смогли, когда им это потребовалось, организовать похищение и вывоз в СССР генерала Кутепова; если они смогли спланировать и осуществить убийство Мюллера, и все это — за границей...

Я делаю отсюда вывод, что они хорошо работают. Поэтому, тем более, если бы им потребовалось насадить агентуру здесь, я думаю, что они сделали бы это с гарантией.

Поэтому и того же Бориса Вайля и Юру Вудку я все время убеждал: первым делом надо готовиться к аресту, а потом уж разрабатывать программы и уставы...

— **А бросить все это дело Вы их не убеждали?**

— Конечно убеждал! Ведь все дело в бесполезности самого марксизма!

Я глубоко убежден, что всякий марксист или подлец, или — дурак. Третьего не дано.

— **Вы сами когда разлюбили "дедушку Маркса"?**

— В детском саду!

— **Как же Вам это удалось?**

— Я уверен, что ВСЕ взрослые люди знали о преступлениях сталинизма. Это ложь, если кто-то говорит иначе.

Например у нас в квартире, — мне было 4-5 лет — постоянно жили какие-то дети. Неизвестно откуда они появлялись, неизвестно куда пропадали. Для меня, конечно. А все очень просто. Когда арестовывали чьего-то отца, мать прекрасно понимала, что через несколько дней могут арестовать и ее. И она шла к родственникам, иногда очень дальним, шла к знакомым, порой тоже неблизким, и просила взять детей, потому что в случае ареста их заберут в детский дом...

И вот такие дети жили у нас, я с ними общался, играл, порой дрался... Один раз я стукнул девочку книгой по голове (кажется это был "Буратино"). Так мама тут же подарила ей эту книжку и выговорила мне: "У этой девочки арестовали отца, а ты ей книгу жалеешь?". Так вот, я думаю, человек даже в таком возрасте, что-то понимает и делает какие-то выводы...

В детском саду меня обучали стишкам: "Блюхер и Буденный встречают батальоны, и армия парадом проходит ряд за рядом". (В дальнейшем, кстати, я их нигде и никогда не слышал.) А потом, вдруг(!), оказывается, что Блюхер — враг народа, и во всех школах, во всех учебниках по истории советские школьники "выкалывали" ему глаза на портретах... Любой нормальный человек делает из этого выводы. Или нет?

Я видел как начиналась Отечественная война. Как быстро драпали наши. Раз, и немцы уже под Киевом! И вместе с этим я отлично помню фотографии в наших газетах, когда в Москву приезжал Риббентроп. И любой человек моего поколения это видел и знал. И если сначала ручкаются с Гитлером, а потом все на меняется 180 градусов и начинается война. После этого любой нормальный человек, подчеркиваю — нормальный, — может сделать выводы.

— **И все же огромное количество людей в стране говорят, что ничего не знали о ГУЛАГе. Как Вы думаете что это: ложь? трусость? или...**

— Это нормальная человеческая реакция — спрятаться от страшного. Таким образом человек защищает себя и своих детей. Я не осуждаю таких людей. Трусость? Ну и что? В природе есть десятки видов животных, которые только трусостью и спасаются. Я думаю, что человек, как представитель животного мира, использует

все средства для выживания. Иначе рода человеческого уже давным давно бы не было.

— **Юрий Михайлович, а Вудки читали у вас Флоренского, русских философов?**

— Флоренского — не помню, а русских философов, совершенно точно — да. Кого, собственно я и не интересовался. У нас все было очень просто: человек подходил к полке, брал книгу и садился читать. Флоренского мы никогда не обсуждали. Но о религии меня иногда спрашивали. Я помню один из разговоров на эту тему. Было нас человек пять, в том числе и братья Вудки. Сначала говорили о религии, потом заговорили о Данте, потом о политике. А потом я рассмеялся, потому что это был один из моих обычных тестов, и говорю: видите, ребята, что вас реально интересует? О Данте — спокойно, чуть ли не вяло, о религии — полубезразлично, а о политике, или политэкономии — не оторвешь! Тут Юра Вудка всегда возбуждался, говорил горячо, интересно, со знанием дела. Кстати, Юра Вудка очень любил Ленина, для него он был очень высоким авторитетом. Не знаю как сейчас.

— **А как Вы его вообще оцениваете, как личность, Юрия Вудку?**

— Образованный человек. Интересный человек, у которого мозги набекрень. Они, как я сейчас это понимаю, довольно часто собирались у нас, чтобы обсуждать какие-то свои проблемы. Я думаю, что им была удобна эта "конспиративная" наша квартира. Народа приходило много, так что можно было как бы раствориться.

Если разгорался какой-либо марксистский спор, я, обычно уходил в другую комнату и читал. Потому что для меня, белая собака, черная собака, рыжая собака — все одно собака. И различия между Тито, Тольятти, Мао и Лениным меня не интересуют — все они марксисты. А марксизм, в зависимости от выгоды какого-то момента, поворачивается то одной, то другой стороной, ибо это учение, которое строится на лжи изначально.

— **Юрий Михайлович, а как Вы восприняли "пражскую весну"?**

— В 1968, когда у нас в институте устроили нечто вроде митинга-собрания, я встал и демонстративно вышел из аудитории. Почему? Я не приветствовал "пражскую весну". Я никогда не был, и не буду, поклонником Дубчека. Для меня, повторяю, любой коммунизм — это коммунизм. Человеческого лица у коммунизма не

бывает. Может быть я ошибаюсь, но я твердо был уверен в 1968 году, что изменить существующий строй изнутри — нельзя. То, что свершилось в нашей стране, для меня почти невероятно, но в общем-то, если смотреть в корень, все равно у власти все время были и продолжают оставаться коммунисты. Для меня Ельцин такой же коммунист как и Зюганов. Я с трудом могу объяснить есть ли между ними разница.

— **Как Вы узнали что у Вудки есть группа, т.е. организация?**

— А Юра мне сам сказал. Я даже помню место, где он мне это говорил — у балкона. Он “великий” был конспиратор... А мне было немножко смешно, — конспираторы они все друг на друга похожи. Борис Вайль тоже такой был... Юрий Вудка шел, ну абсолютно, один к одному, как Борис, будто они были знакомы и вместе составляли программу. И Юра точно также прощупывал мое отношение, потом принес свою работу “Закат капитала”. Я ее посмотрел прямо при нем, на столе, и сказал, что читать не буду, ибо она мне просто неинтересна. В принципе.

Я пытался объяснить Юре, что все это детские игры, эти конспирации, что для того, чтобы бороться против общественно-политического строя такого государства надо иметь за собой организацию, как минимум, на уровне ЦРУ. Но даже ЦРУ КГБ часто переигрывает, тем более он переиграет вас, как бы вы там ни конспирировались.

Но самое главное, если действительно что-то делать, должна быть цель, которая кажется тебе разумной, благородной и т.д. Для меня же, повторюсь еще раз, установление того или иного марксистского режима решительно неприемлемо.

— **А как Вы думаете, чем они все-таки были движимы? В “Московщине” (это книга, которую Юрий написал после лагеря) о марксизме нет ни строчки, ни слова. Вся идеологическая опора идет на национальное, на еврейские корни...**

— Да? Тогда ничего такого не было совершенно! Более того, это я его убеждал все время, что он — еврей, и что он должен думать скорее о сионизме, чем о марксизме.

— **Ну, так вот, в “Московщине” Юрий — очень еврей. А отец Фролова (член группы Вудки — прим. ред.) — Илья Аронович Фролов — говорил мне, что изначально их идея была**

такая: уехать подальше из этой гнилой страны...

— Никогда у него не было ничего подобного....

— **... Но чтобы добиться права на выезд, надо сначала изменить этот режим.**

— Нет. Совершенно точно. Готов поклясться на Библии, что этого не было. Вот родители Аллы и Мары, да и то шепотом, еще обсуждали возможность уехать. Но я совершенно не помню, чтобы старший Вудка хоть раз эти настроения поддерживал. Не было этого. Совершенно точно — не было.

Кроме того, у меня были книги по еврейской истории. Например “История еврейского народа” Дубнова — уникальное издание, я точно знаю, что в Рязани оно в то время было единственным. Были материалы по делу Бейлиса, ну и т.д. Я не помню, чтобы Юра их читал. Он еще интересовался, но крайне поверхностно, материалами по делу Бейлиса, и то, я думаю, в силу их политизированности. А из 20 серьезных, больших книг по еврейству, по истории еврейского народа Юра, совершенно точно, не прочитал ни одной.

— **На следствии пытались “раскрутить” еврейский вопрос — связь с израильской разведкой и т.п. В городе распространяли слухи про сионистский заговор. Но вообще-то, по книге у меня сложилось такое впечатление, что только будучи арестованными, потеряв свободу, Вудки почувствовали себя евреями, заинтересовались религией.**

В связи с этим вопрос: как Вы думаете, почему они все обратились к религии: Вудки и, по-моему, Грилюс — к иудаизму, Сеиня — к православию? И вообще, почему так много людей прошедших через лагеря и диссидентство обратилось, в конце концов, к религии? Почему именно в тюрьме человек так часто приходит к вере в Бога?

— В религию, к Богу, я думаю, есть два пути: ОТСЮДА и ТУДА. Вы понимаете? Ведь очень часто человек в нашей стране шел в церковь отталкиваясь от бытия. Это был побег ОТСЮДА. Человек полагал и надеялся, а в тюрьме — особенно, что церковь — антипод того, что есть здесь, в ежедневной действительности. Ведь церковь оставалась единственной легальной организацией, которая юридически не находилась под руководством КПСС. Когда я в 79-м стал священником,

я имел право любое письмо или бумагу, где было напечатано “товарищу Эдельштейну”, отправить обратно не распечатывая. Почему? А я — не товарищ. Последний раз я был товарищем для Блока: “Что он нынче невеселый, товарищ поп?” Все.

Второй путь мы сейчас не будем затрагивать, он идет изнутри, из души, и здесь все очень индивидуально, сложно и тонко.

— **А может быть, для некоторых экзков религия была способом “стать на путь исправления” и в то же время избежать сотрудничества с гэбухой? Один из бывших политзаключенных рассказывал нам, что уверовав в Бога, он резко изменил свою жизнь в зоне, ушел в отчуждение, прекратил общение с товарищами по несчастью, чтобы не знать ничего лишнего. Таким образом, когда он написал прошение о помиловании, и ГБ, естественно, в обмен предложило ему сотрудничать, он мог сказать им, что его интересует только вера, что он ни с кем не общается, ничего не знает и полезным им быть не может. В то же время, поведение его идеально, никакой “отрицаловки”, — как не удовлетворить просьбу о помиловании...**

— Я думаю, что ваш знакомый чего-то не договаривает, когда объясняет ситуацию с КГБ. От гэбэшников так просто не отвязнешься. Когда мы начинаем говорить о ГУЛАГе и методах гэбухи, нужно сразу обращаться к Солженицыну. Александр Исаевич нас научил и твердо научил. Помните его три заповеди: не верь, не бойся, не проси?! В лагере только так! Просто так, на дурачка, они не выпускали никого. Давайте посчитаем сколько среди выпущенных на условно-досрочное освобожденных по принципу: он не будет нам на свободе вредить. Часто выпускали?

— **Я не знаю таких случаев.**

— И я не знаю. Ведь если бы наши ИТУ были исправительными, то, по логике, когда видно, что человек исправился, его надо выпускать, с тем, чтобы он жил в обществе и приносил пользу. Но у нас никогда такого принципа в этих учреждениях не было. У нас был принцип — сломать человека. И еще был принцип: сиди, падало, от звонка до звонка, политических — не выпускаем...

**С Ю.М. ЭДЕЛЬШТЕЙНОМ
беседовали
Юлия СЕРЕДА
и Андрей БЛИНУШОВ**

Москва — Рязань

УЛИЧНЫЕ БОИ В КЕНИГСБЕРГЕ. 1945.

“Ни языка, ни родины”

Тысячи детей из Восточной Пруссии, большей частью сироты, пробирались после окончания войны подальше от какой-либо цивилизации.

Многие из них хотят теперь снова стать гражданами Германии.

Большинству из тех немецких сирот удалось пробраться в 1947 году в советскую оккупационную зону. О судьбах некоторых из таких детей рассказал в своем документальном фильме, снятом в 1991 году, гамбургский режиссер Эберхард Фехнер. До сего времени было неизвестно, что многие сотни этих “волчат” прожили почти 50 лет под чужими именами в советской Литве.

Тридцатисемилетний историк из Восточного Берлина Рут Кибелка, чей дед в двадцатых годах был немецким епископом в Литве, разыскал их и рассказал в своей недавно вышедшей книге об их борьбе за выживание.

Западногерманский журнал “Шпигель” разыскал в архивах дополнительные документы.

Пронзительные крики вырвали Ингрид из сна, которым она забылась. Когда одиннадцатилетняя девочка открыла глаза, ее обуял смертельный страх. В их товарном вагоне были солдаты Советской армии — “совсем еще молодые парни” — которые буквально вышвыривали всех немец-

ких женщин и детей с поезда. “Я сидела совсем тихо и шептала одну молитву за другой”.

Ингрид повезло, русская шапка, которая была на ней, спасла девочке жизнь. Солдаты приняли ее за русскую. Спустя несколько часов поезд прибыл в литовский город Каунас. Маленькая жительница из Кенигсберга, города Восточной Пруссии, носящего сегодня имя Калининград, выстояла. Она вырвалась из ада своей родины полной сиротой, завшивевшей, со вспухшим от голода животом, с воспалением легких и обмороженными руками.

Судьбы, подобные Ингрид Рамм, пережили многие тысячи немецких сирот, которые мыкались в послевоенной Восточной Пруссии и, наконец, пробились в соседнюю Литву. “Волчата” — называют они сами себя: полностью одичавшие, ведомые лишь одним инстинктом самосохранения. Сегодня в окружное управление Кельна “волчатами” подано около 140 заявлений на получение немецкого гражданства. Сколько их еще осталось в Литве, никто точно не знает. Дети, родившиеся после 1940 года, большей частью были усыновлены, часто забывали своих родителей и происхождение.

Путь страданий начался для “волчат” с момента захвата Восточной

Пруссии Советской Армией. Немцам с восточных границ рейха выпало первыми платить за военные преступления Гитлера.

Такова правда — солдаты страны-победительницы буквально набросились на мирное население. В течение нескольких месяцев продолжались грабежи, разбои, изнасилования.

Как и более, чем 100 000 немцев, которым не удалось убежать от наступающей Красной Армии, Ингрид со своей матерью испили эту чашу до дна. Они пытались хоть как-то обустроиться, выбирая верхние этажи полуразрушенных городских домов, “где мы могли в случае чего затащить лестницу наверх”. Но всякий раз, как только они обживали развалины, они должны были уступать их русским солдатам.

В конце концов Ингрид со своей матерью перебрались в один из подвалов Кенигсберга. По колено в воде они мастерили настилы, на которых могли бы спать — свою “квартиру” они делили с крысами, которыми так и кишел город.

Но самое худшее их ждало впереди: голод. Сначала в развалинах еще можно было найти кое-какие запасы. Кто мог работать, а способна на это была едва ли треть немецкого населе-

I. KALNINS

Жертва войны И. Рамм: в 1996 г.; со своим литовским приемным отцом в 1958г.

ФОТО DER SPIEGEL

ния, получал суп из муки и 400 гр. сырого хлеба, от которого "как огнем жгло в желудке". Остальным нужно было думать самим, как остаться в живых.

Особенно туго приходилось детям-сиротам. Еду они могли получить лишь в немногочисленных детских домах. Однако Ингрид не хотела отправляться туда, когда осенью 1945 года ее мать умерла от голода и тифа. "Многие дети болеют малярией и другими болезнями" — отмечалось во внутреннем докладе советских органов власти о приютах, половина контингента которых была инфицирована туберкулезом.

Одна из соседок взяла девочку к себе, "потому что я была очень ловкой." "Цап-царап" — умение раздобыть продукты — пользовалось спросом, а Ингрид это умела.

Это было небезопасно. Когда восьмилетняя тогда Кристель Апсель копалась вместе со своей подругой в поисках съестного в куче мусора перед казармами Советской армии, часовой пустил очередь из автомата. Подружка Кристель умерла на месте.

Один немецкий врач укрыл Кристель вместе с ее сестрой у себя в больнице, "вверху, на чердаке". Они были там не одни. Кто не мог вести себя тихо, должен был покинуть укрытие. Кристель продержалась там три недели. Однако, когда на нее с ножом накинута женщина с помутившимся рассудком, она закричала. Спустя несколько минут врач выставил ее за дверь.

Сталин, который после окончания

войны присоединил северную часть Восточной Пруссии к Советскому Союзу, решил вытеснить оставшееся немецкое население. Вагонами посылал он летом 1946 года переселенцев с Украины и России на берега Преголи. Многие коренные жители Восточной Пруссии потеряли работу, которая перешла к новоприбывшим, а вместе с ней и продовольственные пайки.

Местные жители питались тем, что могли найти: сначала картофельными очистками и крапивой, потом собаками. Потом не осталось и этого.

"Наша соседка постучалась в дверь нашего подвала, — вспоминает Кристель Апсель. Когда я ее впустила, она набросилась на меня: или ты дашь мне что-нибудь поесть, или я съем тебя." Советские коменданты регистрировали множественные факты каннибализма.

Кто еще мог, пытался спастись в Литве. Советский Союз аннексировал эту балтийскую страну еще в 1940 году, но от войны она пострадала не так сильно. С полными подводами приезжали в близлежащий Кенигсберг литовские крестьяне для обмена своих сельхозпродуктов. На обратном пути они захватывали с собой дешевую немецкую рабочую силу, охотнее всего детей.

Среди растерянных людей быстро разнесся слух, что по ту сторону Немана много еды. Поток истощенных и оборванных людей, в грязи и ломотях, устремился на Восток. Неделями бродяжничали группы из двух или четырех десяти-двенадцатилетних

попрошаек от одного двора к другому, ночуя в стогах сена или, когда было тепло, в открытом поле. Путешествовать по одиночке было опасно, банды мародеров терроризировали страну. Взрослых маленькие попрошайки к себе не принимали: "Детям подавали охотнее".

На каждой железнодорожной станции между Кенигсбергом и Каунасом слонялись немецкие дети, чтобы незаметно запрыгнуть на поезд, везшие советских солдат обратно на родину. Охрана была строгой. Кристель Апсель укрылась под деталями самолета, остальные ехали кто на подножках, кто согнувшись в тормозном отсеке, а кто на крыше. Шансы доехать живым были невелики, зима в 1946/47 году была лютой, и многие в дороге замерзли насмерть.

Наряду с холодом самым большим врагом была милиция. Дети прятались, как только замечали человека в форме. Им нельзя было говорить по-немецки, и они не могли рассчитывать на помощь в больницах.

Когда Ингрид блуждала по Каунасу, ее лихорадило. Какая-то пожилая женщина пустила ее поспать в пустующей квартире. "Боже! Каждый день была картошка в мундире!" Едва оправившись от болезни, девочке пришлось отправиться по домам просить подаяние. Стучаться в двери она могла только с помощью ног, отмороженные руки отказывались служить.

По-литовски Ингрид не знала ни слова. Да это было и не нужно. Этих несчастных в Каунасе знали, на рынке

их было много. Их обзывали фашистами и с криком "Eik, pagaik hitlerius!" ("Фас, возьми Гитлеров!") натравливали собак. Но крестьянам были нужны прилежные рабочие руки, и не у всех было жестокое сердце.

Но часто крестьяне могли принять только одного ребенка, братьев и сестер разлучали, матери теряли своих детей.

Пятилетняя Ханнелоре Вейнтке приехала в Каунас со своей матерью. На улице Секлиу, напротив рынка, ослабевшая от голода и тифа женщина скончалась в уличной грязи под ничейной телегой. Торговка с рынка взяла зашившего и больного ребенка к себе домой. Но остаться там жить Ханнелоре не могла. Ее определили в детский дом и "олитовили".

Ханнелоре превратилась в Ангелу, Вейнтке — в Вайвадыте. Кроме своего имени и того, что она родом из Восточной Пруссии, все остальное маленькая девочка забыла. Ангеле знала лишь, что она не такая как другие дети. Она обращала на себя внимание тем, что постоянно крала немецкие книги и прятала их у себя под одеялом, хоть она и не могла их читать. Сверстники считали ее "Zemaite" — жительницей Западной Литвы, говорящей на своем диалекте.

Свои имена "волчата" потеряли. Кристель стала Кристианой, Ингрид — Марией, Хайнц — Иоганносом. Многих перекрестили в католиков. Давать приют немцам литовским крестьянам запрещалось под угрозой наказания, об этом напоминали листовки.

В Литве разгоралась гражданская война. В лесах партизаны сражались с

могущественной Красной Армией. Немцев не жаловали ни красноармейцы, ни повстанцы. Кристель при каждой облаве прятала в шкаф.

В ее обязанности входило стеречь коров и кормить свиней. В школу крестьянин ее не пустил: "Батрачке незачем учиться." Воспитывавших ее людей она называла по-литовски "мама" и "папа", хотя относились они к ней хуже, чем к собственным детям.

Осенью 1947 года советское правительство решило переселить всех выживших немцев из Восточной Пруссии в Переднюю Померанию, сирот в том числе. Для них одних были приготовлены целые железнодорожные эшелоны. Для равновесия Сталин депортировал в Восточную Пруссию детские дома, находившиеся в его оккупационных зонах в Германии и Австрии.

Из Литвы осенью 1948 года тоже отправлялись товарные вагоны на Запад. Последний был отправлен в 1951 году. Сталин хотел избавиться от немецких беженцев. Ситуация в фильтрационных лагерях, как сообщала внутренняя литовская комиссия, была "нечеловечной, хуже некуда". Жившие в лагере были "не похожи на людей, оборванные и грязные".

О спрятавшихся детях забыли. До них доходили лишь слухи, которые пугали: "Я слышала, что немцев собирают, чтобы отправить в Германию. Но до меня доходили также слухи, что немцев собираются депортировать в Сибирь," — говорит Ингрид. Недоверия советскому режиму, маленькая немка из Восточной Пруссии осталась у литовских крестьян.

Когда в 1948 году коммунистами была проведена принудительная кол-

лективизация сельского хозяйства в Литве, дети должны были днем работать в колхозах, а ночью со страхом ожидать прихода гэбэшников. Лишь в 1952 году директива советского министерства безопасности за номером 202 принесла облегчение: оставшиеся немцы смогли наконец стать законными советскими гражданами.

"Волчата", несмотря на это, предпочитали обманывать, когда подходил возраст обзаводиться собственными документами. В паспорте у Ингрид вымышлены все данные, начиная от места рождения и кончая именем.

Кто она на самом деле, своенравная женщина заявила властям своеобразно. В 1959 году, будучи тогда в возрасте 24 лет, она отправилась в Кенигсберг наводить справки о своем родительском доме. Спустя несколько часов она уже сидела в управлении КГБ на бывшей Ханзенской площади и рассказывала свою историю. Тайная полиция предложила сделку: ей позволят выехать в Федеративную Республику, если она подпишет обязательство о сотрудничестве с ними. Ингрид отказалась и прикрылась браком с литовцем. Она была медсестрой, ее муж — мелким номенклатурным работником.

Ее положение лучше, чем большинства из "волчат". Многие остались без образования, в деревнях. Они перебирались в Вильнюс, Каунас или Клайпеду работать на текстильных предприятиях или мясокомбинатах. Со своими крестьянскими семьями многие до сих пор поддерживают контакт. Потребность в семейном тепле больше, чем пережитые обиды...

То, что она немка, Кристель Апсель, маленькая женщина с теплыми

Жертва войны К. Апсель: с матерью и сестрой во время войны; в 1996 г.; в колхозе в 1952 г.

FOTO DER SPIEGEL

Жительница Восточной Пруссии Х. Вейнтке (справа) в приюте для сирот под Вильнюсом.

FOTO DER SPIEGEL

глазами, никогда не скрывала. "Все это знали", на нее никто не доносил. Она вышла замуж за парня из соседней деревни. Когда она в 1966 году хотела сходить на концерт гастрольного коллектива из Германии, муж предостерег ее: "Подумай о детях." Советская пропаганда не бездействовала: немцев обзывали "фашистами" или "фрицами". Кристель осталась дома. Ночью ей приснилось, как мать ругает ее за это...

На следующий день через одну из коллег по работе, которая поддерживала контакты с Германией, Кристель передала письмо в международную службу розыска родственников. Спустя несколько недель ей написал ее отец, которого она считала погибшим. Свое письмо он сопроводил русским переводом. Вот уже 20 лет он разыскивал свою дочь под ее немецкой фамилией.

Увидеться им так и не довелось. Отец умер, прежде чем советские органы разрешили ему приехать к дочери. Лежа на смертном одре, он просил передать Кристель две куклы. Он обещал ей их, когда в 1941 году его отпуск подошел к концу, а она, четырелетняя девочка, никак не хотела отпускать его обратно на фронт...

В середине шестидесятых Кристель убедилась, что она в Каунасе не единственный выходец из Восточной Пруссии. Она познакомилась с Кристель Фишер, которая называла себя Крис-

тиной Янкаускайте; новая подруга была лишь с виду веселой...

Немецкое происхождение висело на ней тяжелым бременем. "Когда я слышала в Каунасе немецкую речь, я вся дрожала, но я не могла говорить" — признается она сегодня. Фишер стыдилась, что практически не знает своего родного языка, боялась КГБ. Даже мужу свою историю она рассказывала лишь в 1960 году.

Дружба между женщинами является отдушиной для каждой из них. "Наконец появился человек, с которым я могу поговорить обо всем, пусть даже по-литовски". Они хотели вернуть свои настоящие имена, жить немцами в советской империи.

Этого же хотела бы и Ингрид. "У меня нет ни родителей, ни языка, ни родины. В таком случае я хочу иметь хотя бы свое настоящее имя и дату рождения."

Некоторые "волчата" добились своего, они получили новые паспорта. Однако, в Германию смогли съездить лишь немногие. Большинству пришлось ждать 1991 года, когда распался Советский Союз и Литва стала независимым государством.

Лишь теперь многие "волчата" осмелились выйти из укрытия. Они образовали свой союз "Эдельвейс", который в одном Каунасе насчитывает более 50 членов. Они тренируются, разговаривая друг с другом на немецком языке, создали хор. На прохо-

дившем прошлым летом в Литве фестивале немецкой песни они завоевали первую премию. Полученные в качестве приза 150 марок они разделили между собой.

Они пели песни, которые еще помнит старшее поколение: "Lili Marleen" ("Лили Марлен") и "Nach der Heimat mcht' ich wieder" ("Хочу вернуться на родину").

Таковой для них все еще остается Восточная Пруссия. Правда, жить там никто из них не хочет, за исключением Ханса Годау. Он вернулся назад в Кенигсберг уже в 1969 году. Все остальные предпочитают оставаться в Литве, даже если жить приходится на скудную пенсию. Кристель Апсель получает, в пересчете, около 70 марок в месяц. Но уровень жизни здесь продолжает оставаться выше, чем в расположенной западнее Восточной Пруссии, города здесь чище, и... меньше русских.

Немецкий министр внутренних дел Манфред Кантер не хочет признавать "волчат" в качестве немецких граждан. Он считает, что они потеряли на это право, когда в 50-х годах попросили выдать себе советские паспорта. Но они, конечно, могут получить немецкое гражданство — говорит министр — наравне с другими иностранцами.

Кристель Фишер это не нужно. У нее уже есть немецкий паспорт, так как живущие в Федеративной Республике родственники предоставили документы, доказывающие ее немецкое происхождение. Паспорт должен защитить ее от экс-коммунистов: "От этих никогда не знаешь, чего ждать..."

По материалам "Der Spiegel"

Перевод с немецкого
Вадима ШУБИНА

Одна из "волчат" — Х. Вейнтке в 1996 г.

FOTO DER SPIEGEL

Будапешт-56

к сорокалетию венгерского восстания

Ма́дьяры — удивительно эмоциональный народ. Если радуются, то радость их — до небес, если печалятся, то чуть ли не до смерти. Заслышав цыганскую музыку, они не могут сдержать слез...

Их неприязнь к Российской империи сохраняется со времен освободительной борьбы 1848–49 гг. — то скрыто, то явно. Тогда они под руководством своего национального героя Лайоша Кошута разбили армии габсбургских поработителей и завоевали себе свободу, к которой стремились в течение столетий. Молодой, 18-летний кайзер Франц Йозеф на основании “Святого союза” обратился за помощью к русскому царю. Русские пришли с превосходящими силами, победили и спасли трон Габсбургов, который продержался еще семьдесят лет.

Сразу после смерти Сталина, 5 марта 1953 года население не только Венгрии, но и во всех в государствах-сателлитах почувствовало свежий воздух. Начало было положено в Восточном Берлине. Недовольные повышением норм выработки и сокращением скудных зарплаток, рабочие 16 июня вышли на улицы. На следующий день забастовка стала всеобщей. С Бранденбургских ворот было сорвано и сожжено красное знамя. Тысячи демонстрантов пытались занять здание правительства. К обеду комендант советского сектора Берлина ввел чрезвычайное положение. Две моторизованные советские дивизии заняли город. Арестованные зачинщики были отданы под суд и казнены. В 21 час в Восточном Берлине снова воцарился покой.

Экономическое и социальное состояние Венгрии после смерти Сталина было не менее напряженным, чем в Восточной Германии. На примере Венгрии, может быть, нагляднее всего можно показать, как Сталин на практике проводил большевизацию Восточной Европы. Согласно Ялтинским соглашениям, в сентябре 1945 года в Венгрии должны были пройти свободные выборы. Однако, так как советский председатель контрольной комиссии маршал Ворошилов предвидел сокрушительное поражение коммунистов, он попытался манипулировать выборами. Это ему не удалось. Перенесенные на ноябрь выборы принесли партии Мелких землевладельцев 57 процентов всех голосов, то есть абсолютное большинство. Несмотря на сильное давление державы-оккупанта, коммунисты получили только 17 процентов голосов, столько же — социал-демократы,

и 7 процентов голосов было отдано Национальной крестьянской партии. Партия Мелких землевладельцев вошла в парламент, имея 245 мандатов из 409. Однако, вместо правительства Мелких землевладельцев, как определили избиратели, держава-оккупант распорядилась о создании коалиционного правительства, в котором ключевые позиции — армия, министерство внутренних дел и полиция — заняли коммунисты: Имре Надь, Ласло Райк, Матиаш Ракоши, Эрно Геро, Ференц Мюнхис.

Матиаш Ракоши, который как генеральный секретарь венгерской КП был “удлиненной” рукой Сталина в Венгрии, установил в 1948 году беспрецедентное единоличное господство. Он признался в 1952 году в идеологическом партийном журнале “Таршадапми семле” (“Общественное обозрение”): “Партия с момента освобождения обеспечила себе неограниченный контроль над политической полицией — АУО. Это было единственное учреждение, руководство которого мы полностью оставили в своих руках, решительно препятствуя разделению его с другими партиями коалиции в соответствии с соотношением сил”. С помощью этого инструмента террора и правил одержимый властью человек, почти маньяк, проводивший 16 лет в тюрьмах режима Хорти. Избранный народом парламент был исключен из политической

жизни. По московскому образцу прокатились показательные процессы, например, в 1949 году против кардинала Миндсенти, приговоренного к пожизненной каторге, а также против верного, но обученного не в Москве коммуниста Ласло Райка, министра внутренних дел, а позже иностранных дел в правительстве Ракоши, который был необоснованно обвинен в “титонизме” и казнен.

Берлинские события произвели сильное впечатление на Кремль. Через несколько дней после восстания советское Политбюро с крайней срочностью потребовало приезда венгерской делегации в Москву. Уже сам состав делегации, определенный Кремлем, был неожиданным: наряду с возвратившимся с Красной Армией в Венгрию “национал-коммунистом” Имре Надем, в ней был представитель Мелких землевладельцев Иштван Доби. Об удивительных деталях происшедшего затем в Москве рассказывает сам Имре Надь в своем “Политическом завещании”, вышедшем в 1959 году в Мюнхене. В приемной Кремля венгров встретил Лаврентий Берия. Бывший “Великий инквизитор” Сталина, в это время занимал пост вице-премьера. Он подошел к Ракоши и заговорил с ним грубым тоном: “Ну, вы еще на месте? Вы все еще руководитель венгерского правительства?” “Мудрый отец венгерского народа”, “великий сын Венгрии”, как распоряжался называть себя Ракоши, стоял как облитый пудель. Анастас

Восстание в Восточном Берлине. 1953 г.

ФОТО DPA

Восстание в Познани (Польша), 1956 г.

ФОТО ИЗ КНИГИ J. KUROŃ, J. ŻAKOWSKI "PRL DLA POZĄTKUJĄCYCH"

Владислав Гомулка.

Микоян тоже обругал Ракоши: "Хозяйственное планирование явно проявляет признаки авантюрной политики. В то же время, венгерские руководители совершили преступление против социалистического закона. Тюрьмы заполнены невинными. Вы, как руководитель партии, ответственны за все эти ошибки. Партия в Венгрии управляется кучкой людей. Возникли культ личности и мания авторитарного господства. Неудачи и преступления режима приняли такой размах, что народ может в любой момент поднять восстание против своих вождей." Никита Хрущев, бывший тогда еще секретарем Центрального Комитета, вторил: "Они прогонят вас навозными вилами!" Молотов сердито повернулся к Ракоши: "Поймете вы наконец, что не сможете вечно управлять при поддержке советских штыков?"

Ракоши, вчера еще чувствовавший себя как петух в курятнике, попав в ситуацию, когда с ним обращались как с камердинером, которого собираются вышвырнуть вон, не ответил контрударом. Проще всего ему было спросить: "А как же дело обстоит у вас?" Нет, он попытался защищаться. А тот, кто защищается, тот навлекает на себя обвинения. Кремлевские вожди почти не слушали, они свое решение уже приняли. Новым премьер-министром Венгрии должен был стать сын крестьянина, лютеранин Имре Надь, — ученый-аграрник, типичный профессор, прошедший обучение в Москве, противник режима Ракоши. Ракоши оставался пока генеральным секретарем партии.

4 июля 1953 года Имре Надь представился в Будапеште свежеспеченным премьер-министром и объявил о своей программе реформ. Она предусматривала, среди прочего, отмену мер против кулаков, а также щедрый раздел земельных наделов,

замедление коллективизации, либерализацию духовной жизни и религиозную терпимость. Сталинские принудительные лагеря, в которых в то время находилось 150000 человек, распускались в рамках политической амнистии. Власть политической полиции должна была быть уменьшена, а общественная жизнь демократизирована.

Ракоши начал дрожать. Он увидел опасность быть сметенным массами, которые могли расценить эти уступки как признак слабости. Аппаратчики, конечно же, разделяли его взгляды, и Ракоши немедленно использовал это обстоятельство против Надя. Хрущев, проинформированный об интригах Ракоши, пригрозил ему: "Я требую от вас положить конец политике распри, признакам мании величия. Тrequю от вас освобождения и реабилитации невинных жертв сталинских процессов. Вы главный ответственный за эти аресты. Вы не хотите отпускать заключенных, потому что точно знаете, что они невиновны и подадут на вас в суд".

Почему Кремль не сместил Ракоши? Почему он допустил сосуществование в Венгрии двух диаметрально противоположных политических направлений? Почему он терпел ситуацию, которая в 1956 году вызвала взрыв? Главную причину следует, пожалуй, искать в слабой тогда еще позиции Хрущева в партийной верхушке. Так, Ракоши смог еще раз пережить триумф над Надем. Во время болезни Надя он устроил единогласное осуждение его политики в Центральном Комитете и исключение его за "отклонение вправо и деятельность, направленную на раскол" из коммунистической партии, в которой тот состоял сорок лет. Однако, скоро земля затряслась и под ним. Сведение Хрущевым

счетов со сталинизмом перед XX съездом в Москве 24 февраля 1956 года прогремело подобно бомбе во всех государствах-сателлитах, правда, с различным эффектом.

Сначала прореагировали поляки, чья ненависть к русским также имеет давние исторические корни. В апреле польское руководство решило проинформировать партийную элиту о секретной речи Хрущева. Это был жестокий шок, отдаленные последствия которого оказались даже более тяжелыми, чем первоначальное действие. Старая антирусская злоба поляков оживилась. Сторонники Гомулки, сидевшего в тюрьме как жертва сталинских чисток, настаивали на его реабилитации. Гомулка стал популярным человеком часа, не в последнюю очередь из-за своего националистического и антисоветского настроения. Однако, руководство партии не отважилось сразу же реабилитировать его, так как боялось Кремля. Но Гомулке не долго оставалось ждать.

В Венгрии, тесная связь с Польшей которой уходит в века, Ракоши попал теперь в тиски. В стране и за рубежом было известно, какую роль он сыграл в казни Ласло Райка и его товарищей. Когда он попытался затянуть ревизию этого процесса, Хрущев категорически потребовал срочного рассмотрения, которое незамедлительно было проведено Верховным судом. 19 июня реабилитированная вдова Райка потребовала мести за своего мужа на собрании будапештского кружка имени Петефи, — клуба молодых интеллектуалов. Госпожа Райк была дружна с Имре Надем. Но Надь, подобно Гомулке, еще ждал. Гроза собиралась.

Как сказал позже Гомулка: "Очевидно, чаша была полна". 28 июня 1956 года Познань сотряс отзвук Восточного Бер-

лина, который одновременно был предвестником для Будапешта. Как и в Восточном Берлине, беспорядки были вызваны повышением производственных норм и сокращением и без того мизерных, голодных зарплат на 3,5 процента. Рабочие начали забастовку и прошли сплоченным маршем к ратуше с транспарантами, на которых были требования хлеба, снижения цен и повышения зарплат. Поначалу процессия протекала мирно, но при подходе ее к центру города к ней внезапно присоединились тысячи молодых рабочих. Они кричали: "Свободу, хлеб и справедливость!... Долой Советский Союз! Долой советскую оккупацию!... Свободу кардиналу Вышинскому!... Отдайте нам нашу религию!" Они пели патриотические, религиозные и социалистические песни. Милиция безрезультатно попыталась рассеять толпу. Одна группа штурмовала здание полиции и захватила оружие, другие захватили радиостанцию и здание суда, открыли тюрьмы. Вряд ли можно установить, что первым открыл огонь. В полдень появились армейские танки, подразделения "внутренней безопасности" и милиции. К вечеру восстание было подавлено. Трагический итог: 54 убитых и 300 раненых. Возможно, быстрое поражение Познаньского восстания предотвратило в Польше кровавую катастрофу. Кремль, конечно же, распознал грядущую опасность и отреагировал крайне нервно. Гомулка был 4 августа полностью реабилитирован, однако решение о его положении в партии было отложено на более позднее время.

Как и в Польше, в Венгрии произошел целый ряд событий. Советские властители потеряли всяческую ориентацию. В конце июля они наконец-то сместили Ракоши и отозвали его в Советский Союз. Его преемником, однако, оказался не Имре Надь, как ожидали возмущенные венгры, а другой антисталинист Эрне Гере. Подспудная злоба населения росла. Наивысшей точки она достигла 6 октября, когда происходило торжественное перезахоронение главных жертв процессов чистки 1949 года — Ласло Райка, генерал-лейтенанта Дьердя Палффи, Тибора Сени и Андраша Салаи. По меньшей мере двести тысяч человек в молчании сопровождали их. Глубокое значение этого угрюмого действия отразилось в передовой статье официального партийного органа "Сабад Неп" ("Свободный народ"): "Молчаливая демонстрация сотен тысяч скорбящих была торжественным обещанием не только сохранить чистую память о четырех мертвых вождах, но и помнить мрачную практику тирании, беззакония, клеветы и обмана народа... Люди были захвачены не только глубоким чувством траура, но и жгучей ненавистью, воспоминанием о том, что эти товарищи, эти мужчины были казнены как враги Отечества и народа! Мы нужны были для

того, чтобы поверить клевете на вас — и мы были готовы поверить в нее! Простите нас за это, товарищи!"

Кто в Венгрии мог иметь симпатию или доверие к партии, совершившей убийство невинных? Хотя был арестован шеф АУО Михали Фаркаш, но каждый знал, кто на самом деле инспирировал убийства. 14 октября 1956 года реабилитировали Имре Надя. Янош Кадар, который в течение трех лет безвинно терпел пытки в тюрьмах Ракоши и был освобожден Надем в 1954 году, стал заместителем премьер-министра. По распоряжению Москвы он поехал вместе с Гере к Тито с "визитом примирения", но он закончился неудачей.

В исторический день 23 октября оба вернулись в Будапешт. Между тем, в Польше Гомулка захватил власть в ночь с 19 на 20 октября и одержал победу над Хрущевым, который приехал с делегацией и грозил советским вторжением. Правда, Польша Гомулки не стала государством, о котором в ту напряженную ночь, когда никто в Варшаве не спал, мечтали одухотворенные интеллектуалы и рабочие. Однако, на протяжении нескольких лет она была все же страной, развивавшейся в духовной сфере относительно более свободно, чем другие коммунистические государства. Польские события оказали электризирующее действие и на Венгрию. Академическая молодежь устроила 23 октября молчаливый марш, чтобы выразить свою глубокую симпатию к Польше и согласие с тамошними событиями. Никто, а тем более, устроители, не думал о том, что марш станет началом народного восстания, разразившегося с такой невероятной силой, что его, как потоп, нельзя было удержать и которое потрясло весь мир, от Нью-Йорка до Москвы.

Сефтон Делмер сообщил в "Дейли экспресс" от 23 октября 1956 года из Будапешта: "Сегодня я стал свидетелем великого события в истории. Я видел, как народ Будапешта подхватил огонь, зажженный в Познани и Варшаве, и заполнил улицы в открытом восстании против советских властителей. Я маршировал вместе с ними и вместе с ними плакал от радости, когда в беснующейся толпе из венгерских знамен вырывались советские знаки. Главное, что это восстание обещает быть успешным. В то время, когда я передаю этот репортаж, я слышу, как неистовствует буйствующая толпа. Раздаются крики "Отошлите Красную Армию домой!" "Мы требуем свободных и тайных выборов!" И затем раздается роковой крик, который слышен при любом случае: "Смерть Ракоши!" Бывший премьер-министр Имре Надь — передовой боец повстанцев... Но подавляющее большинство в толпе было настроено, по моему мнению, как антисоветски, так и антикоммунистически..."

Делмер сделал правильные наблюдения.

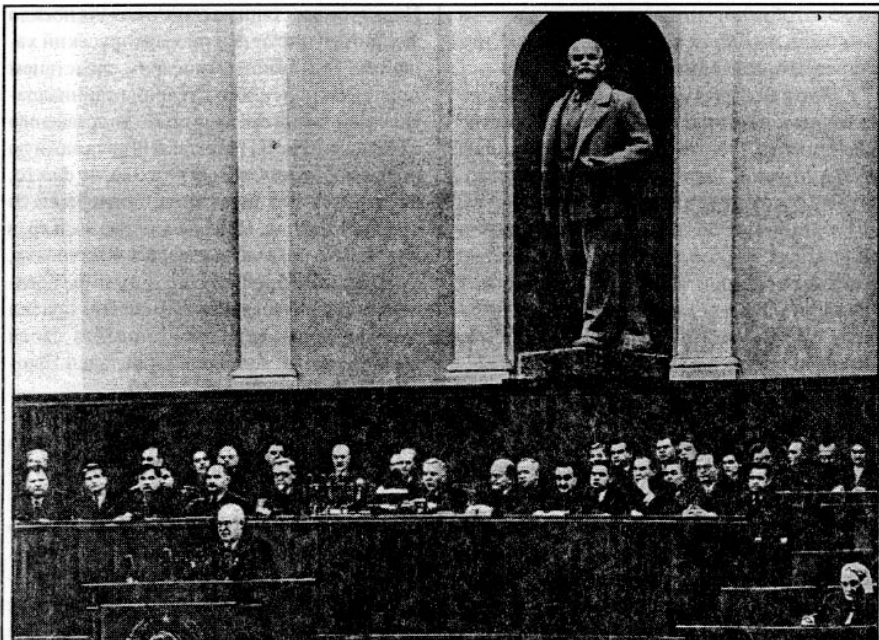
Народное восстание с самого начала носило антикоммунистический и антирусский характер. Оно было логическим следствием опыта, накопленного в течение одиннадцатилетней жизни с режимом. Но по сравнению с Польшей, где КП все-таки играла важную роль в событиях, в Венгрии она, де факто, распалась из-за недостатка поддержки со стороны народа. Но, к несчастью венгров, в Будапеште не было выдающейся личности, которая, подобно Гомулке, смогла бы предотвратить катастрофу. В Венгрии правил теперь народ, непревзойденный в своей спонтанности. Дух Петефи овладел головами и сердцами масс.

Русские реагировали нервно и поспешно. Они сместили Гере. Одновременно они распорядились, чтобы поставленный в качестве последователя Ракоши генеральный секретарь Хегедюш позвал на помощь советские войска для подавления восстания. Новый, также назначенный русскими, премьер-министр Имре Надь с этим призывом о помощи ничего общего не имел. Советское информационное агентство ТАСС сообщало 24 октября из Будапешта: "Поздним вечером 23 октября реакционные подпольные организации попытались произвести в Будапеште контрреволюционный переворот против народной власти. Эта враждебная авантюра, очевидно, готовилась в течение некоторого времени. Зарубежные реакционные силы систематически подстрекали антинародные элементы против законного правительства... Произведены нападения на ряд правительственных зданий и общественных предприятий. Фашистские убийцы, действуя безудержно, вызвали в различных местах кровопролитие. Силы революционного порядка отбросили повстанцев назад. По приказу вновь назначенного премьер-министра Имре Надя в

На лекарства для венгров.
Польша, 1956 г.

ФОТО ИЗ КНИГИ J. KUROW,
J. ŻAKOWSKI "PRL DLA
POCZĄTKUJĄCYCH"

Доклад Н. Хрущева на XX съезде КПСС. Москва, 1956 г.
ФОТО ГАММА/STUDIO X

городе было объявлено осадное положение... Советские войсковые части, размещенные в Венгрии согласно Варшавскому Пакту, оказали войскам Венгерской республики помощь в восстановлении порядка в Будапеште... Вечером 24 октября вражеская авантюра была ликвидирована".

Когда сообщение ТАСС было опубликовано, вся Венгрия, за исключением советских военных баз, была в руках восставших рабочих и студентов, которые повсеместно образовывали рабочие советы. Они практически осуществляли власть в стране и навязывали правительству свою волю. Новое правительство Надя было коалиционным, с участием всех демократических партий, но оказалось, однако, из-за всеобщего возбуждения и недостатка личностей слишком слабым, чтобы действительно управлять. Кремль был всполошен и шокирован. С невероятной быстротой в Будапешт прибыли Микоян и министр иностранных дел Шепилов, чтобы спасти то, что еще можно было спасти. Но полумеры больше не могли помочь.

27 октября Гордон Шеферд передал для "Дейли телеграф" следующее сообщение: "Судя по тому, что я увидел..., не остается сомнений в том, что части регулярной венгерской армии были ведущей силой в восстании. Академия Кошута, венгерская офицерская школа, решительно перешла на сторону восставших. Почти невозможно наглядно передать самую важную характеристику трагических будапештских событий, а именно душашую ненависть простых людей к русским... Больше десятка раз во время поездок по Будапешту мой автомобиль останавливали

прохожие и кричали по-английски, по-немецки или по-венгерски: "Ради Бога, сообщите правду об этой резне!" И еще: "Знают ли на Западе, что устроили русские?" Один из них бросил в окно моего автомобиля старую венгерскую бритву, крича: "Это единственное наше оружие! Когда же вы нам поможете?"

Само собой разумеется, что восставшие особо не церемонились с АЮ и с русскими, это понятно для народного волнения, в котором принимали участие не только безупречные, но и криминальные элементы. Имели место антисемитские выходки. Советские танки обезвреживались с помощью "молотов-коктейлей". Беснующаяся масса линчевала офицеров АЮ, а может быть, по ошибке, и невинных граждан. Власть все больше ускользала из рук правительства. Так, Ноэль Барбер сообщает в "Дейли мейл" 29 октября из Будапешта: "Премьер-министр Надя поддался всем требованиям будапештских борцов за свободу и потребовал от русских войск немедленно покинуть Будапешт... Ведь восстание было бы давно закончено, если бы здесь, в Будапеште, не было Красной Армии... Сейчас стало ясно, что русские сильно недооценили боеспособность восставших... Город медленно и мужественно умирает, каждая улица представляет собой кладбище. Насчитываются тысячи убитых, для раненых не хватает лазаретов... Повсюду люди спрашивают меня только об одном: "Когда придет помощь?" "Не могут ли англичане помочь нам, мы боремся за весь мир..." Одна девочка попросила меня: "Пожалуйста, всякая помощь хороша, даже одна-единственная пушка..." Мне горько,

что я не могу дать ответ... Я видел много войн, но эта имеет ужасный вид. Эти дети, бегущие с запекшейся кровью на повязках на руках и голове навстречу танкам — а сейчас еще и артиллерии — с автоматами и "молотов-коктейлем" в руках".

А затем "чудо на Дунае" внезапно приблизилось. "Нью-Йорк Таймс" сообщала 30 октября из Будапешта: "Кажется, что венгерский народ с победой закончил свою революцию. Советские войска сейчас покидают Будапешт и, по всей видимости, Венгрию. Сегодня после обеда в радиопередаче Имре Надь, Янош Кадар, новоизбранный Первый секретарь венгерской КП, бывший президент государства Золтан Тилди, как руководитель партии Малких землевладельцев и Ференс Ердей — от Национальной крестьянской партии, пообещали народу, что Венгрия снова станет плюралистической демократией, что состоятся свободные выборы, что страна объявит себя нейтральной; советские войска должны немедленно покинуть Венгрию..."

Снова в Будапешт прибыл Микоян, на этот раз вместе с Сусловым. Они приняли все условия: вывод советских войск из Будапешта и из Венгрии, выход Венгрии из Варшавского пакта и всеобщие свободные выборы. В ночь на 30 октября народ Будапешта праздновал победу. Однако, следующий день, 31 октября, принес ледяной душ и протрезвление. В 10 часов правительство проводило заседание. Внезапно совещание прервал посыльный, принесший телеграмму и передавший ее премьер-министру. Тот изучил ее молча, встал и зачитал: "Британские и французские вооруженные силы бомбят Египет". В зале наступила тишина, пока один из участников заседания не вскричал: "Будь они прокляты!"

Никита Хрущев.

ФОТО ИЗ КНИГИ J. KUROS,
J. ŻAKOWSKI "PRL DLA
POCZĄTKUJĄCYCH"

Полковник Олег Пеньковский, русский мастер-шпион, вспоминает: "Когда 1 ноября в Москве заседал президиум Совета, мнения разделились. Вследствие двойного кризиса в Суэцком канале и в Венгрии царил замешательство. Мы сидели в Кремле как на пороховой бочке. Генеральный штаб был единогласно против "хрущевской авантюры" — оккупации Венгрии. По мнению Генерального штаба, лучше потерять Венгрию, чем потерять все".

В своей книге-репортаже "Семь дней мира" Ноэль Барбер пишет: "В самом деле, британо-французская акция отвлекла внимание мира от Венгрии и сконцентрировала его на взрывоопасном районе. Это был политический подарок для Хрущева, одна из несчастливых случайностей современной истории, которая преподнесла Кремлю золотую возможность для консолидации советской империи". Но и надежды Москвы не оправдались. Дэвид Деллин считает в своей книге "Советская внешняя политика после смерти Сталина": "Разоблачать врагов египетской независимости и одновременно подавлять народное движение за независимость в самом сердце Европы; требовать от США вступить в борьбу с "агрессорами" в Северной Африке, одновременно не давая им войти в Венгрию; выступать за "мирное решение" международного конфликта, одновременно решая свои международные проблемы с помощью войск и танков — это было слишком даже для циничного климата мировой политики. Россия в Венгрии парализовала Россию в Египте..."

Снова Кремль играл краплеными картами, так что население Будапешта сначала не почувствовало никаких изменений ситуации. Вместо скомпрометировавшей себя партии Ракоши Янош Кадар основал новую коммунистическую партию. В праздник всех святых он выступил в передаче станции "Кошут": "Дорогие слушатели, Первый секретарь партии Янош Кадар говорит с венгерским народом. Венгерские рабочие, крестьяне и интеллигенты! В судьбоносный час мы обращаемся ко всем, кто, будучи восхищенным желанием служить чистым идеалам социализма, был приведен к партии, ставшей инструментом деспотизма и национального порабощения. Это произошло из-за преступной политики венгерских сталинистов... Ракоши и его банда нанесли тяжелейший удар по нашей национальной чести. Они пренебрегли суверенитетом и свободой нашей нации и бездумно разбазаривали наше национальное благосостояние. В славном восстании наш народ сбросил режим Ракоши. Он добился свободы и независимости для страны. Или восстание обеспечит основополагающие предпосылки демократии — право на собрания и организации, личную свободу и безопасность, господство права и закона, свободу прессы и гуманность — или же мы

Жертва венгерской Революции.

FOTO DER SPIEGEL

снова погрузимся в рабство старых господ-феодалов. Коммунисты, борющиеся против деспотизма Ракоши, решили... основать новую — "Венгерскую социалистическую рабочую партию". Новая партия раз и навсегда покончит с преступлениями прошлого. Она будет защищать независимость нашей страны от всех посягательств... Наш народ своей кровью доказал стремление без раздумий поддерживать усилия правительства, направленные на полный вывод советских войск. Мы не хотим больше быть зависимыми. Мы не хотим, чтобы наша страна стала полем битвы. Я обращаюсь ко всем венгерским патриотам. Давайте объединим наши силы во имя победы независимости и свободы Венгрии!"

Таким образом, совершенно точно известно, что Кадар в своем радиовыступлении 1 ноября 1956 года назвал восстание "славным народным восстанием". В тот же день Кадар дал интервью корреспонденту "Джорнале" д'Италия, Бруно Тедешу: "Сегодня я разговаривал с Яношем Кадаром... Он сказал мне, что это первое интервью, которое он дает западному журналисту. Кадару 44 года, он среднего

роста, у него темные волосы, говорит он медленно, большей частью вполголоса.

— Какой вид коммунизма вы представляете, господин Кадар?

— Новый тип, вышедший из революции и ничего общего не имеющий с коммунизмом группы Ракоши — Хегедюш — Гере.

— Является ли этот "новый коммунизм", если его так можно назвать, югославским или польским типом?

— Наш коммунизм — венгерский. Он является своего рода третьей силой и не имеет отношения ни к "титоизму", ни к коммунизму Гомулки.

— Как бы вы описали эту "третью силу"?

— Она представляет собой марксизм-ленинизм, приспособленный к особым требованиям нашей страны, нашим трудностям и нашим национальным проблемам. Она не подвержена влиянию ни со стороны СССР, ни со стороны прочих разновидностей коммунизма. Эта "третья сила" произошла от нашей революции, в ходе которой, как вы знаете, многие коммунисты боролись на стороне студентов, рабочих, народа.

Кадар здесь еще раз определенно говорит о "революции", а не о "контррево-

На верхнем снимке: расстрел в Будапеште. 1956 год.
Один из расстрелянных остался жив. На нижнем снимке он слева.
ФОТО VERLAG NEUES LEBEN, BERLIN

люции". Тедешы спрашивают дальше: "Будет ли ваш коммунизм развиваться на демократической основе?" "Хороший вопрос. Будет оппозиция, но никакой диктатуры. Эту оппозицию будут выслушивать, потому что она заботится о национальных венгерских интересах, а не о международном коммунизме". "Каким будет ваше отношение к Тито?" "Очень хорошим". Сразу после интервью Кадар исчез из Будапешта. Позже стало известно, что он уехал в советском автомобиле вместе с Ференсом Мюннихом в Ужгород на Украине.

Виктор Ворошильски, сотрудник варшавской газеты "Нова культура" сообщал из Будапешта 1 ноября: "На пути к польскому посольству мы встретили журналиста Крышлова. — Ты уже слышал? Кадар скрылся! Мы узнали, что он совершил побег после встречи активистов новой партии... Что же можно... ожидать от Кадара, который совершает побег буквально несколько минут спустя после объявления о своей новой политической линии? Неужели ему не ясно, какой ущерб он может нанести партии? Как бы то ни было, из игры вышел хороший человек. Для него

это оказалось слишком. А что, если игра для него на самом деле только начинается?" Пророческий вопрос, справедливость которого проявилась вскоре.

3 ноября небо над Венгрией было безоблачным — первый мирный день после 23-го октября. И такова уж природа будапештцев, что они снова начали шутить и сочинять анекдоты. Перед одним кинотеатром огромный плакат анонсировал чешский фильм: "Ирена, пожалуйста, вернись домой." Какой-то шутник зачеркнул имя "Ирена" и вставил вместо него "Русский". Появились сатирические плакаты, среди прочего такие: "Требуется венгерский премьер-министр. Необходимые данные: преступное прошлое и русское гражданство". Или, имея в виду обвинения Москвы, утверждалось, что в Венгрии речь идет о "контрреволюции": "Десять миллионов фашистов находятся в Венгрии на свободе. Большей частью это кардиналы, знать и офицеры Хорти, последние десять лет переодетые в рабочих и живущие на фабриках". И такой текст: "Требуется заявления о приеме в венгерскую коммунистическую партию. При наличии более десяти заявлений про-

водится массовая демонстрация".

В этот день, 3-го ноября, венгерское правительство провело пресс-конференцию и сообщило, что в советско-венгерских переговорах достигнуто взаимопонимание уже в четырех важных пунктах. О деталях русского отхода министр обороны Малетер должен был еще в тот же день провести заключительные переговоры в советской комендатуре недалеко от Текели. Малетер выехал туда, был приглашен на совместный ужин, арестован и больше не вернулся в Будапешт.

4-го ноября 1956 года, в 5 часов 10 минут на волнах передатчика "Кошут-Будапешт" прозвучал венгерский национальный гимн, а затем: "Внимание! Внимание! Внимание! Премьер-министр Надь обращается к венгерскому народу. Говорит премьер-министр Имре Надь. Советские войска предприняли на рассвете наступление на нашу столицу с однозначным намерением сместить законное демократическое правительство венгерской народной республики. Наши войска ведут бои. Правительство находится на своем месте. Я сообщаю эти факты нашей стране и всему миру". В передаче будапештской станции можно было еще услышать обращенные к Западу слова лютеранского епископа: "Во имя Иисуса Христа прошу вас, помогите нам!" — затем Будапешт, в котором 13 дней царила свобода, умолк. Двенадцать русских дивизий раздавили венгерское сопротивление в неравном сражении, в результате которого, по официальным данным, было 16000 убитых и раненых. 200000 мадяров смогли перебраться за границу. Пленные русские красноармейцы говорили нам, что были уверены, что они не на Дунае и Тисе, а в Египте на Суэцком канале, откуда должны прогнать империалистов. Так им вдалбливали их командиры. Другие думали, что ведут бои на канале Ла-Манш против английских и немецких фашистов.

Когда в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке 4 ноября 1956 года стало известно о внезапном нападении русских на Венгрию, американский делегат Кебот Лодж произнес с побелевшим лицом: "Я сидел здесь и слушал, как советский делегат говорил о предотвращении кровопролития в Египте. Бог свидетель, я хотел предотвратить кровопролитие в Египте, но ведь это ни с чем не сравнимый цинизм, когда советский делегат говорит об этом именно в тот момент, как Советы сами проливают кровь в Будапеште..." Объединенные Нации ничего не смогли сделать для мадяров. А в Венгрии началась эра Яноша Кадара.

Бонн

По материалам немецкого Института истории.

Перевод с немецкого Олега ШУБИНА

**Будапешт-89. Перезахоронение жертв Революции 1956.
Габор Фодор у гроба Имре Надя.**

FOTO GÁBOR RÓZSA

Ирена ЛЯСОТА

Будапешт, 16 июня

Правду о революции 1956 года венгерская коммунистическая партия начала говорить только в начале 1989 года.

Говорить после тридцати лет утверждений, что те события были "контрреволюцией", инспирированной иностранными агентами и осуществленной предателями-изменниками.

Коммунисты признали, что на самом деле революция была подлинным и оправданным выражением неприятия венграми сталинской системы.

16 июня 1989 года Имре Надь, венгерский премьер-министр, казненный 16 июня 1958 года, и другие лидеры Революции были перезахоронены как герои.

Ирена Лясота, редактор "Uncaptive Minds" посетила Венгрию и присутствовала при перезахоронении. Этот ее репортаж впервые был напечатан 26 июня 1989 года в польском независимом еженедельнике "Воля".

Я встретила со своими венгерскими друзьями около восьми часов утра. Это была пятница, обычный рабочий день, но сегодня все, кто хотел, могли не работать. Большинство людей на улицах несли в руках цветы. Мы не знали точно, где произойдет событие и просто шли вместе с толпой. Люди собрались на огромной площади напротив Музея Изящных Искусств. Колонны были обернуты черным, повсюду были развешены гигантские венгерские флаги с вырезанным в середине кругом.

Это флаг Революции 1956 года, когда ненавистные статуи были опрокинуты, красные звезды сорваны и советская символика вырезана из национального флага. Позже флаг был изменен таким образом, чтобы меньше оскорблять венгров, но воспринят он так и не был никогда. Сейчас объявлено, что традиционный венгерский флаг, который был до 1948, года должен быть восстановлен.

На могиле Гезы Лозончи. 16 июня 1989 г.
ФОТО GÁBOR RÓZSA

По всей площади уличные торговцы продают значки с портретом Имре Надя или изображением травяного холмика, на вершине которого написано "301" — номер секции кладбища, где Надь и сотни других жертв были зарыты в братской могиле после казни. Площадь начинает наполняться людьми. К полудню их будет более 300 тысяч. Выстраивается длинная очередь, и следующие 4 часа люди, в глубоком молчании, проходят возле шести гробов, возлагая цветы.

На пяти гробах имена: Надь Имре, Гимес Миклош, Лозончи Геза, Малетер Пал, Шилаги Йозеф — премьер-министр Венгрии и его коллеги, погибшие 31 год назад. Шестой гроб символизирует сотни известных и неизвестных жертв коммунистической системы, которая была "либерализована" вслед за двадцатым съездом КПСС.

Дикторы читают список известных жертв: имя, возраст, профессия и дата казни. Некоторые из них — 18-летние студенты, повешенные позже, в 1960-м. Коммунистические юристы любезно подождали, пока они достигнут возраста, позволяющего казнить их...

Гробы кладут на светский (мирской) алтарь, сконструированный по проекту архитектора Ласло Райка, чей отец был казнен его же коллегами по партии в 1949-м

году, и чьи символические похороны в 1956-м году были одной из искр, от которых вспыхнула Революция.

В 11 часов начинается официальное возложение венков: сначала члены правительства и парламентарии, сопровождаемые высокопоставленными представителями всех венгерских церквей, потом дипломаты, и, наконец, предста-

вители всех зарегистрированных и неформальных независимых организаций. Диктор читает имена каждого из них. Аплодисментов нет, только музыка, не похоронная и не церковная — просто серьезная музыка. На британского журналиста это не производит впечатления — он не может понять этого столпотворения, не испытывает никаких эмоций. Все молчат, каждый поглощен происходящим. Большинство одето в черное и белое, многие держат в руках цветы. На нескольких плакатах обозначены города, представленные здесь. Представлены также "Солидарность" и Польская Независимая Ассоциация Студентов. Ни одного громкого лозунга. Многие молча вытирают слезы.

Все тихо стоят и наблюдают, поглощенные происходящим. Так люди простоят около пяти часов. На их лицах печать горя, которое они переживали в одиночестве в течение долгих лет. Прочитаны отдельные речи. Шандор Рач, который возглавлял Рабочий Совет Будапешта после вторжения Советов, говорит, что не жертвы коммунистов нуждаются в реабилитации, а сами коммунисты, если они хотят продолжать играть роль в венгерском обществе...

Только речь Виктора Урбана, (один из лидеров польской антикоммунистической оппозиции в 80-е годы — прим. ред. "Карты") самого молодого из выступающих, одного из основателей FIDES (Лиги Молодых Демократов),

У гроба Имре Надя. 16 июня 1989 г.

ФОТО GÁBOR RÓZSA

прерывается аплодисментами. Затем несколько тысяч приглашенных отправились на кладбище. Это воспринимается как настоящие похороны.

Большинству присутствующих около 50 лет, кроме молодых людей с черными повязками из службы безопасности. Вся церемония смотрится как черно-белый фильм с чередованием круп-

ных планов и удаленных кадров, выхваченных из общей картины. Еще раз прозвучали имена умерших. В полном молчании люди смотрели, как предают земле гробы. Настроение испорчено иностранными журналистами, которые толпятся возле края могилы, стараясь сфотографировать, как дочь Имре Надя кладет цветы на гроб своего отца.

На лицах пожилых венгров не видно удовлетворения. Реабилитация вернула память об убитых тридцать лет назад, но она не может вернуть трех десятилетий, потерянных для оставшихся в живых. Люди, стоящие вокруг меня, будут похоронены, как участники Революции, и лишь немногие из них доживут (если вообще кто-нибудь доживет!) до того времени, когда они смогут увидеть ту Венгрию, о которой мечтали и за которую боролись, будучи молодыми.

Моменты, подобные этому внушают оптимизм молодым, но вызывают грусть у пожилых людей. В конце концов, история всегда рассудит по справедливости. Что

лучше: дать возможность китайским студентам десятилетиями сопротивляться избиениям, подобным тому, что было на Тянь-Ань-Мыньской площади или, может быть, пригласить их сесть за стол переговоров с правительством?

Будапешт

По материалам
"UNCAPTIVE MINDS"

Перевод
с английского
Юлии СЕРЕДЫ

Секция 301, где Имре Надя и другие жертвы Революции были первоначально захоронены в безымянных могилах.

ФОТО GÁBOR RÓZSA

«Положить конец диктатуре!»

*Речь Виктора Урбана на
церемонии перезахоронения
Имре Надя. Будапешт. 1989 г.*

Виктор Урбан выступил с этой речью на перезахоронении Имре Надя и других лидеров венгерской революции 1956 года. На церемонии присутствовали как члены правительства, так и оппозиция. По словам очевидцев, его речь была единственной, на которую собравшиеся откликнулись аплодисментами.

Граждане!

С тех пор, как 40 лет назад началась коммунистическая диктатура и советская оккупация, Венгрия только однажды смогла обрести силы и мужество, чтобы восстановить свою честь, как это было в 1848; национальную независимость и политическую свободу. Наши задачи не изменились, мы не откажемся от целей 1848-го, мы не можем отказаться и от 1956-го. Молодые венгры, сегодня борющиеся за демократию, склоняют головы перед коммунистом Имре Надем и его товарищами по двум причинам.

Мы высоко ценим то, что эти государственные деятели идентифицировали себя с желаниями венгерской нации, порвав со священными догмами коммунизма, со слепым повиновением российской империи и с диктатурой единственной партии.

В 1956-м Венгерская Социалистическая Рабочая партия завоевала наше будущее. И вот рядом стоят шесть гробов убитых людей, проложивших нашу дорогу.

Друзья! Нам, молодым, трудно понять некоторые вещи, очевидные для старшего поколения. Нам странно, что те, кто так страстно злословил о Революции и Имре Наде, стали самыми большими сторонниками политики бывшего премьер-министра. Непонятно и то, почему партийные лидеры, которые видели, что мы учимся по книгам, в которых фальсифицируется Революция, сейчас устремились к гробам, как-будто это для них — амулет

удачи.

Нам не нужно благодарить их за разрешение похоронить наших мучеников через тридцать один год; мы не должны говорить им спасибо за то, что они позволили функционировать нашим политическим организациям.

Венгерские лидеры не заслуживают похвалы, только потому что они воздержались от применения оружия в своей борьбе за демократию и за свободные выборы, потому что они не применили, хотя могли, методы Ле Пена, Пол Пота, Ярузельского и Ракоши.

Граждане! Спустя тридцать три года после того, как венгерская Революция была разгромлена и тридцать один год после казни последнего законного премьер-министра, мы имеем шанс мирным способом достичь целей, к которым революционеры шли путем кровавых столкновений.

Если мы доверяем нашим душам и верим в свои силы, мы должны положить конец коммунистической диктатуре; если мы определились вполне, мы должны заставить партию подчиниться свободным выборам. Если мы не потеряли идеалов 1956-го, мы сможем выбрать правительство, которое немедленно начнет переговоры о быстром выводе российских войск.

Мы сможем достичь целей революции если — только если — мы достаточно храбры. Мы не можем доверить партаппарату самому изменяться. Помните: 6 октября 1956-го, в тот самый день, когда был похоронен Ласло Райк, партийные деятели начертали жирными буквами: "Никогда больше!". Три недели спустя коммунистическая партия приказала своим силам безопасности стрелять в беззащитных людей. Не прошло и двух лет, как MSZMP приговорила сот-

ни невинных людей, даже членов партии, к смерти по надуманному обвинению.

Мы никогда не примем пустых обещаний партийных лидеров; мы не должны допустить, чтобы партия снова использовала силу против нас. Это единственный путь избежать новых гробов, новых похорон, таких, как сегодняшние. Имре Надь, Миклош Гимес, Геза Лозончи, Пал Малетер и Йозеф Шилаги отдали жизни за независимость и свободу Венгрии. Мы склоняемся перед их памятью. Покойтесь с миром!

Будапешт

По материалам "UNCAPTIVE MINDS"
Перевод с английского Юлии СЕРЕДЫ

Виктор КИРИЛЛОВ

Сопротивление крестьян-спецпереселенцев

и методы борьбы с ними советской власти

В массовом общественном сознании сегодня сосуществуют, наряду со многими другими, два мифа относительно взаимоотношений народа и власти в советский период. Первый, консервативно-коммунистический, исходит из наличия множества врагов у советской власти с момента ее зарождения и до последних дней правления. Этот миф находит подтверждение в сотнях тысяч уголовно-политических дел, заведенных в 1930-х годах на "спецов", "кулаков", "правых и левых уклонистов" в партии и всех остальных, заклеенных "врагами народа". Согласно этому мифу мы должны представлять, что раскулаченные-спецпереселенцы активно и яростно боролись с партией и правительством. Однако в середине 1950-х гг. возник, а затем нашел свое псевдонаучное обоснование второй миф, радикально-догматический, который, исходя из постулатов забитости и покорности "советских рабов", утверждает, что все "антисоветские дела" придуманы партией и карательными органами, и полностью сфальсифицированы. Поэтому уже к 1930-м годам массовое народное сопротивление сталинизму было сломлено и боролись лишь отдельные личности, да небольшие оппозиционные группы в партии. Этот миф находит свое подтверждение в тех же сотнях тысяч "антисоветских дел", обвиняемые по которым сегодня реабилитированы, а все показания по поводу их борьбы с властью сочтены вымышленными. Эти два мифа оказали достаточно сильное

воздействие как на художественно-публицистическую, так и на научную литературу 1950-1980-х гг. Однако уже в 1930-х гг. возникает и развивается иная тенденция, которую не назовешь мифотворческой.

Сначала в эмигрантской, а затем и в отечественной литературе появились работы, посвященные сопротивлению народа коммунистической диктатуре. В 1990-х годах это направление крепнет и находит свое воплощение в научных работах, анализирующих возникновение, основные этапы развития и сущность советского тоталитаризма. Однако цельных научных трудов по теме сопротивления диктатуре по сию пору еще нет.

В одном из учебных пособий Национально-Трудового Союза Нового Поколения по поводу сопротивления пишется: "Борьба с большевиками была и есть народная борьба. В ней приняли участие все партии — от крайне левых (анархистов) до крайне правых (монархистов-легитимистов), и все слои населения — от рабочих и крестьян до аристократов. На эту антикоммунистическую всенародную борьбу толкала сама власть: попранием всех прав, законов и морали, пренебрежением истинными нуждами страны и народа, насилием, террором и бьющей в глаза противоестественностью и бессмысленностью творимого... Ни на минуту эта борьба не прекращалась".¹ В данном конкретном случае предполагается описание и анализ крестьянской борьбы с бесче-

ловечной политикой раскулачивания-спецпереселения на Урале и в Н.-Тагильском регионе.

Осуществление политики коллективизации и ликвидации кулака было организовано партией как планомерные боевые действия, с привлечением не только всех карательных органов, пропагандистского аппарата в центре и на местах, советских учреждений, но также политкомиссаров и профессиональных военных. Знаменательна фраза руководителя штаба колхозного строительства в СССР Г.Н.Каминского о том, что работа по проведению коллективизации "будет почти фронтовая, потому что в Колхозцентре работаешь прямо как в ЧК".²

С началом массового раскулачивания в стране создавалась острая политическая ситуация. Первым актом сопротивления крестьян стал массовый забой скота: зимой 1929/30 гг. количество сельскохозяйственных животных в деревне уменьшилось значительно, чем в годы гражданской войны. В ряде районов страны крестьяне поднялись на восстания, которые усмиряла армия во главе с комбригами и командирами — героями гражданской войны. Теперь это была борьба с советским народом, а не с белогвардейцами и интервентами. К концу февраля 1930 г. обстановка накалилась до предела. В закрытом письме ЦК ВКП от 2 апреля 1930 г. подчеркивалось, что ситуация грозила вылиться в "широкую волну повстанческих крестьян".

Н. Тагил. Поселок Кокс. Поселок возник в 1930-е годы при строительстве Коксохимзавода.

ФОТО И. КОВЕРДЫ

Оркестр спецпереселенцев.

ФОТО ИЗ АРХИВА И. КОВЕРДЫ

яских выступлений", и "добрая половина наших "низовых" работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, было бы подорвано колхозное строительство и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение".³ Именно такое положение вызвало к жизни письмо Сталина "Головокружение от успехов", несколько сократившее административный произвол. Выбор перед крестьянами-единоличниками, однако, остался прежний: или колхоз, или разорение, или раскулачивание.

На первом этапе коллективизации (1927-1929 гг.) сопротивление крестьян было еще малозаметным явлением и выражалось в эпизодических актах недовольства. С эскалацией насилия в конце 1929-1930 гг. усилились и протесты, быстро прошедшие путь радикализации средств и методов борьбы: от отказов вступать в колхоз, антиколхозной агитации — к уничтожению скота, имущества, террору против партийных и советских функционеров, групповым вооруженным выступлениям. Примерами этой борьбы на Урале стали: бунты крестьян многих районов Уралобласти и избияния колхозных активистов; "коровий бунт" в пос. Крутойярский Каракульского района Троицкого округа в марте 1930 г., распространение в этом округе идеи переселенческого движения на Дальний Восток; появление антиколхозных, антисоветских прокламаций в селе Рутяжево Пермского округа; вооруженное выступление в селе Ашап Октябрьского района Прикамья в

мае 1930 г.⁴

ОГПУ тщательно разработало план выселения кулаков по Уралу, в том числе и в Тагильском округе, наметив эту акцию на февраль 1930 г. Властям казалось, что хорошо спланированная карательная операция не вызовет протеста и завершится в кратчайшие сроки. Однако инициаторы выселения просчитались. Насилие вызвало сопротивление. Главные события разыгрались 7-8 марта 1930 г. в д. Северной (40 км от Тагила) Нижнесалдинского района. Попытки доставить на сборный пункт в Салду три кулацкие семьи, главы которых были ранее арестованы, вызвали мощный протест всей деревни. Толпа крестьян встретила милиционеров криками: "Приехали грабители, забирают честных людей, не дадим своих в обиду!" и не дала увести выселяемых. Второй наряд милиции был встречен толпой в 300 человек. Раздавались возгласы: "Нет у нас кулаков, они нас кормили, не дадим выселять, уходите пока живы!". С той и другой стороны раздались выстрелы, и представители власти едва унесли ноги. Крестьяне выставили вооруженные посты и патрули, сельсовет был окружен; сидящих там партийцев и милиционеров не выпускали. В третий раз насильников выгнала толпа крестьян из 400 человек, собранная по звону колокола. Затем от райкома ВКП(б) и райисполкома к крестьянам д. Северной было послано обращение, где их действия расценивались как восстание против властей. Это смутило крестьян, и они прекратили организованное

сопротивление, после чего более полусотни сотрудников ОГПУ и коммунистов прибыли на место происшествия, арестовали 20 зачинщиков и вывезли семьи раскулаченных.⁵ В ходе следствия по делу о выступлении в д. Северной ОГПУ сделало вывод: "Руководящая головка беспорядков Степанов В.В., Шишкин Д.А., Шашкин П.А., Вязовик Е.Ф., Захарченко И.Г., Захарченко Г.В., Гасин А.П., Андросенко И.Т., Вязовик Ф.Ф., Карпенко И.И., Приходь Т.М., Катаев П.Т. и др. являются нашими учетниками, проходят как участники антисоветской группировки, ядро которой было оперировано, большая часть из них имеет уголовное прошлое, ряд судимостей".⁶ Такое заключение свидетельствует уже об определенной антисоветской традиции в деревне.

В докладной записке ПП ОГПУ по Уралу о политсостоянии Уралобласти за 1930 г. отмечались многие факты протестов крестьян, в том числе и в д. Деево Алапаевского района Тагильского округа, где сами выселяемые в разговоре с крестьянами заявляли: "Пусть нас раскулачивают, пусть все возьмут, ничего не жалко, только бы из родной деревни не выгнали".⁷

Сельские жители бежали от принудительной коллективизации и непосильных налогов. Яркий пример тому — судьба деревни Большие Галашки Тагильского округа. Здесь все население выступило против колхоза, часть семей бежала в Сибирь. В результате в этой деревне колхоз так и не был создан. Внешнее спокойствие выселенных крестьян в марте-апреле 1930 г., в связи с отсутствием хлеба, нечеловеческими условиями жизни и крайне низкими нормами снабжения сменилось разговорами о скором падении советской власти, о начале крестьянских восстаний на Дону, Кубани, призывами прекратить работу на лесозаготовках, строительстве поселков. Эти разговоры все чаще фиксировались осведомителями ОГПУ в связи с конкретными планами вооруженных восстаний. Индивидуальный протест выражался в побегах, которые в начале 1930 года еще не приобрели массового характера и пресекались окротделом ОГПУ; массовой подаче жалоб о неправильном раскулачивании, невыносимых условиях труда и быта; письмах на родину, которые подвергались перлюстрации. Документы ОГПУ сохранили описание массовых выступлений как против выселения, так и против исполнителей этих акций. Выселенное крестьянство не стало молчаливой жертвой жестокого эксперимента. Уже весной 1930

г. в спецпоселках все чаще раздаются призывы отказаться от постройки барakov и лесозаготовок. 31 марта 1930 г. в 17 квартале Марсятского лесничества при выходе на работу артели из 25 человек, Пищинский Яков, пользующийся авторитетом среди спецпереселенцев, призывал прекратить работу, не ходить на постройку барakov. Он говорил: "Нам бараки строить не нужно, потому что вместе с весной нас унесет голод. Ведь сейчас уже продуктов не выдают, а что после будет? Вы посмотрите как крестьяне начинают бастовать из-за того, что в коммунах гибнет их скот".⁸

Беспредел государственной жестокости вынуждал крестьян бунтовать. В районах кулацкой ссылки появились тысячи банд. Формировались повстанческие ячейки, "при которых существовали боевые бандгруппы из беглых кулаков" и других репрессированных. Действовали они на территории Пермского и других округов. Выступали под лозунгами: "За новый строй без коммунистов!", "За свободную торговлю!", "За вольный рынок!", "За несдачу хлеба государству и оставление его на местах!"⁹ В сентябре 1930 г. ликвидировали повстанческие организации численностью около 100 человек в районах Ирбитского, Нижнетагильского и Тюменского округов. Они состояли преимущественно из бежавших спецпереселенцев.¹⁰ Яркое свидетельство борьбы раскулаченного крестьянства — события на Туринских рудниках Надеждинского района весной 1930 г. Более 600 чел. выступили против попытки ОГПУ отправить временно размещенных на Туринских рудниках спецпереселенцев дальше в тайгу. Они добились освобождения арестованных и разгрузки эшелона, предъявив требования: "Дайте нам землю, хлеб. Живыми в лес не увезете!"¹¹

В период наиболее массовой ссылки (осень 1930-1931 гг.) и сопротивление крестьян становится массовым: в первой половине 1931 г. антисоветские проявления отмечены в 22,5% колхозов на Урале (около 35% — террористические действия против активистов, до 40% — "имущественный террор" — поджоги, порча имущества, скота и т.п.).¹² Сначала партийные, советские и карательные органы решили действовать по старинке, путем ужесточения наказаний раскулаченных и спецпереселенцев: арестов, штрафов, избиений, террора на работах, на улице и во время отдыха. Непременным атрибутом каждого спецпоселка стала "каталажка" — арестное помещение, по своим условиям сходное с пыточной камерой. Раскулачивание, ссылка и продолжающиеся издевательства в спецпоселках-концлагерях вызвали активное сопротивление спецпереселенцев. 20 апреля

1931 г. состоялось выступление спецпереселенцев Петропавловского леспромпхоза Надеждинского района. Именно здесь потерявшие человеческий облик бригады, десятники, коменданты и их помощники при полном одобрении секретаря райкома ВКП(б) Маслова устроили настоящий геноцид против переселенцев с Кубани под лозунгом: "Мы кубанцев всех уничтожим, живыми никто не вернется". В конце марта-начале апреля 1931 г. сюда привезли переселенцев западных областей (в основном из Смоленской и Брянской губерний), которые возмущались произволом и начали готовить выступление против своих мучителей. Это выступление и состоялось 20 апреля, охватив около 300 семей спецпереселенцев западных областей с участков Усть-Калье и Усть-Канда. Восставшие намеревались продвинуться по железной дороге до станции Сама и г. Надеждинска. Нашлись помощники среди железнодорожников. После неудачи первого выступления началась подготовка второго под лозунгом: "Если не удовлетворят продовольствием, то обязательно уйдем с мест поселения". Подготовка выступления велась в Денежкином и Марсятском УЛПХ. Всего по этому делу арестовали 53 поселенца. Опасность произошедшего события воздействовала на партийных и советских преступников в чиновничьих мундирах и наряду со спецпереселенцами арестовали 9 работников ЛПХ, 8 бригадиров, 4 десятников, 8 работников поселковых комендатур и 2 работников кооперации.¹³ В мае последовало постановление бюро обкома ВКП(б) о пересмотре руководящего состава комендантского управления на местах; некоторые

коменданты, десятники и бригадиры были арестованы.¹⁴ В июле 1931 г. принимается постановление ЦИК СССР о сроках ссылки кулаков. В нем говорилось о восстановлении в гражданских правах через пять лет после высылки, при условии прекращения борьбы против Советской власти, колхозов и честного, добросовестного труда.¹⁵

Докладные записки Тагильского горотделения ОГПУ о политсостоянии Тагильского района за 1931 г. свидетельствуют, что антисоветские, антиколхозные настроения были широко распространены как в рабочей, так и в крестьянской среде. Рабочие, недовольные нормами выработки, расценками, задержкой зарплаты и переборами в снабжении бросали работу и требовали расчета. Некоторые рабочие оценивали положение в деревне. Например, на ВМЗ один из них говорил: "Коллективизация это есть полнейшая разруха для сельского хозяйства, надо развивать единоличное хозяйство".¹⁶ Крестьяне бедняки и середняки, которых коснулась коллективизация, выражали свое недоумение и протест словами: "Как быть не знаю! Отбирают последнюю корову, семь человек и без молока, что делается, от кого исходит, понять нельзя, хозяйство приходится бросать, уезжать в Тагил работать", "Наше дело бедноты очень плохое, что мы будем делать, если не имеем посева, придется уходить на производство", "Раз нам хлеба и мяса не дают — сеять не надо". За январь-апрель 1931 г. в Тагильском районе по отрывочным данным ОГПУ на селе зарегистрировано 3 случая террора и 5 случаев угроз, отмечено усиление антисоветской агитации.¹⁷ В

На пороге барака спецпереселенцев.

ФОТО ИЗ АРХИВА И. КОВЕРДЫ

Спецпереселенцы-строители в барак.

ФОТО ИЗ АРХИВА И. КОВЕРДЫ

Лайском сельсовете один из раскулаченных говорил: "Людей, которые являются настоящими хлебоборами жмут до слез. Отбирают остатки, а лодырей колхозников поощряют, потому, что их власть". Другой, по характеристике ОГПУ — подкулачник, сказал: "Где колхозы имеются крестьяне ревут и бегут от них. В колхоз силой тянут, в них идут потому, что колхозникам первое место. Неколхозников скоро дожмут до слез".¹⁸

Тотальному обобществлению крестьянство противопоставило отрицание колхозной собственности. Однако четко сформулировать свои мысли безграмотным и малограмотным людям было сложно и на практике это отрицание выразилось в безразличии к общественной собственности, нерадивом к ней отношении и растущем воровстве зерна и других продуктов сельскохозяйственного производства. Хищения зерна были вызваны также инстинктом самосохранения людей в обстановке голода 1931, 1932, 1933 гг. В сводке ОГПУ отмечалось: "Хищение хлеба подчас принимает массовый организованный характер, причем происходит во всех стадиях производственного процесса, начиная с обрезания колосьев на полях и кончая транспортировкой на склады."¹⁹ В "Инструкции всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры", подписанной Сталиным и Молотовым 8 мая 1933 г. этот этап сопротивления крестьянства характеризуется следующим образом: "Дальнейшее сопротивление кулацких элементов, вредительство в колхозах и совхозах вскрытое в 1932 г., широко распространившиеся массовые

хищения колхозного и совхозного имущества..."²⁰ В 1932 г. ко всем другим актам протеста добавилось массовое бегство из спецпоселков, а также из колхозов, деревень и сел в город. По наблюдениям исследователей, в 1932 г. из колхозов Уральской области выбыло 35,4 тыс. крестьянских хозяйств.²¹ Все вышеозначенные формы протеста крестьян-раскулаченных сохранились до середины 1930-х гг. Новая волна крестьянского террора поднялась в 1932-33 гг. За июнь-сентябрь 1933 г. оперсводками зафиксировано по Уралобласти 42 убийства, 35 покушений, 21 отравление, действие многих банд.²²

Протест крестьян против политики раскулачивания и коллективизации, как хорошо видно из вышесказанного, носил поистине массовый, народный характер. Формы его были весьма разнообразны: устные и письменные заявления, саботаж и забастовки, бегство, развитие антигосударственной психологии и практики, систематическое нарушение антигуманных законов диктатуры, хищение государственного имущества, террор и вооруженная борьба. Понятно, что этот протест мог быть только стихийным и неорганизованным явлением в обстановке, когда уровень политического сознания и элементарной грамотности крестьян был необычайно низок, отсутствовали какие-либо политические партии, выражавшие их интересы, а сами жертвы оказались совершенно безоружны перед лицом вооруженной и жестко централизованной власти.

Тем не менее, это сопротивление оказало несомненное воздействие на Сталина и его окружение, заставило отказаться от голого

администрирования и несколько разнообразить арсенал методов и средств воздействия на крестьян и общество в целом. На начальном этапе раскулачивания-спецсылки преобладали прямые репрессивные методы и средства. Партия организовала широкую пропагандистскую кампанию под лозунгом "ликвидации кулачества как класса" и приветствовала физическое уничтожение крестьян. Крестьянство было разделено на категории, которые натравливали друг на друга. Используя ненависть люмпенизированной части деревни к зажиточным, умеющим хорошо трудиться и "за себя постоять" крестьянам, партийные пропагандисты породили обстановку второй гражданской войны. Результатом этой войны стало исчезновение основы сельскохозяйственного производства — крепкого единоличного хозяйства. А также вражда и злоба, посеянные как во взаимоотношениях односельчан, так и в отношении между городом и деревней. Власть использовала в войне с крестьянством сохранившиеся общинные традиции. В июне 1930 г. за подписью председателя Тагильского окрисполкома появился документ излагающий порядок организации контроля за оставшимися в деревне раскулаченными и другими неблагонадежными элементами. Всех раскулаченных разбивали на десятки (десятидворки) и назначали во главе их старосту, обязанного доносить обо всех антисоветских высказываниях и "преступлениях", совершенных во вверенной ему десятке. В документе резюмировалось: "Институт выделенных старшин надо максимально использовать для получения сведений о настроении десятков. Полученные сведения немедленно же направлять районному уполномоченному ОГПУ".²³ В постановлении бюро Уралобкома от 5 февраля 1930 г. рекомендовалось: "В отношении кулацких семейств..., учитывать возможность их расслоения с противопоставлением..., отдельных элементов молодежи, остальной части кулачества и возможность организации особого рода производственных артелей".²⁴ Артель была идеальной организационной формой для доносчиков и круговой поруки.

Постановление коллегии Наркомзема РСФСР от 1 апреля 1931 г. настаивало на том, что спецпоселки "должны находиться вне района сплошной коллективизации и по возможности между этими районами, чтобы последние оказывали идеологическое воздействие на население поселков..."²⁵ В Положении о спецпереселенцах от 31 марта 1931 г. утверждался принцип "групповой и индивидуальной поруки" спецпереселенцев "за точное выполнение существующих правил режима". Здесь же содержалось положение о штрафных командах, как форме наказания поселенцев.²⁶

ОГПУ позаботилось о четком разделении спецпереселенцев и вольнонаемных на производстве и 30 июня 1931 г. решение об этом приняла комиссия Андреева.²⁷ Спецпоселки строили как можно дальше от районных и иных центров. Хорошо известна изначальная установка кампании раскулачивания-спецпереселения — “не давать переселенцам обрести хозяйством”, чтобы навсегда оставить их рабами лес-промхозов.

Усиленное бегство переселенцев, систематические прогулы на производстве, саботаж, низкая квалификация труда и активное сопротивление вызвали подвижки в методах управления спецсылкой. Во второй половине 1931 г. был взят курс на отрыв детей спецпереселенцев и молодежи от родителей и создание на этой почве “нового” человека. Нужда в квалифицированных кадрах промышленности дала толчок новым формам организации труда — от артели к бригаде, к использованию социалистического соревнования и ударничества, к сдельно-премиальной оплате труда и к различным поощрениям за перевыполнение норм выработки.

“В спецпоселках в 1930-31 учебном году не было ни одной школы и ни одного учителя”, а учились только те дети из ссыльных, которые жили вместе с коренным населением. “К весне 1931 г. только 15,5% детей спецпереселенцев были “охвачены” школьным обучением”. Взрослым и молодежи предлагались в 1930-32 гг. лишь платные курсы ликбеза и “красные уголки”. На 1 марта 1932 г. из 31,4 тыс. неграмотных переселенцев, только 21,3% были охвачены ликбезом. Если весной 1931 г. для культурно-массовой работы среди молодежи действовали единичные избы-читальни и красные уголки, то к марту 1932 г. — работали 50 изб-читален, 277 красных уголков и 348 кружков (драматических, хоровых, музыкальных, безбожников, политических).

Через все это пропагандистское образование молодым спецпереселенцам вдалбливалась новая мораль, позволяющая считать своих родителей “врагами народа”. К марту 1932 г. всеобщим обучением (7-летним) уже было охвачено 82,2% детей спецпереселенцев в возрасте от 8 до 11 лет. Постоянным страхом для карательных органов было наличие большого количества учителей (на начало 1932 г. — 42,2%) из числа спецпереселенцев. Их срочно, путем мобилизации педкадров на Украине, Сев.Кавказе, Белоруссии, заменяли на вольнонаемных — “настоящих патриотов своей страны”. Для повышения квалификации кадров промышленности

переселенческую молодежь вовлекали в школы крестьянской молодежи, фабрично-заводские училища, школы ученичества массовых профессий. Желание учиться всячески поощрялось.²⁸

Одной из типичных была картина детского образования и воспитания в спецпоселках Н.Тагила. На 1 сентября 1931 г. общий контингент учащихся спецпереселенцев составил 2505 человек. “Из них русских — 1548, украинцев — 502, татар — 37, эстонцев — двое, мордвы — двое, немцев — 52”. Школьники ходили в лаптях и рваной одежде. В школах не было ни парт, ни классных досок. С переборами доставлялись вода и дрова, печи едва теплились. Направленные из УралОНО учителя сбегали с работы. А те педагоги, которые оставались, должны были свято выполнять директивы УралОНО и ОГПУ. Инструкции гласили: “Задача школы — оторвать детей от идеологического влияния семьи, разложить семью, воспитать ребенка в коммунистическом духе и развить в детях классовую ненависть к врагам советской власти (кулакам и т.д.)”. Учителей обязывали разоблачать родителей в глазах детей, показывая им “в ярких образах всю сущность исторически злейшего врага крестьянства (т.е. кулака), трудящихся масс, обнажить перед ними клыки этого матерого хищного волка-эксплуататора...”. Тех же “воспитателей душ”, которые не подчинялись инструкциям, предупреждали: “За обнаруженное дальнейшее оппортунистическое отношение к развертыванию этой работы лица будут немедленно привлекаться к строжайшей ответственности”.

За 1932-33 гг. в спецсылке значительно выросло число школ и культурно-массовых заведений, начали функционировать десятки детсадов и яслей, началось освобождение спецпереселенцев, зарекомендовавших себя лояльными безусловным подчинением властям и ударным трудом. После принятия 24 мая 1934 г. постановления ЦИК СССР “О порядке восстановления в гражданских правах бывших кулаков” резко расширилась практика восстановления избирательных и иных прав, возвращения спецпереселенцев на родину. Промышленность Урала получила тысячи квалифицированных рабочих из числа спецпереселенцев, которые работали не хуже, а иногда и лучше, чем вольнонаемные. Но, как уже говорилось ранее, социалистическое государство “отечески” держало руку на горле раскулаченных и после возвращения им гражданских прав Конституцией 1936 г. Действовали запреты на выдачу им паспортов и трудовых

книжек, ограничивались передвижение и смена работы. Всегда было вероятно возвращение практики репрессий, что и произошло в 1937 г., когда только в пределах Свердловской и Челябинской областей Урала было решено репрессировать 16 тысяч “бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов”. Пролетарская диктатура, чаще ударяя кнутом и лишь иногда одаривая пряником, сумела искалечить сотни тысяч крестьян, превратив их в покорных рабов. Значительная часть из детей спецпереселенцев поверила в мифы и двинулась по пути зла в тупик “развитого социализма”. Другим же пришлось скрыть свои истинные чувства и затаить их на долгие времена, подчиняясь силе и общему ослеплению.

Примечания

1. Ранние идейные поиски российских солидаристов. Посев-Москва, 1992. С.168
2. Плотников И.Е. О темпах и формах коллективизации на Урале // Отечественная история, 1994, N 3. С.78.
3. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932 гг. М., 1989. С.390.
4. Плотников И.Е. Указ. соч. // Отечественная история, 1994, N 3. С.87; Иванова М.А. Сопrotивление насильственной коллективизации // Тоталитаризм и личность..., С.91.
5. НТФ ГАСО. Ф.Р-21. Оп.1. Д.1219. Лл.65-67.
6. Там же. С.67.
7. Там же. С.60.
8. Там же. Л.140
9. Базаров А. Кулаки и Агрогосп. Челябинск, 1991. С.268.
10. Там же. С.269.
11. НТФ ГАСО. Ф.Р-21. Оп.1. Д.1219. Лл.178
12. Иванова М.А. Сопrotивление насильственной коллективизации. С.91.
13. Раскулаченные и спецпереселенцы на Урале (1930-1936 гг.). Сб. док. Екатеринбург, 1993. С.50-52.
14. Там же. С.25.
15. Там же. С.56,57.
16. НТФ ГАСО. Ф.Р-70. Оп.3. Д.22. Лл.45,46.
17. Там же. Лл.7,8,10.
18. Там же. Лл.10,11.
19. Иванова М.А. Указ. соч. С.92.
20. НТФ ГАСО. Ф.Р-70 Оп.3. Д.22. Л.58.
21. Иванова М.А. Указ. соч. С.92.
22. Там же.
23. НТФ ГАСО. Ф.Р-21. Оп.1. Д.1221. Лл.139-140, 141.
24. Раскулаченные..., С.32.
25. Там же. С.36.
26. Там же. С.40,41.
27. Плотников И.Е. Как ликвидировали кулачество на Урале. // Отечественная история, 1993. N 4. С.163.
28. Сапожников А.Г. К вопросу о размещении и жизни спецпереселенцев на Урале в начале 30-х гг. // История репрессий на Урале в годы советской власти. Екатеринбург, 1994. С.89; Раскулаченные ..., С.20,21.

ПСИХОТЮРЬМА — психиатрическая тюрьма-больница в ведении органов госбезопасности, где наряду с настоящими душевнобольными содержат также и психически нормальных, но инакомыслящих подследственных и осужденных (с 60-х гг.). По ходу очередных реорганизаций психотюрьмы находились в ведении Министерства обществ. порядка, МВД и КГБ.

Объявление инакомыслящих сумасшедшими — не советское изобретение: в 1836 г. инакомыслящий Чаадаев был "высочайшим повелением объявлен сумасшедшим", но не был водворен ни в тюрьму, ни в психбольницу. Большевики не сразу переняли царский подход к инакомыслию. Но раз переняв, существенно опередили царей, создавая широчайшую и все растущую сеть психотюрьм (с начала 60-х гг.) До этого душевнобольных заключенных направляли в спец. отделения общих психиатрических больниц. Бывали случаи симуляции заключенными псих. заболеваний, дабы облегчить свою участь, заменив лагерь на больницу. В первые годы сов. власти, неизлечимо больные заключенные, в том числе и сумасшедшие, передавались на попечение семьи, как в царское время, или помещались в инвалидные дома. С середины 30-х гг. это больше не применялось к политическим, а вскоре и к некоторым уголовникам-рецидивистам. Выявленных симулянтов наказывали водворением в штрафной изолятор (шизо), а с начала 40-х гг. стали судить как за "саботаж строительства социализма". К моменту смерти Сталина (1953 г.) большинство гигантских "строек социализма" было в основном завершено и десятки миллионов рабов больше были не нужны. Парт-

верхушка осудила "культ личности" Сталина; число направляемых в лагеря заметно сократилось, а инакомыслящих стали все чаще направлять в психотюрьмы. Следовательно, в новый УК (1960 г.) была введена особая глава (ст. 58-62) о мерах принудительного лечения, причем, первые три статьи касаются исключительно психических больных (в УК-24 принудительному лечению была посвящена одна ст. 24). 14 февраля 1967 г. дополнительно издается подробнейшая инструкция о принудительном лечении душевнобольных ("Бюллетень Верховного Суда СССР" N 4, стр. 37). К концу 70-х гг. в СССР имеется уже около сотни психотюрьм и число их постоянно растет. Кроме собственно психотюрьм во многих больницах Министерства здравоохранения имеются камеры в распоряжении органов госбезопасности или внутренних дел. Ниже приведены некоторые из наиболее известных психиатрических больниц, где содержатся психически здоровые, но инакомыслящие заключенные: *В Москве и Московской области — Институт Сербского, Новослободская, Матросская Тишина, Столбовая (около 20 тысяч больных, в том числе и настоящих). В Ленинграде и Ленинградской области — Скворцова-Степанова (ул. Лебедева), Кащенко и др.; прочие — Сычевка, Казань, Калинин, Черняховск, Алма-Ата, Липецк, Киев-Дарница, Ташкент, Великие Луки, Суханово, Запорожье, Челябинск, Уфа, Донецк, Благоевщенск, Каунас, Кишинев, Ивано-Франковск, Ашхабад и др.*

Жак РОССИ
СПРАВОЧНИК ПО ГУЛАГУ
Москва, "Просвет"

безуспешных попытках достичь такой цели.

В ноябре 1918 г. суд приговорил лидера партии эсеров Марию Спиридонову к одному году тюремного заключения. Союз между ее партией и большевиками распался, и к середине 1918 г. трения между обеими партиями усилились настолько, что большевики начали своих бывших союзников репрессировать.

Амнистированная и досрочно освобожденная Спиридонова объединила своих сторонников, пытаясь возродить партию. Она неустанно нападала на правительство за то, что оно, по ее мнению, действовало вопреки интересам народа. Усилия большевиков подорвать ее растущее влияние оказались безуспе-

Сидней БЛОХ
Питер РЭДДАУЭЙ

ДИАГНОЗ:
инакомыслие

OVERSEAS PUBLICATIONS
INTERCHANGE LTD.
LONDON 1981

шными. Меж тем она представляла собой крупную политическую силу, которую требовалось обезвредить во что бы то ни стало. Ее арестовали. Однако большевики стояли перед трудной проблемой: Спиридонова не совершила никакого преступления, для многих она была героем, новый процесс и приговор лишь способствовал бы усилению оппозиции. Московский Ревтрибунал нашел выход — отправить ее в санаторий. Как явствует из письма Спиридоновой, которое ей удалось переправить из тюрьмы, маневр этот не был для нее совершенным сюрпризом: "Я предчувствую, что большевики готовят мне какую-то пакость. Убить меня им несподручно, упечь меня надолго в тюрьму — тоже неловко... они меня объявят сумасшедшей и засадят в психиатрическую больницу или что-нибудь в таком роде... они хотят нанести мне моральный удар. Чтобы спасти положение они не гнушаются ничем..."

Вскоре ей пришлось выслушать решение трибунала: "Поскольку в вынесении приговора Трибунал не движим желанием мстить врагам революции и не намерен причинять Марии Спиридоновой излишнее страдание... Московский Революционный Трибунал постановил: отстранить Спиридонову сроком на один год от политической и общественной жизни и изолировать в санатории, где ей будет предоставлена возможность заниматься полезным физическим и умственным трудом".

Сидней БЛОХ
Питер РЭДДАУЭЙ

Диагноз: **инакомыслие**

Ранний советский период

Объявление инакомыслящих душевнобольными в первые годы революции было еще явлением редким. К этой мере прибегали, когда требовалось лишить политического влияния лиц, которые представлялись опасными для в то время еще неокрепшего большевистского государства. Вот два известных случая, которые говорят о

Избрав подобную тактику, власти вероятно вдохновлялись инцидентом происшедшем в 1836 году, когда Николай I вынес похожий приговор Чаадаеву. Как бы то ни было, налицо аналогичная попытка дискредитировать политического противника. Спиридонова, несомненно права в своей оценке решения Трибунала: помещение ее в санаторий могло способствовать этой цели.

Под предлогом физического и душевного недомогания ее отстранили от политической деятельности. На самом деле Спиридонова в санаторий так и не попала. Она оставалась под стражей в Кремле, в тяжелых физических и психических условиях, вплоть до своего побега в апреле 1919 года.

Второй пример неудачной попытки заключения в санаторий — Анжелика Балабанова. О ее «душевном заболевании» говорили только намеками. Влиятельная фигура, как в большевистской партии, так и в международном рабочем движении, она была знакома и тесно сотрудничала с рядом революционных деятелей, в том числе с Троцким и Лениным. В 1920 году Балабанова осудила некоторые ошибки, допущенные, по ее мнению, революционными вождями. Свое недовольство она высказала непосредственно Ленину. В то время над большевиками нависла большая опасность: белая армия наступала на Петроград, находилась под угрозой и Москва. В этой обстановке ЦК вынес решение направить Балабанову на лечение в санаторий.

«... Я была потрясена, получив официальное распоряжение уехать из Москвы в санаторий. Сперва я решила, что здесь какое-то недоразумение... особой заботы о своем здоровье я прежде не ощущала. После дальнейших расспросов я обнаружила, что это никакая не ошибка — Центральный Комитет хотел, чтобы я «отдохнула в санатории»... Но я не настолько больна или стара, чтобы уйти в отставку, — сказала я генеральному секретарю партии Крестинскому. Я чувствую себя в силах работать и хочу продолжать работать».

Когда Крестинскому стало ясно, что Балабанова не согласится с этим приказом, он решил другим способом удалить ее из центра политической жизни — направить

ее во главе агитпоезда в далекий Туркестан. Таким образом, сопротивление, оказанное Балабановой Центральному Комитету, вынудило его отказаться от маневра с санаторием.

Сталинский период

Информация о заключении или попытках заключения инакомыслящих в психиатрические больницы в сталинский период весьма скудна. Насколько можно судить, госпитализация стала входить в систему лишь к концу тридцатых годов. Опубликованные в «Американском Журнале Психиатрии» четыре письма психиатра, эмигрировавшего в Америку вскоре после Второй мировой войны, имя которого по понятным причинам не было оглашено, проливают яркий свет на этот период. Первое письмо появилось в 1970 году, когда на западе стали высказывать подозрения о возможном использовании психиатрии в Советском Союзе в политических целях.

Вышеупомянутый психиатр, родом из Восточной Польши, автоматически стал советским гражданином в 1939 году, когда Красная Армия оккупировала эту территорию. После нападения Гитлера на Советский Союз он бежал на Восток и поступил на работу в Казанскую психиатрическую больницу. По его словам, в этой больнице, насчитывавшей 400 коек и обслуживавшей всю страну, содержались исключительно «политические». Больница размещалась на территории обычной

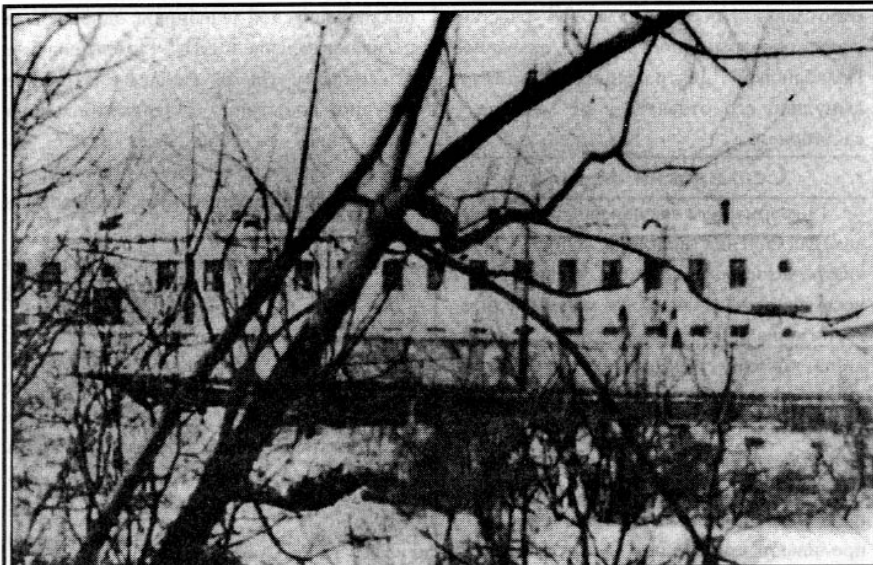
психиатрической лечебницы, однако была целиком в ведении НКВД. Подтверждение этой информации мы находим в «Хронике текущих событий». ² «Первая больница этого типа, — сообщается в ней, — создана была еще до войны в Казани и с тех времен там существует специальное отделение для политических».

Психиатр делит содержавшихся там «политических» на две группы. К первой относились люди, попавшие в психиатрическую больницу исключительно по политическим мотивам. Одним из таких «пациентов» был Ян Пилсудский, о котором этот психиатр узнал в 1941 году, когда «поступил на работу в Казанскую психиатрическую больницу. Пилсудского выписали из больницы буквально через несколько недель после подписания соглашения между Советским Союзом и польским правительством Сикорского (находившимся в изгнании в Лондоне) об обращении с политзаключенными поляками. Ян Пилсудский был совершенно здоров психически, и его принудительная госпитализация, так же, как и выписка из больницы мотивировались исключительно политическими соображениями.

Другой описанный психиатром случай связан с госпитализацией одного московского рабочего, который отказался пожертвовать свой месячный заработок на нужды войны — «добровольный» вклад, который правительство вымогало у всех трудящихся. Он заявил, что его зарплаты едва хватает на то, чтобы прокормиться. Поскольку он упорно отказывался внести эти деньги, его арестовали и отправили в тюрьму на Лубянке, где ему поставили диагноз — «шизофрения». Оттуда его перевели в Казанскую больницу, которая этот диагноз подтвердила. Наш психиатр считал «больного» психически нормальным человеком, но, вероятно, под давлением своих коллег согласился с их диагнозом. Поскольку больного обвиняли в контрреволюционной пропаганде, то подвергался опасности и врач, который стал бы оспаривать поставленный диагноз и сомневаться в необходимости госпитализации. К тому же, настаивая на вменяемости этого человека, психиатр боялся оказать ему медвежью услугу: в условиях более жесткого тюремного или лагерного режима он мог вообще

Институт судебной психиатрии им. Сербского.
ФОТОАРХИВ К. ЛЮБАРСКОГО

Казанская спецпсихбольница.

ФОТОАРХИВ К. ЛЮБАРСКОГО

погибнуть.

Ко второй группе политических заключенных относились люди, которые действительно страдали психическим заболеванием, но оно носило ярко выраженную политическую окраску. Так, например, один из шизофреников вообразил себя Троцким, другой полагал, что иудаизм грозит гибелью всему миру. Психиатр утверждает, что количество таких больных составляло большинство обитателей больницы, и лишь относительное меньшинство представляли психически здоровые люди, попавшие в больницу исключительно по политическим мотивам.

Первые и наиболее подробные сведения о том, как большинство политических попадают в Казань, мы получили от поэта Наума Коржавина. Он рассказал нам о своем знакомстве с Институтом судебной психиатрии им. Сербского. В 1948 году двадцатитрехлетний поэт, тогда еще убежденный сталинист, был арестован за написание «антисоветских» стихов и направлен на экспертизу в Институт им. Сербского. В те времена, как он вспоминает, это было относительно гуманное заведение, с доброжелательными сотрудниками, к числу которых он относит и начальника отделения для политических профессора Халецкого. Пребывание в институте было более или менее сносным по сравнению с тюрьмой: он читал, писал стихи, проходил курс трудотерапии; иного лечения ему не назначали. Его обследовали две комиссии. После первого обследования, которое было проведено комиссией, включавшей более десяти врачей и заседавшей в присутствии

следователя, его перевели в отделение для политических. Здесь, как ему показалось, врачи надеялись квалифицировать его как душевнобольного и, следовательно, не отвечающего за свои поступки, чтобы спасти его от концлагеря. Однако вторая комиссия нашла его психически здоровым, и он был отправлен в ссылку в Сибирь на несколько лет.

На основании своего опыта Коржавин считает, что помещение здоровых людей в психиатрические больницы мотивировалось скорее гуманными целями — во всяком случае, так было в 1948 году. Любопытно, что примерно в это же время такое гуманное отношение привлекло внимание властей. Комиссия, возглавляемая ветераном партии Р.С. Землячкой, обследовала институт и доложила, что они «создали санаторий» и предложила директору «закрутить гайки»: ввести более строгий режим и сократить число невменяемых среди обследуемых. Коржавин сообщает, что, по-видимому, для осуществления этого нового режима в отделение для политических назначили судебного психиатра Даниила Лунца. В последующих главах мы еще не раз встретимся с этим именем.

Убедительным примером политически мотивированного диагноза может служить дело Ильи Яркова (начало 50-ых годов), автобиография которого была издана самиздатом и попала на Запад.³ Илья Янков умер в 1970 году. Седьмая глава этой автобиографии, написанной, вероятно, в 1963 году, посвящена периоду 1951-1954 гг., на протяжении которого

автор перебивал в трех лечебных заведениях для душевнобольных — в Горьком, в Казани и в Чистополе.

В 1928 году 35-летний Янков, уроженец Куйбышева (тогда еще Самары), был задержан милицией, и осужден за «контрреволюционную деятельность». Двадцать лет спустя в 1948-м году — пишет Янков — власти решили создать новый крупный контингент политзаключенных, прибегнув к простому способу: арестовать всех, кто в двадцатые и тридцатые годы был осужден по политическим статьям и, отбывши срок, остался в живых.³ Янков попал в эту категорию. Он был вновь арестован в 1951 г. как представляющий опасность руководителем некоей тайной секты. Вскоре, однако, следователи обнаружили, что он всего-навсего писал биографию руководителя одной из сект начала века, исповедывавшей взгляды, близкие к толстовству. На допросах Янков не скрывал своего отрицательного отношения к тайной полиции как таковой. В своей книге он поясняет, что всегда был «идеологическим еретиком», но не противником советской системы в целом.

Никаких данных о совершении им преступления, такого, например, как пропаганда своих «антисоветских взглядов», обнаружить не удалось. Чтобы не признать, что он был арестован по ошибке, решили изменить тактику, и на основании того, что когда-то в прошлом он страдал от незначительного нервного недуга, его послали на обследование к психиатрам. Его обследовали в психиатрическом отделении Куйбышевского медицинского института. Тут Янков почувствовал явное давление властей, которым требовалось «во что бы то ни стало изобразить из меня душевнобольного». Один из психиатров задал ему вопрос: «Кого вы больше любите — Ленина или Сталина?» Поскольку на комиссии присутствовал следователь, то Янкову трудно было определить, где кончается следователь и где начинается врач-психиатр. Его, естественно, признали невменяемым.

За время своего трехлетнего пребывания в психиатрических больницах Янков убедился, что туда попадают лица, арестованные «по 58-ой статье (только по ней одной!), обвинение в отношении которых явно не удалось... Тут имеет место или ложный, ничем, в конечном счете, не подтвержденный донос, или отсутствие достаточного материала для поддержания обвинения». Чтобы читатель не упрекнул

его в наивности, Ярков далее поясняет: "Не следует забывать, что все же это был 1951-й, а не 1937-й год. Если в 1937-м году позволительно было широко применять различные внесудебные формы расправы, то в 1951-м году был необходим все же какой-то, пусть очень относительный и условный, минимум правовых гарантий". Отсюда — необходимость прибегнуть к помощи психиатрии. Ярков подчеркивает, какие широкие возможности она представляет органам безопасности: "Много ли в нашей стране в наши дни найдется людей с абсолютно неповрежденными нервами, без невроза, без того или иного "пунктика" или "бзика"? Пережитые десятилетия на каждого из нас наложили свой отпечаток... Особенно много помогла в этом отношении война 1941-1945".

За свои три года пребывания в этих учреждениях Ярков повстречал "большую массу людей безусловно умных, развитых, хорошо образованных, порой глубоко интеллигентных, как хотите, которых ни один уважающий себя врач в "гражданке" и не помыслил бы годами держать в больнице под предлогом, что они "психи". Да мало ли таких "психов" ходит ежедневно вокруг нас в обыденной жизни, занимая выдающиеся посты, обнаруживая незаурядную трудоспособность, занимаясь научной и литературной деятельностью. Никто же и не помышляет держать их в больнице, за тюремной решеткой. Не помышляет — до тех пор, пока они волею случая не попадут на орбиту или зону действия КГБ. Тогда все

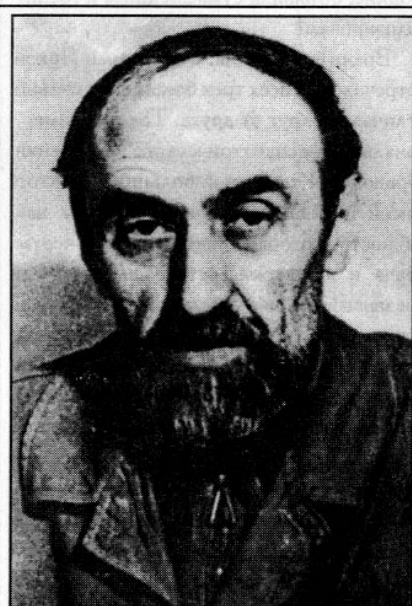
идет шиворот-навыворот".

Описание мнимых больных, которых Ярков встречал в этих заведениях, полностью применимо к известным инакомыслящим, оказавшимся в таком же положении двадцать лет спустя, — тем, о ком, в основном, ведется речь в нашей книге. Это были, "очень интересные, безусловно выдающиеся, оригинальные люди, вся вина которых сводилась к тому, что они — в нервно-психическом отношении — были более чутки, более нетерпимы ко всяким проявлениям социальной несправедливости, подлости и жестокости и реагировали на все это более болезненно, чем это обычно полагалось в быту".

По мнению Яркова, его товарищи по несчастью, составлявшие довольно значительное количество обитателей психолечебниц, по состоянию душевного здоровья ничуть не отличались от людей, находившихся на свободе. Большинство же людей были действительно больны, а один человек, с которым он сошелся в больнице, заболел, тяжело переживая разлуку с близкими и обиду на судьбу. В тех трех больницах, в которых перебивал Ярков, содержалось множество москвичей, прошедших экспертизу в Институте Сербского, латышских националистов из Риги и заключенных за религиозную деятельность поборников православия. Ярков дает живое описание своих друзей и знакомых. К ним относятся: художник Митрофанов, проведенный около двадцати лет в тюремных госпиталях и осужденный за то, что сражался на стороне

поляков во время вторжения Советского Союза в Польшу в 1920 году; биолог Кожевников, выступавший против беспощадной диктатуры Лысенко в биологии; известный писатель Марк Криницкий, которому было 78, когда Ярков с ним познакомился; один из немногих троцкистов, выживших после пребывания в Колымских лагерях, еврей по национальности, портной, Ханан Ляховицкий; шофер Федотов, все "преступление" которого состояло в том, что он возил Троцкого и других вождей начала революции; и, наконец, доктор Федор Стриженов, который лечил англичанина, впоследствии объявленного шпионом. По освобождении Стриженов вернулся к своей работе, затем, окруженный славой и почетом, вышел на пенсию.

Ярков также подружился с неким Джумабаевым из Казахстана, работавшим ранее в Министерстве финансов Казахской Республики. В начале 30-х годов он был обвинен в принадлежности к конспиративной антисоветской группе, занимающейся подрывной деятельностью против советского государства. Горячий и убежденный коммунист, Джумабаев к тому времени, когда Ярков с ним познакомился, провел в тюремных психиатрических госпиталях 19 лет и вполне смирился со своей судьбой. Партия, которая всегда права, решила, что Джумабаев сумасшедший и нуждается в лечении, следовательно так оно и есть. Хотя он и не признавал себя виновным в предъявленных ему преступлениях он считал своим партийным долгом подчиниться.

Жертвы психиатрических репрессий: Владимир БУКОВСКИЙ, Юрий ГАЛАНСКОВ, Владимир ГЕРШУНИ.

ФОТОАРХИВ "КАРТЫ"

Смоленская спецпсихбольница.

ФОТОАРХИВ К. ЛЮБАРСКОГО

Среди людей, с которыми сблизился Ярков, был и настоящий больной, с явными признаками мании преследования, некто Михаил Бурштейн. Это подтвердилось шесть лет спустя, в 1960 году, после того, как их обоих выписали из больницы: он получил от Бурштейна странное письмо, в котором тот объявил себя немцем. До госпитализации Бурштейн занимался исследованиями в области психиатрии, требовал большей свободы для продолжения своей научно-исследовательской работы, настаивал, в противном случае, на своем праве эмигрировать. Его тотчас арестовали, обвинили в измене Родине, объявили сумасшедшим и госпитализировали.

Врачи-психиатры, с которыми Ярков встречался во всех трех больницах, сильно отличались друг от друга. Так, например, начальник психиатрического отделения горьковской тюремной больницы, доктор Евсей Майданский описан автором как личность, которая сочетала в себе черты врача и жандарма, оставаясь при этом чрезвычайно приятным человеком. Другой психиатр той же больницы, доктор Надежда Великанова, была человеком порядочным и сердечным. Зато врач Казанской психиатрической больницы, доктор Елизавета Лаврицкая, уже немолодая женщина, отличалась жестокостью и любила унижать и наказывать пациентов. Ее излюбленным наказанием была так называемая «укрутка» или «камзол» (как называли ее во время Яркова): больного обматывали влажной парусиной, которая по мере высыхания все

больше сжималась, так что наказанному становилось все труднее дышать. Длительность этого наказания определялась характером «преступления».

Несмотря на то, что санитары являлись уголовными преступниками, отбывающими свой срок в тюремном госпитале вместо лагеря, Ярков в целом нашел персонал больницы вполне доброжелательным. Няни и санитары обычно обращались с заключенными хорошо, администраторы «старались проявлять мягкость, уступчивость, или, на худший случай, сдержанность». Ярков не получал никаких лечебных процедур, а летом и он, и его товарищи могли целый день гулять по больничному участку, беседуя друг с другом. Там процветала полная свобода слова, и некоторые «ругали Сталина целый день, с утра до вечера».

Примерно раз в полгода из Москвы наведывалась комиссия, обычно во главе с врачом из органов безопасности, часто в чине генерала.⁴ По мнению Яркова и его товарищей, решение о выписке пациентов из больницы предопределялось вынесенным в свое время секретным приговором, в котором указывался срок принудечения. «Все прочее — проформа». Это кажется нам вполне вероятным, поскольку Ярков нигде не упоминает о так называемом отречении, т.е. «признании» своей антисоветской деятельности результатом душевного заболевания и выражении благодарности врачам за «излечение». Ни комиссии, ни сотрудникам больницы не вменялось, по-видимому, в обязанность

рекомендовать подопечным такую линию поведения. Вскоре, как мы увидим, на них была возложена и эта задача.

Попытки реформ в послесталинские годы

Ярков еще находился в тюремной больнице, когда произошел позорный случай, известный как «Заговор врачей». В январе 1953 года Сергей Писарев, член партии с 1920 г., находившийся в течение многих лет на партийной работе, обратился к Сталину с письмом, в котором подверг критике органы безопасности за фабрикацию несуществующего «заговора», якобы имевшего целью отравить партийных вождей. Арест самого Писарева не заставил себя ждать. Первые семь недель заключения он провел в Институте им. Сербского, где его объявили невменяемым и отправили в психиатрическое отделение Бутырской тюремной больницы; четыре месяца спустя его перевели в Ленинградскую тюремную психиатрическую больницу, где он провел почти полтора года. В институте им. Сербского ему поставили диагноз — шизофрения; однако, как он впоследствии выяснил, психиатр Ленинградской больницы Калинин трижды писал в своем отчете, что он «здоров и за свои поступки вполне может отвечать».

Писарев продолжает: «... все три раза комиссия, послушная административно-следственным органам... хотя и не имела, в отличие от Калинина, обо мне никакого представления, с ним «не соглашалась». Все три раза начальник моего отделения (Калинин) записывал в акты свое особое мнение, вопрос обо мне оставался «открытым», и меня продолжали держать в заключении. Чтобы не компрометировать Институт им. Сербского, все три раза психиатрическая комиссия предлагала диагноз «шизофрения» заменить диагнозом «паранойальная психопатия». С целью опровергнуть и то и другое, мне, вместо того, чтобы выйти на свободу, пришлось, по собственному настоянию, провести в заточении, в стационаре НИИ психиатрии РСФСР им. Ганушкина, еще два с четвертью месяца (декабрь 1954 — февраль 1955 годов). Только после этого было, наконец, установлено, что не только шизофрении, но и никакой «паранойальной психопатии» у меня нет.

После своего освобождения в 1955 году Писарев поднял кампанию против злоупотреблений в психиатрии, направив основную критику в адрес Института им.

Сербского, в котором он усматривал корень зла. Он представил ЦК длинный список душевно здоровых дюдей, квалифицированных там невменяемыми и нуждающимися в принудительном лечении. Он перечислил имена многих ученых, писателей, художников и партийных работников, объявленных сумасшедшими и долгие годы прозябающих в больнице вместе с настоящими душевнобольными. ЦК направил в институт комиссию под председательством авторитетного партийного деятеля А.И. Кузнецова. В эту комиссию входили известные профессора-психиатры и директора крупных психиатрических лечебниц. Комиссия провела тщательное обследование Института им. Сербского и посетила психиатрические больницы в Казани и Ленинграде.

Однако добросовестный отчет комиссии так и не рассматривался ее инициаторами. В течение двух лет один ответственный работник скрывал этот отчет от ЦК, после чего благополучно отправил его в архив. Несмотря на этот случай, Писарев все же отмечает кое-какие перемены в режиме обеих больниц — казанской и ленинградской. Условия как для действительно больных, так и для политических, сделались более сносными, а штат психиатров пополнившийся за счет молодых врачей, стал чаще оспаривать неправильные диагнозы, поставленные в Институте им. Сербского.

В 1970 году Писарев возобновил свою

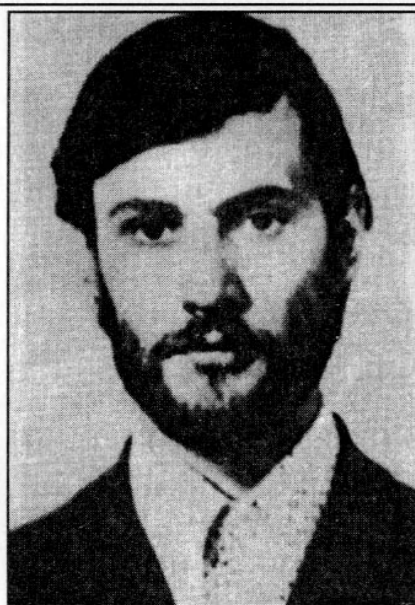
кампанию, направив в Академию медицинских наук письмо с подробным описанием своих собственных злоключений, которые ему пришлось пережить в психолечебнице семнадцать лет назад. И в этом обращении он сосредоточил свои обвинения на непосредственном источнике своих бед — Институте им. Сербского.

“... безысходно-частые ошибки и заключения Института психиатрической экспертизы им. Сербского заставляют просить вашего внимания. Причины ошибок — в том, что это чисто медицинское учреждение фактически, а спецстационары для его “клиентов”, используемые, в первую очередь (а в недавнем — преимущественно), для политических заключенных, — даже формально, находятся вне постоянного контроля и руководства органов здравоохранения.(...) Все представленные мною данные (в 1955 г.) проверкой были полностью подтверждены... Под видом приговоренных к бессрочной изоляции “душевнобольных” Комиссия обнаружила сотни совершенно здоровых людей. Она констатировала систематические неправильности в заключениях, даваемых Институтом, в частности, — по вине Д.Р. Лунца (в то время — доцента) и ряда других лиц. Было документально установлено, что по вине обследованного экспертного института, советские психиатрические больницы в стране — больше всего обе пресловутые спецтюрьмы для политзаключенных в Казани и в Ленинграде — из года в год укомплектовывались, как

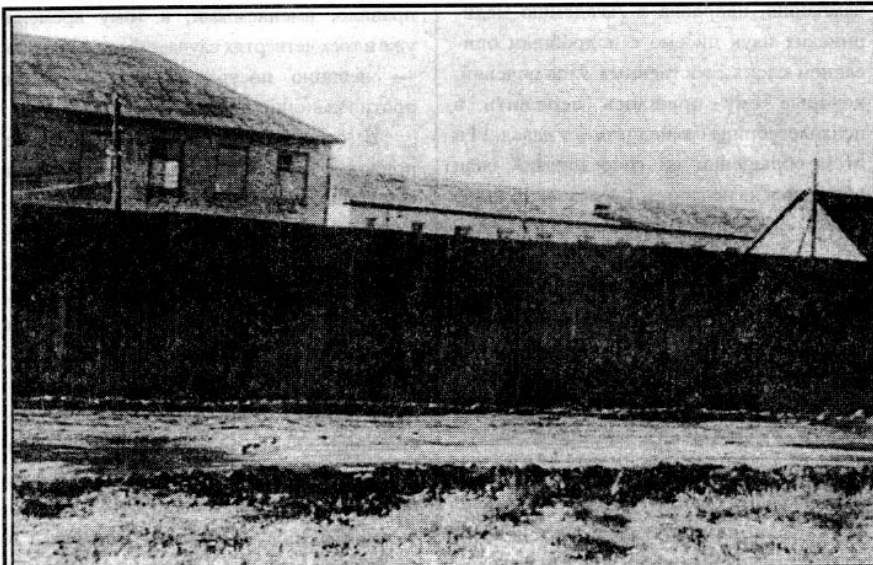
правило, вменяемыми; к тому времени уже в трех четвертях случаев было признано — невинно пострадавшими жертвами противозаконных репрессий.

В своем послании Писарев также приводит некоторые даты, касающиеся тюремных психиатрических больниц. Использовать их в качестве тюрем для политических заключенных начал еще А. Вышинский, подчиненный Николая Ежова, возглавлявшего органы безопасности в 1936-38 гг. С той поры тюремные психиатрические больницы (переименованные впоследствии в психиатрические больницы специального типа) остались в ведении Министерства внутренних дел, которому подчинены также милиция, тюрьмы и лагеря. Комиссия предлагала в качестве одной из мер для улучшения работы казанской и ленинградской больниц перевести их “полностью в ведение Министерства здравоохранения СССР” и, таким образом, избавить от влияния органов безопасности и тюремных властей.

Писарев, однако, далее замечает, что: “... несомненным усугублением констатированного Комиссией ЦК КПСС ненормального положения и пугающим свидетельством роста незаконных политических репрессий при содействии Института им. Сербского является, — вместо полной ликвидации обоих спецстационаров вне общей системы психиатрических учреждений Минздрава, — появление в последние годы еще новых, подобных же, в других городах.

Жертвы психиатрических репрессий: Леонид ПЛЮЩ, Вячеслав ИГРУНОВ, Наталья ГОРБАНЕВСКАЯ.
ФОТОАРХИВ “КАРТЫ”

Сычевская спецпсихбольница.

ФОТОАРХИВ К. ЛЮБАРСКОГО

Что касается Института им. Сербского, официально функционирующего под эгидой Министерства здравоохранения, никаких реальных перемен там, как сообщает Писарев, так и не произошло. Психиатры, деятельность которых была осуждена в отчете комиссии, так и остались в институте, и никто из них не был привлечен к ответственности: "Институт услужливо использует наукообразные формулировки, как ширму для недобросовестных должностных лиц следственно-прокурорских органов". Иначе говоря, Писарев утверждал, что медицинский персонал Института им. Сербского так и

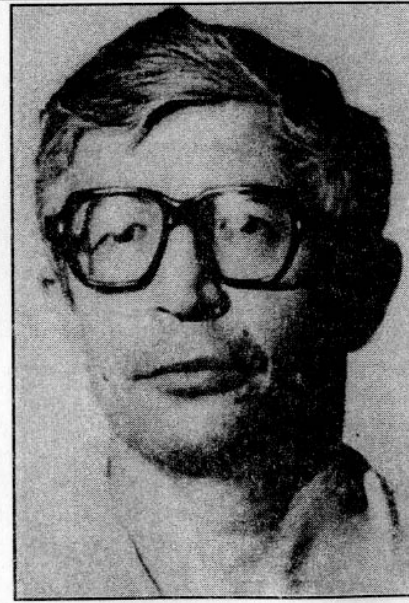
остался в подчинении МВД.

"Радикальное устранение, — заключает он свое письмо, — этих вредных ненормальностей возможно только при условии передачи всех спецстационаров целиком в ведение органов здравоохранения с обеспечением как для них, так, в особенности, для экспертного института, непосредственного, постоянного и исключительно бдительного контроля и руководства Министерства здравоохранения СССР с участием в этом контроле всей нашей медицинской общественности".

Несмотря на кампанию, начатую Писаревым и работу комиссии в 1955-56 гг.,

практика госпитализации инакомыслящих, не страдающих душевными заболеваниями, продолжается. Немаловажным фактором здесь следует считать косвенную поддержку, оказанную Хрущевым. Партийный вождь стремился убедить общественное мнение как в стране, так и за рубежом, в том, что его режим не имеет ничего общего со сталинским, и что политических заключенных не стало. Так, в "Правде" от 24 мая 1959 года помещено его высказывание, в котором всякое отклонение от общепринятых норм поведения практически приравнивается к душевной болезни: "Преступление — это отклонение от общепринятых норм поведения в обществе, нередко вызываемое расстройством психики человека. Могут быть заболевания, психические расстройства в коммунистическом обществе среди отдельных людей? Видимо, могут быть. Если это будет, то могут быть и проступки, которые свойственны людям с ненормальной психикой... Тем, кто на подобном "основании" стал бы призывать к борьбе с коммунизмом, можно сказать, что и сейчас есть люди, которые борются с коммунизмом... но у таких людей, видимо, явно не в норме психическое состояние".

Вопиющим примером антигуманного использования психиатрии может служить история Николая Самсонова. В то самое время, когда отчет комиссии был благополучно засунут под сукно, Самсонова посадили в Ленинградскую спецбольницу. Подробная информация о нем была

Жертвы психиатрических репрессий: Илья РИПС, Михаил КУКОБАКА, Юрий ШИХАНОВИЧ.

ФОТОАРХИВ "КАРТЫ"

помещена в некрологе, появившемся вскоре после его смерти в 1971 году в "Хронике текущих событий". Самсонов родился в 1906 году в Петербурге. По окончании Ленинградского университета в 1929 году, он успешно работал в области геофизики, занимаясь научными исследованиями, и на протяжении 25 лет сделал множество публикаций. Его вклад в советскую геофизику получил признание, о чем свидетельствует ряд правительственных наград, в том числе сталинская премия.

В 1956 году Самсонов представил в ЦК трактат под заглавием "Мысли вслух", в котором рассматривался вопрос о создании бюрократической элиты и искажении ленинских принципов; Самсонов призывал возродить эти принципы. Вскоре после отправки этого документа, Самсонова арестовали, предъявив ему обвинение в антисоветской деятельности. В процессе следствия его подвергли психиатрической экспертизе. Комиссия, возглавляемая профессором Торубаровым из Института им. Сербского, нашла Самсонова душевнобольным и не отвечающим за свои поступки. Суд принял заключение комиссии и постановил перевести его в Ленинградскую тюремную психиатрическую больницу, где он и пробыл до сентября 1964 года. Среди инакомыслящих, подвергшихся столь длительной госпитализации, его случай особенно хорошо документирован.

По данным "Хроники", психиатры больницы считали Самсонова здоровым (точно так же, как тремя годами ранее доктор Калинин — Писарева). Однако они советовали ему признать свой еретический трактат плодом больного воображения. Такое признание, говорили они, "свидетельствовало бы о его выздоровлении". После того, как Самсонов на протяжении двух лет упорно отказывался признать, что был болен во время написания им "Мыслей вслух", ему пригрозили инъекциями аминазина.⁵ Но и эта угроза не поколебала Самсонова. Только в 1964 году, после того как ему действительно стали вводить аминазин и когда общее состояние его здоровья ухудшилось, Самсонов подписал заявление, в котором признавал, что был в то время душевно болен. По выходе из больницы ему была назначена пенсия и вплоть до своей смерти в 1971 году он работал в Научно-исследовательском институте геофизики по два месяца в год.

В ленинградской СПБ Самсонов подружился с Федором Шульцем. В 1919

г., девятнадцатилетним юношей Шульц вступил в коммунистическую партию. Восемнадцатю годами позже он был арестован за критику Сталина и два последующих десятилетия провел в тюрьмах и ссылке. После его реабилитации в 1956 году, ему назначили специальную пенсию, как награду за особые заслуги перед государством в молодые годы. Однако не прошло и полугода с момента его реабилитации, как он снова оказался за решеткой — за письмо в "Правду", в котором он оспаривал заявление Хрущева, будто в Советском Союзе не существует более политзаключенных. В своем письме он привел известные ему примеры, в том числе — эсерки Преображенской, которая несмотря на свои сто шесть лет, томилась в тюрьме.

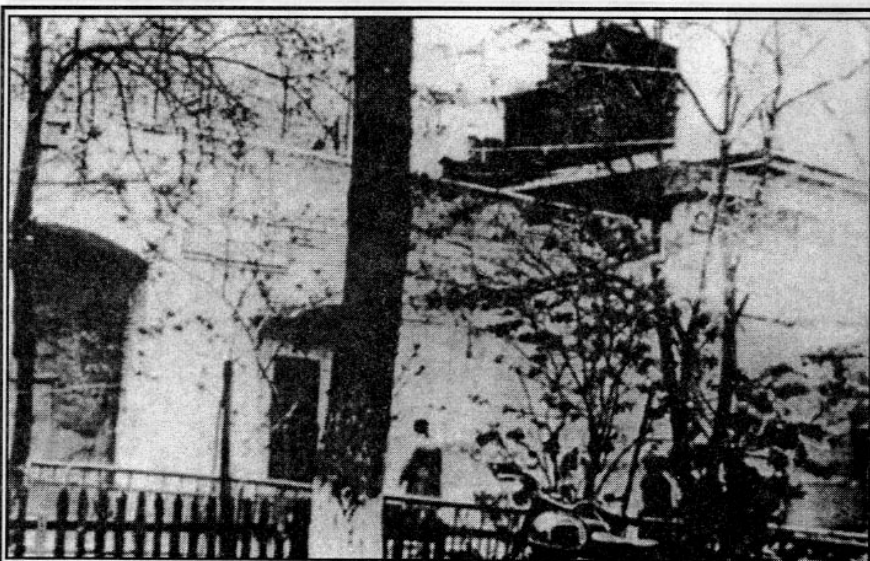
Комиссия, возглавляемая профессором Лунцем, признала Шульца невменяемым. Как сообщается в отчете, появившемся в самиздате, основным материалом, который изучали психиатры, было его письмо в "Правду" и донесение о его поведении в различных лагерях сталинского периода, где он постоянно выступал с протестами. Шульц провел в больнице немногим более года, и причины, почему его так быстро освободили — под опеку жены — нам не известны. Он тотчас стал добиваться своего оправдания и освобождения своих товарищей по больнице, в частности Самсонова. Вскоре с него была снята опека, и в 1960 году он был восстановлен в партии. А в 1964 году постановлением Верховного Совета СССР все выставленные ранее обвинения про-

тив него были отменены, как лишённые основания. О дальнейшей его судьбе известно, что в 1971 году он проживал в Волгограде, получал пенсию и был окружен почётом. Шульц входил в число восьми свидетелей, которых Буковский просил вызвать в суд (в январе 1972 г.) для подтверждения приведенных им фактов о ленинградской СПБ. Суд в просьбе отказал, мотивируя это тем, что Шульц якобы душевнобольной.

Ни в одном из перечисленных нами четырех случаев — Яркова, Писарева, Шульца и Самсонова — не было никакой общественной реакции ни в Советском Союзе, ни за его пределами покуда они находились в психиатрических больницах. Надо полагать, что описанные нами случаи не единичны, и что число советских граждан, обвиненных в политических преступлениях, признанных невменяемыми и госпитализированных на неопределенный срок, — довольно велико (как велико это число — можно только догадываться). И только два таких случая в самом начале шестидесятых годов привлекли некоторое внимание на Западе — случай Александра Вольпина и ленинградского художника Михаила Нарицы.

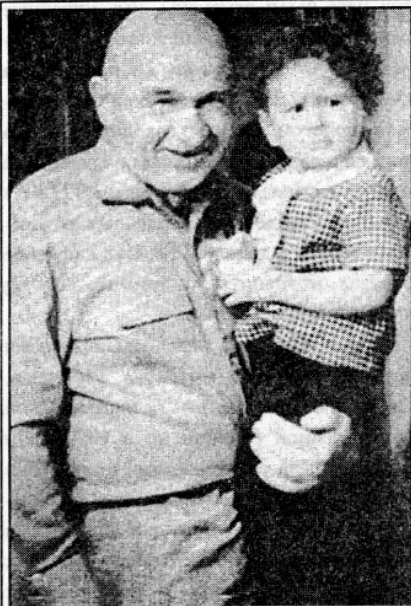
Дело Тарсиса: мир впервые узнает об использовании психиатрии в СССР против инакомыслящих

Мысль о том, что в Советском Союзе психиатрия возможно используется в политических целях, возникла на Западе в 1965 году, когда в Англии вышел перевод книги Валерия Тарсиса "Палата № 7". Ее автор

Днепропетровская спецпсихбольница.

ФОТОАРХИВ К. ЛЮБАРСКОГО

Жертвы психиатрических репрессий: Петр ГРИГОРЕНКО, Виктор ФАЙНБЕРГ.

ФОТОАРХИВ "КАРТЫ"

сам провел некоторое время в больнице им. Кащенко.

“Палата № 7” — это автобиография, написанная в жанре романа. В ней говорится о судьбе писателя Валентина Алмазова (Тарсис), которого запирают в психиатрическую больницу за написание и распространение антисоветской литературы. Сам Тарсис родился в Киеве в 1906 году и закончил университет в Ростове-на-Дону в 1929 году. После окончания университета он писал и делал переводы. Будучи молодым человеком, он вступил в партию, но уже в 30-е годы разочаровался.

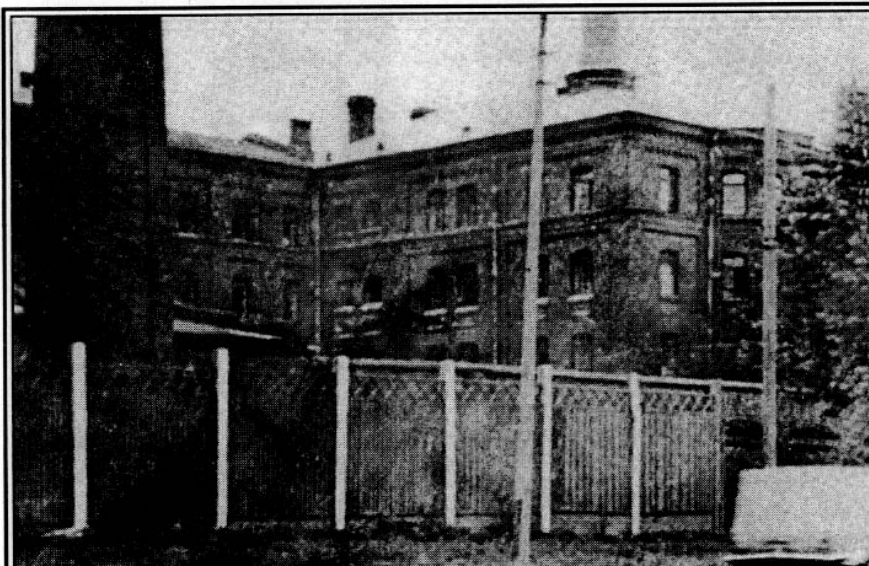
В 1960 году он окончательно порвал с партией и, не надеясь когда-либо вновь публиковать свои произведения в Советском Союзе, начал посылать их на Запад. “Палата № 7” — ужасающая история нормальных людей, попавших в психиатрические лечебницы. В автобиографическом романе иногда трудно отделить факты от художественного вымысла, но материал подается через восприятие Алмазова весьма последовательно и полно. Читателю ясно, что в 1962-63 годах в Кащенко содержалось значительное количество людей, которые попали туда исклю-

чительно за политические убеждения.

Вскоре после публикации “Палаты № 7” внимание западной общественности привлек второй случай антигуманного использования психиатрии, который вызвал широкую волну протеста. О принудительной госпитализации Евгения Белова стало известно случайно. В 1964 году четыре английских студента посетили Советский Союз. Агентство “Интурист” предоставило им переводчика — студента Белова. Молодые люди в своих многочисленных беседах затрагивали политические темы. По словам англичан, Белов из всех сил стремился убедить их в том, что коммунизм — наилучшая форма государственного управления. У гостей сложилось впечатление, что среди товарищей Белов считается образцовым коммунистом. По возвращении на родину студенты вступили с ним в переписку. На следующее лето они снова приехали в Москву и встретились с Беловым. На этот раз он либо в корне изменил свои взгляды, либо просто решил высказать их более откровенно. По мнению Белова, партийный аппарат обюрократился и служит только интересам правящей верхушки; всякое инакомыслие душит и подавляется. Он хочет большей свободы прессы и радиовещания, большей самостоятельности профсоюзов; по его мнению, этого можно достичь конституционными средствами. Когда он поделился своими соображениями с парторганизацией, его немедленно исключили из партии и потребовали, чтобы он явился в МК партии. Белов отказался: он заранее знал, что не встретит там непредвзятого мнения. Он написал Косыгину и Брежневу, но не получил от них ответа. Наконец, он направил свои предложения о реформах в посольства некоторых коммунистических стран, находящиеся в Москве.

Английские студенты, после короткой остановки в Москве, поехали в Токио, где провели оставшуюся часть каникул. Обратный путь их лежал через Москву, где, как они договорились, их должен был встретить Белов. На аэродроме Белова не оказалось. Дома его также не было. Соседи сообщили, что его объявили сумасшедшим и отправили в психиатрическую больницу. Весть эта затем подтвердилась и из другого источника: Московский Институт иностранных языков, студентом которого был Белов, был извещен о его госпитализации.

Английские студенты обратились к

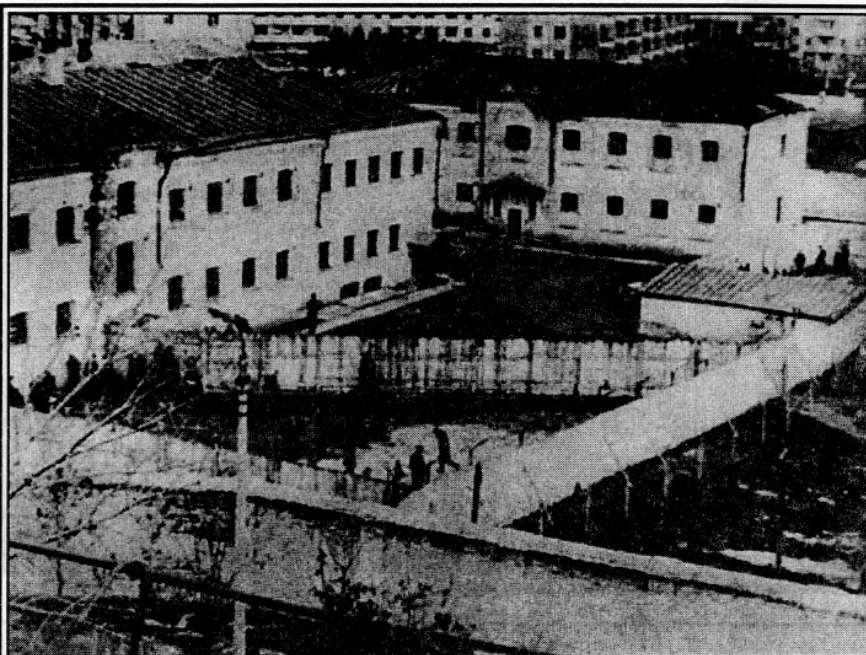
Ленинградская спецпсихбольница.

ФОТОАРХИВ К. ЛЮБАРСКОГО

советским руководителям с письмом, в котором они подробно сообщили об этих фактах, и выразили свою уверенность в том, что Белов находился в полном рассудке всего несколько недель назад, когда они расстались с ним. Заканчивая свое письмо, они говорят о том, что Белова подвергают репрессиям за политические взгляды, и совесть предписывает им бороться за его освобождение. Борьба начинается не на шутку. Под эгидой Международной Амнистии⁶ студенты открывают кампанию. Они надеются пробудить общественность, обращаясь к разным слоям населения в Советском Союзе. Британская общественность их поддерживает с воодушевлением. Однако еще остается какое-то сомнение — точно ли могут студенты знать, что Белов не является душевнобольным? Студенты отвечают, что ни на секунду не допускают, чтобы он был помешан. Международная Амнистия заявляет во всеуслышание, что решила поддержать студентов, так как советские власти так и не ответили на их упорные запросы по поводу Тарсиса и Вольпина. Амнистия отныне полагает, что все три случая госпитализации политически мотивированы.

Вскоре после того, как пресса широко осветила случай Белова, в одну из британских газет поступило письмо от отца Белова, утверждавшего, что сын его в самом деле болен. Он отрицал, что Евгений был госпитализирован принудительно, и что его исключили из партии. «И сейчас, в больнице — писал его отец — Евгений постоянно строит планы реорганизации мира». Отец Белова просил прекратить «недостойную шумиху, поднятую вокруг имени моего сына». Одновременно он утверждал, что англичане воспользовались горем, постигшим его семью, дабы поднять антисоветскую кампанию. Одновременно в «Известиях» эти протесты были названы «грязным мыльным пузырем, пущенным с британских островов» и «очередным антисоветским дельцем». «Случай Жени Белова сфабрикован антисоветской газетой «Гардиан» и группой английских студентов, действующих по наущению Международной Амнистии». Это была первая из многочисленных контратак советской прессы в ответ на западную критику.

После временного затишья кампания в Англии возобновилась. Письмо отца Белова вызвало скептическую реакцию. Знающие люди выражали сомнение в том, что оно было написано добровольно. Комитет в

Орловская спецпсихбольница.

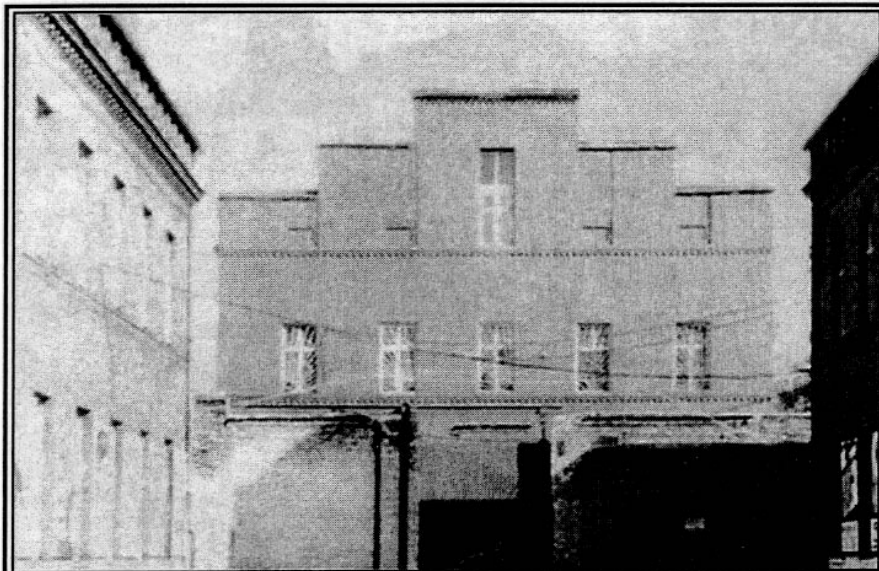
ФОТОАРХИВ К. ЛЮБАРСКОГО

защиту Евгения Белова признавал, что у него нет убедительных доказательств, что Белов в самом деле здоров, но вместе с тем указывал на то, что если бы он был действительно болен, советские власти давно бы согласились, в ответ на просьбу комитета, чтобы Белова обследовал зарубежный психиатр. К тому же, это был не первый случай. Комитет также упомянул дело Тарсиса и Вольпина, как доказательство того, что психиатрия используется в политических целях.

Александр Вольпин был госпитализирован в психиатрических больницах пять раз на протяжении девятнадцати лет (50-60-е годы). О своих злоключениях он рассказал в показаниях, которые дал в 1972 году Правовому комитету Сената США. В сентябре 1975 г. один из авторов этой книги (С.Б.) довольно долго беседовал с Вольпиным в Бостоне (где он в настоящее время преподает математику); в ходе беседы были затронуты вопросы, касающиеся жизни Вольпина в Советском Союзе, применения психиатрии против него самого, и было одновременно произведено неофициальное обследование его психического состояния.⁷

Сын известного русского поэта Сергея Есенина, Александр Вольпин родился в 1924 году. Через три года по окончании МГУ в 1946 году, он успешно защитил кандидатскую диссертацию по математической логике и вскоре после этого был впервые арестован за написание и чте-

ние своих стихов, которые были оценены властями как антисоветские. После допросов на Лубянке его направили в Институт им. Сербского, где он был признан психически больным и не отвечающим за свои поступки. На основании заключений Института им. Сербского суд направил Вольпина в Ленинградскую СПБ, где он провел весь следующий год. В хрущевский период он был трижды принудительно госпитализирован: в 1957 году — три недели в психиатрической больнице общего типа в Москве, в 1959/60 г. — год в Ленинградской спецбольнице, в 1962/63 г. — еще 4 месяца в больнице общего типа. В двух случаях госпитализация в спецбольницы была проведена в соответствии с уголовным кодексом — предъявлено обвинение по политической статье, проведена психиатрическая экспертиза, и вынесено решение суда о неспособности больного отвечать за свои поступки, а следовательно о необходимости принудительного лечения. Впрочем, в трех случаях административной госпитализации (в отличие от судебной) политический фактор также играл первостепенную роль. Вольпин подробно разъяснил причины каждой госпитализации: «Однажды — за совет, данный французенке — не принимать советского гражданства; второй раз — за то, что не донес на знакомого, который якобы был замешан в антигосударственной деятельности, и третий раз — за отказ осудить публикацию в Америке «Весен-

Черняховская спецпсихбольница.

ФОТОАРХИВ К. ЛЮБАРСКОГО

него листа", а также за мое утверждение о праве каждого человека на свободу выезда".

Госпитализация Вольпина в 1968 г. иллюстрирует административный способ госпитализации инакомыслящих. Приглашенный на научную конференцию в США, Вольпин подал заявление о выездной визе, после чего милиция насильственно увезла его из дома на психиатрическое обследование. Это было вызвано якобы тем, что он долгое время не являлся в диспансер, где состоял на учете после выписки из больницы в 1963 году. Впрочем, за все прошедшие четыре года его туда ни разу не вызывали. Внезапность, с которой Вольпина привезли на обследование, без всякого заявления с его стороны, либо со стороны его родных, вызвала подозрение относительно истинных мотивов властей. Вольпин выяснил, что диагноз, вынесенный во время его предыдущих госпитализаций, был, как правило, — "простая форма шизофрении". Хотя диагнозы не были совершенно тождественны, три элемента в них присутствовали неизменно: у него находили "нарушения психики", заболевание его объявлялось "неизлечимым", а периоды между приступами болезни — "временными ремиссиями". Несмотря на эти клинические выводы, Вольпин ни разу не подвергался серьезному лечению. В 1960 году ему давали небольшие дозы резерпина — медикамента, который применяли в то время в качестве транквилизатора. В другой раз психиатр, который по мнению Вольпина относился к нему сочувственно, помог ему

избежать лечения галоперидолом — очень сильным транквилизатором, часто используемым при лечении некоторых тяжелых психических заболеваний. В Ленинградской СПБ он был лишен всех основных прав, ему не было разрешено пользоваться письменными принадлежностями и он постоянно ощущал угрозу долгих лет пустоты и изоляции. Ему сказали, что выписка его зависит от его согласия признать, что он совершил "проступок", нуждался в этом лечении и что он впредь обещает изменить свое поведение. Вольпин считал, что психиатры просто шантажировали его, когда говорили: "если не будете вести себя правильно, вы останетесь здесь навсегда".

Может показаться странным, что такой умный и искушенный человек как Вольпин не извлек урока из всего, что с ним произошло, и не избрал наиболее разумную в его ситуации линию поведения: держать себя в рамках, предписанных властями. Вот как Вольпин объясняет свой отказ от такой линии поведения: "В своей научной деятельности я открыто и последовательно исхожу из принципа — долой инстинкт самосохранения и чувство меры, — и пусть за это делают со мной, что хотят. Мне безразлично, сумасшествие это, или нет. (...) О своей психиатрической репутации я не стал бы заботиться, если бы твердо знал, что меня вновь не потащут за публичное выражение этого антиадаптационного принципа. (...) Я не против способностей самосохранения и понимания соразмерности, но предпочитаю, чтобы это было делом свободного разума, а не

инстинкта или чувств, на которые всегда можно воздействовать".

Договариваясь с американским издателем о публикации своей книги "Весенний лист", состоящей из цикла стихотворений и философского трактата, он полностью отдавал себе отчет в том, что ставит себя под удар. Леонид Ильичев, ведавший тогда вопросами идеологии и культуры, очевидно не давал распоряжения заключить Вольпина в психбольницу за эту, как считали, антисоветскую публикацию, но он конечно, знал о его госпитализации. Через год после публикации книги он ссылался на нее для устрашения других потенциальных диссидентов, называя "Весенний лист" "антисоветскими человеконенавистническими виршами" и "бредом сумасшедшего". Вольпин не согласился осудить публикацию своей книги, и его в 1962 году госпитализировали.

1 Через это казанское заведение прошли многие известные диссиденты нашего времени, среди них Виктор Кузнецов и Наталия Горбаневская.

2 Главный орган движения за права человека в Советском Союзе, "Хроника", с самого ее основания в апреле 1968 года доставляет точную объективную информацию о нарушениях прав человека в Советском Союзе. Сам акт ее появления в 1968 году, объявленном Международным Годом Прав Человека, не случаен. К этому времени инакомыслящие были достаточно организованы, чтобы выпускать журнал, поставивший себе целью информировать читателя о "новостях, связанных с движением в защиту прав человека". "Хроника" документирует эти события, стараясь сводить редакционный комментарий до минимума: в ней фиксируются аресты, судебные процессы и внесудебные преследования инакомыслящих, а также данные об условиях содержания заключенных в тюрьмах и лагерях, выступления национальных и религиозных групп, и сообщается о публикациях, выходящих в самиздате. "Хроника" как правило выходит каждые два-три месяца, однако в ее публикации, в результате давления со стороны властей, был более, чем годичный перерыв (с конца 1972 по май 1974 г.). Каждый выпуск, попадая на Запад, переводился на английский, а с 16-го выпуска их стала также публиковать Международная Амнистия. Благодаря точной и добросовестной подаче материала "Хроникой", мы смогли получить первые сведения об использовании психиатрии в политических целях в достаточно внушительном объеме. Так, в первых одиннадцати выпусках отмечено 27 случаев помещения диссидентов в психиатрические больницы. Оттуда же мы почерпнули сведения о характере этих больниц, в особенности

Казанской и Ленинградской, а также о методах лечения, в них принятых.

3 Среди ставших известными "политических" (помимо упомянутых Ярковым), фигурирует коммунист Михаил Шульман, отправленный в Казань в 1937 году как оппозиционер и эмигрировавший в Израиль в 1973-м ("Хроника" 42); бывший президент Эстонии Константин Пятс, содержавшийся в Казани с 1941-го по 1956 год ("Казнимые сумасшествием", Франкфурт, 1971, стр. 479); ленинградский математик Револьт Пименов, госпитализированный в 1949 году ("Хроника" 15); а также работники культуры и политические деятели, перечисленные С. Писаревым ("Сэрвей" 1970, № 77).

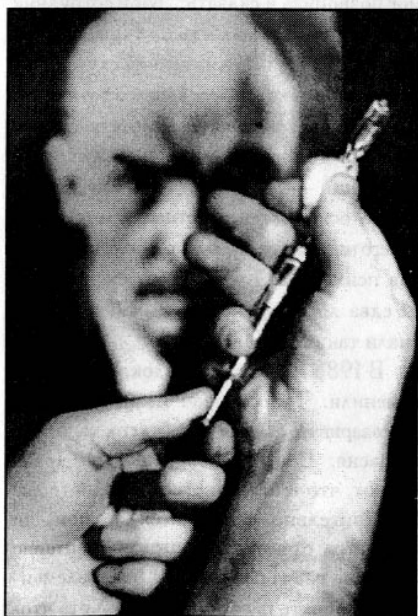
4 Столь свободный подход был, по-видимому, отменен в середине 50-х годов, когда все члены комиссии формально считались гражданскими лицами, сотрудниками Института им. Сербского, в свою очередь якобы подчиненного Министерству здравоохранения, а на самом деле контролируемого МВД.

5 Аминазин — транквилизатор, широко применяемый в психиатрической практике при лечении некоторых тяжелых душевных болезней.

6 Международная Амнистия — независимая организация, основанная в 1961 году с целью оказывать помощь всем, кто подвергается репрессиям за свои взгляды, безотносительно к той или иной политической конъюнктуре. В 1977 г. ей была присуждена Нобелевская Премия Мира.

7 Я был поражен живостью и нравственной силой Вольпина; его полной открытостью и безусловной искренностью; он вспоминает ряд весьма неприятных эпизодов без видимой горечи, проявляя острое чувство юмора. Никаких сомнений его душевное здоровье не вызывает. Нет также оснований предполагать, что он перенес какое-либо психическое заболевание в прошлом. (С.Б.)

Лондон

1989 год: Письмо в Комитет социальной защиты

Я, Шрамко Светлана Ивановна, 1940 г. рождения, украинка, образование среднее, беспартийная, имею дочь 1978 г. рождения, проживаю по адресу: г. Рязань, ул. Гоголя, дом 23, комната 15 (общежитие).

Родилась я на Украине. В 1959 г. приехала в г. Рязань, где поступила работать на Комбинат химического волокна (КХВ) лаборантом, затем работала контролером, жила в общежитии. Проработав 16 лет, я получила профзаболевание — интоксикацию сероуглеродом.

КХВ выпускает вискозу и является вредным производством. После 7,5 лет работы на нем работник имеет право выйти на пенсию при достижении 45-летнего возраста. Комбинат был построен без надлежащих очистных сооружений. Ежегодно тонны сероуглерода и сероводорода выбрасываются в атмосферу. Поселок "Строитель", в котором жила я и многие рабочие КХВ, был построен в нарушение всех существующих норм, в 1,5 км от трех заводов: КХВ, картонно-рубероидного (откуда ручейком тек фенол) и нефтеперегонного. В результате интоксикации у многих людей развивались заболевания сердечно-сосудистой и нервной системы, крови, печени, хронический бронхит (от вискозы), экзема. Люди не доживали до своей пенсии — до 45 лет.

Санитарно-эпидемиологические службы скрывали неблагоприятную обстановку жизни и труда рабочих, отчитывались, что все (почти) в норме.

Получив профзаболевание, я, по совету врачей, хотела уйти с КХВ, но потребовала дать мне квартиру, которую за 16 лет заработала своим трудом. Ни квартиры, ни компенсации за профзаболевание мне не дали. Возмущенная этим, я перестала выходить на работу и была уволена за прогул.

Осознав, что против меня и тысячи других было совершено преступление, я добилась приема в ЦК КПСС и написала в Кремль. Ответ был такой: "...никакого поселка "Строитель" нет. Есть несколько домов, жителей которых переселяют к 1980 г.". Кстати, поселок стоит и еще разросся.

Я написала и отправила в адрес ООН сообщение о КХВ, о поселке "Строитель", о преступлении против людей. Очевидно, мои письма были перехвачены, началась за мной слежка работниками КГБ. 28.07.74 г. меня схватили и насильно отправили в психбольницу г. Рязани, где, продержав, поставили диагноз "паранойальное развитие личности". Характеризуя мое "ненормальное" поведение, врачи писали: "...Была возмущена порядками..., требовала немедленной очистки воздуха от сероуглерода..., ходила по разным инстанциям, писала жалобы..., продолжала пи-

сать жалобы в Верховный Совет, в ООН, искала встречи с иностранными журналистами..., пыталась попасть в иностранные посольства, чтобы принять подданство и уехать за границу... из страны, где много несправедливости... Читает Конституцию СССР, философскую литературу, юридическую...". И, как заключение: "...Поведение антисоциальное... Состоит на учете как социально-опасная..."

Психиатры совместно с работниками КГБ решали мою судьбу. Не уговорив меня покинуть город, они трудоустроили меня на Рязанский опытный электромеханический завод (РОЭЗ) — ученицей монтажницы и дали комнату в общежитии на меня и ребенка площадью 11 кв. м. Снова работа с вредными условиями труда: в цеху холодно и сыро; пайка свинцом и оловом без вытяжки (отсутствовала вытяжная вентиляция); зарплата, в среднем, 80 рублей в месяц.

В общежитии возник конфликт, — я встала на защиту беременной женщины, которую оставили без жилья. Конфликт был прямо связан со злоупотреблениями коменданта общежития. Дело дошло до суда. Чтобы я не могла стать свидетелем на этом суде, меня упрятали в психбольницу.

В 1985 г. мне назначили пенсию в размере 65 руб., но начисление почему-то производили из тарифных ставок легкой промышленности, а не химической, действующих на КХВ. При такой пенсии мне приходится работать уборщицей, сторожем...

В общежитии под руководством работников КГБ и администрации против меня периодически развязывали кампанию травли. В результате спровоцированных конфликтов (6.05.85 и 26.02.87 гг.) меня бросали в психбольницу.

15.01.89 г. комендант и несколько жильцов общежития ворвались ко мне в комнату и стали выбрасывать мои вещи в коридор. Ни милиция, ни прокурор, к которым я обращалась, меня не защитили. Тогда я, не дожидаясь конца погрома, взяла дочь и уехала в Москву...

Обращаясь в Комитет социальной защиты, прошу помочь мне в решении следующих вопросов:

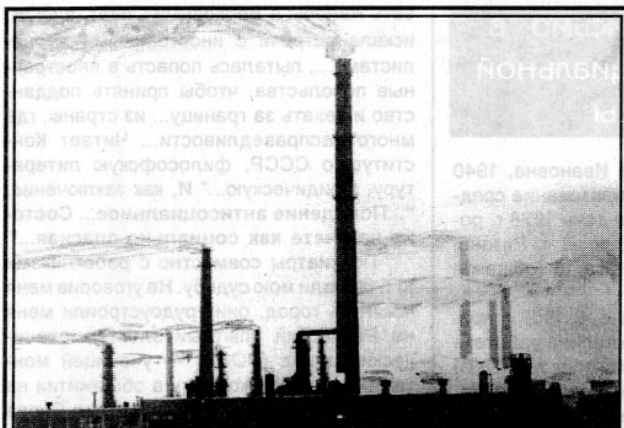
1. Получить квартиру и компенсацию в связи с профзаболеванием.

2. Добиться психиатрической реабилитации и прекращения преследований. Прошу также довести до сведения широкой общественности экологическую обстановку и условия работы на предприятиях г. Рязани.

С.И. ШРАМКО.

1974 год: Письмо в "Нью-Йорк Таймс"

Я очень взволнован сообщением, полученным нашим московским корреспондентом от рязанской жительницы Светланы Шрамко, о том, что она была схваче-

Рязанский комбинат химического волокна
ФОТО С. РОМАНОВА

на в психиатрическую больницу за то, что пожаловалась на отравление окружающего воздуха Рязанским комбинатом искусственного волокна. Попасть под насильственное психиатрическое лечение за защиту окружающей среды? — западному читателю это может показаться невероятным, дурным вымыслом. А между тем все именно так, до подробностей, иначе и не может быть в советской провинции: советская провинция живет на 20 лет позади того, что достигнуто инакомыслящими в главных центрах, — непроницаемая железная кора тайны охватывает все, что происходит в глубине Союза, и ни один факт, и ни один голос не должен вырваться наружу.

Комбинат искусственного волокна был сооружен при мне в пригороде Рязани без промышленной целесообразности, без близкого сырья и энергии, одним волевым решением бывшего 1-го секретаря обкома КПСС Алексея Ларионова, его желанием быстро искусственно увеличить площадь и население маленькой Рязани до крупного промышленного центра и так возвысить свое значение в иерархии КПСС. Он соорудил несколько подобных заводов, затем совершил прославленный "рывок по мясу" — утроил производство мяса в один год, перерезав весь скот, и, разоблаченный, покончил самоубийством.

При таком хозяйственно неоправданном и спешном строительстве надо было на чем-то экономить — и, конечно, в первую очередь, на очистных сооружениях. Комбинат стал постоянным отравителем окружающей местности, вызывая болезни соседних жителей, а когда дует юго-западный ветер, — то отравленные отходы ползут полосой через всю Рязань, в воздухе появляется отравно-сладкий привкус, закрываются все окна и форточки.

Но надо знать глухую безнадежную обстановку советской провинции: то, что решено даже местным начальством, не может быть поколеблено, оспорено населением, невозможно возразить в печати, а всякие жалобы вверх вернутся ударом по голове тому, кто жалуется. Возражать

так опасно, что благоразумнее переносить все лишения, мучения и отраву, но молчать, — меньше потерь. Все население стынет в покорности и страхе. В этом болоте страха Светлана Шрамко вспыхнула искрою смелости, она пожаловалась не только в ЦК КПСС, но послала и копию в ООН — по советской почте, разумеется, то есть просто в КГБ.

За это она и была схвачена в психбольницу в конце июня — и могла бы не выйти от-

туда никогда, и никто бы ничего не узнал. Но она нашла в себе способность бороться: сперва убедить своих мучителей в покорности, они освободили ее 1 августа под обещание никогда больше не делать попыток международной огласки, — и в этих же днях сумела прорваться (вероятно, из Москвы) телефонным звонком к вашему корреспонденту. Такой звонок, самый обычный в западных условиях, для рядового советского провинциала является самоубийственным. Светлана Шрамко этим звонком пожертвовала своей жизнью — и ведь не ради себя, не ради своих близких, но заботясь о сотнях тысяч людей вокруг и о нашей общей с вами Земле.

Не знаю, что с ней сегодня, скорее всего она уже снова схвачена, и ее убивают "лекарствами". Я призываю: не забудем, не дадим забыть эту отважную самоотверженную женщину! Не, дадим ей забыть — и, значит, не дадим ей погибнуть: советское правительство тогда ответит мировой общественности за ее жизнь!

А. СОЛЖЕНИЦЫН.

Ольга СУББОТИНА Путевка в "С.О."

"...заявляет, что будет бороться за правду. ... Больная антисоветски настроена к политике нашего правительства. ... Будет писать во все инстанции вплоть до ООН и президента США. ... "Мои московские друзья мне помогут". ... Написала о злоупотреблениях руководства завода, организует группировки. ... Читает Конституцию СССР, философскую литературу, юридическую. ... Если меня положат в РПБ (рязанская психиатрическая больница — ред.), уеду за границу. ... Поведение у больной антисоциальное. ... Больная

на учете как социально-опасная.

Диагноз: психопатия паранойяльного круга, декомпенсация.

Цель направления: в связи с избирательной кампанией..."

Здравствуй, я Светлана Шрамко. Вы искали меня?

Мы немного растерялись. Та самая Светлана Шрамко с трагичной и загадочной судьбой, о которой писала заморская газета и которую разыскивает "Рязанский вестник" стояла на пороге редакции и улыбалась. Мы включили магнитофон и приготовились слушать. Мы волновались. Она снова улыбнулась.

— Что же вам рассказать?

— Расскажите, как Вы жили эти годы, после 1974-го.

Мы слушали рассказ о ее жизни, удивлялись, ужасались, иногда недоверчиво переспрашивали... Самое страшное в этом рассказе — его обыденность.

Вот направление на госпитализацию, написанное, заметьте, врачом. Попробуйте понять из него: почему социально опасна (С.О.) эта женщина?

Потому что пишет жалобы в ООН?

Или потому что написала о злоупотреблениях руководства завода?

А, может быть, дело в том, что она читает Конституцию СССР и философскую литературу?

Для советской психиатрии все это, оказывается, симптомы психического заболевания. А вы знаете, читатель, что до недавнего времени любой из нас мог элементарно просто попасть в число психических больных, ибо любой начальник мог позвонить и сказать: "Мой сотрудник чего-то чудит малость... Приезжайте, доктор, побеседуйте на всякий случай". И доктор приезжал, и беседовал, а вот то, что он писал в заключении, зачастую было предопределено звонком и разговором: начальник — "доктор". (Пусть не примут это за оскорбление честные врачи. Ведь ничего нового я не сказала: термин "карательная психиатрия" — увы — существует. И едва ли в рязанской психбольнице не знали таких случаев).

В 1988 году этот порядок, слава богу, отменили. Теперь врач не имеет права разговаривать с пациентом без его, пациента, согласия. Вроде бы хорошо, но врачи сетуют, что теперь многие люди, которые действительно нуждаются в помощи психиатра, от нее уклоняются, элементарно "послав" врача подальше. Опять элементарно, и опять плохо. Господи! Хотя что-

Светлана Ивановна ШРАМКО.
1990 г. Рязань.

ФОТО С. РОМАНОВА

нибудь в этом сумасшедшем доме может быть нормально?!

— Светлана Ивановна, сколько раз Вы “лежали” в психбольнице?

— Всего семь раз. Первый — в 1974-ом, а последний — в 1987-ом.

— Когда Вас забирали в психбольницу, где была ваша дочь?

— Первый раз Соня была совсем еще маленькой. Это было в 1982 году. Нас взяли в Москве. Соню выхватили у меня из рук... Это у них обычный прием: напугать, ошарашить. Соня кричала. Я сказала: подождите, я сама ее уговорю. И стала уговаривать: “Сонечка, мама заболела, поедет сейчас в больницу и скоро вернется к тебе”. Она немного успокоилась. Меня повезли в больницу, а Соню — в городской детский распределитель. Потом стали оформлять в Солотчинский детский дом.

— А Вы в это время знали, где она, что с ней?

— Сначала нет, а потом одна медсестра узнала и сказала мне.

— Как же Вы все это выдержали?

— Вы знаете, я по своему опыту поняла, что им сопротивляться и протестовать нельзя — будет только хуже, будет совсем плохо. Поэтому я терпела. А каких трудов мне стоило вытащить ее потом из детдома!

В другой раз меня забрали дома. Соню на это время уехали в детскую больницу N 1, потом решили оформлять в детдом, но не успели, — меня в тот раз быстро выпустили.

— У Вас не возникало желания

плюнуть на все и уехать к родным на Украину?

— Возникало... Когда мама была еще жива, она писала: ты приезжай, оставайся у нас. Я говорила: нет, я здесь заработала квартиру, скоро должна получить. А когда все это со мной случилось, родные снова звали меня к себе. Но у них там на маленькую квартирку очень много народу. У братьев свои семьи... Я решила, что не имею права забирать у них хоть клочок жилплощади.

— А сейчас Вы живете в общежитии?

— Нет. Там я не могу жить из-за конфликта с комендантом. Я работаю ночным сторожем. В той же комнате, где дежурю, ставлю раскладушку и ночую.

— Как раскладушку? А Соня?

— Соня сейчас живет в детском санатории.

— Живет?!

— Ну да, добрые люди ее там приютили. Вы знаете, там очень хорошие врачи и просто хорошие люди. Сонечке там хорошо, хоть и скучает, конечно, без мамы. Но у нее слабые легкие, в городе ей тяжело.

— Но ведь долго так жить невозможно: мама — на раскладушке, дочка — у добрых людей. Как Вы представляете дальнейшую судьбу свою и Сонину?

— Я надеюсь, что Комитет социальной защиты, депутат Молотков помогут получить то, что мне положено. Ведь я проработала 16 лет на комбинате химического волокна, где и получила профзаболевание. Это дает мне право на внеочередное получение квартиры.

Н. В. Молотков, народный депутат СССР:

— “Светлана Ивановна Шрамко обратилась ко мне в прошлом году. По ее просьбе я послал в прокуратуру СССР депутатский запрос. Получил ответ, в котором сказано, что по факту ее увольнения с КХВ нарушений закона не обнаружено. Я считаю, что сейчас ей нужно собрать документы обо всем, что касается ее прав на жилье, в связи с работой на КХВ и профзаболеванием; провести их юридическую экспертизу, и, если она покажет состоятельность этих документов с точки зрения наших законов, добиваться, чтобы Светлане Ивановне дали квартиру. Я, как депутат, обещаю помочь, чем смогу...”

Я пишу и заставляю себя быть предельно краткой. Не потому, что мало материала (рассказа о жизни Светланы Шрамко

хватило бы на десяток статей), а потому что боюсь неосторожным словом причинить ей вред, ибо ее положение в этой жизни крайне шатко. Я боюсь: вдруг директор предприятия запретит ей ночевать в комнате, где она дежурит? Вдруг какой-нибудь начальник из облздрави (или откуда-нибудь еще) накажет врачей из санатория и Соне придется оттуда уехать? А вдруг, узнав, что история Светланы Шрамко снова получила международную огласку, КГБ прикажет психиатрам, и те... Нет, об этом я боюсь даже думать.

Прошу вас, читатель, понять меня правильно. Я не берусь определять, больна или здорова была Светлана Шрамко в 1974 году, и кто прав сейчас: официальная психиатрия, или Независимая психиатрическая Ассоциация СССР им. В. Бехтерева, признавшая ее в июле 1989 психически здоровой. Но я знаю точно: комбинат химического волокна действительно отравляет воздух не только в поселке Строитель, но и во всем городе; желание передать письмо послу другой страны — не повод для госпитализации в психбольницу; а чтение Конституции — не симптом психического заболевания.

P.S.

Эта статья была опубликована в независимой газете “Рязанский Вестник” в 1990 году. С тех пор в жизни Светланы Шрамко многое изменилось. Квартиру, заработанную на вредном производстве, она так и не получила. Отчаявшись добиться справедливости в Рязани, поехала в Москву, там встретила с сотрудником Солженицынского Фонда Еленой Санниковой и несколько лет жила вместе с Соей у нее. Ленины дочери звали Светлану бабушкой. Соня выросла и поступила в техникум, ей дали место в общежитии. Светлана Ивановна устроилась работать в это общежитие комендантом и тоже получила “койку”.

Скоро Соня закончит техникум...

Рязань

Рязанская областная психиатрическая больница		201
ПУТЕВКА		
В рязанскую психиатрическую больницу		
направляется больной (ая) Шрамко		
Фамилия, имя, отчество Светлана Ивановна		
Год рождения 1940		
Район Рязань		
город село	улица Гоголя	
дом № 23		кв. 15
Место работы больного (ой)		

Хроника текущих событий. 1968–1978. Валентин Турчин.

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСК 7

Новости Самиздата...

В.Ф. ТУРЧИН. Письмо главному редактору "Литературной газеты" А. ЧАКОВСКОМУ. Отклик на редакционную статью "Литературной газеты" о СОЛЖЕНИЦЫНЕ. **ВАЛЕНТИН ТУРЧИН** обвиняет газету в том, что статья под видом критики предлагает клевету и фальсификацию, в то время как "критикуемые" романы СОЛЖЕНИЦЫНА не напечатаны и неизвестны широкой публике, а сам он лишен возможности выступить в печати и опровергнуть клевету. ТУРЧИН, который до тех пор иногда печатался в "Литературной газете", отказывается от всякого сотрудничества с ней, отказывается подписываться на нее и покупать ее. Письмо, написанное 28 июня 1968 г., только недавно попало в Самиздат.

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСК 13

Новости Самиздата...

А.Д. САХАРОВ, **В.Ф. ТУРЧИН**, Р.А. МЕДВЕДЕВ. Письмо руководителям партии и правительства от 19 марта 1970 г.

Ученый с мировым именем, "отец водородной бомбы", академик А.Д. САХАРОВ, ученый-физик **В.Ф. ТУРЧИН**, автор известной в Самиздате брошюры "Инерция страха", и историк Р.А. МЕДВЕДЕВ, автор крупного исследования "Перед судом истории", обратились Л.И. БРЕЖНЕВУ, А.Н. КОСЫГИНУ и Н.В. ПОДГОРНОМУ с письмом, в котором излагают свою точку зрения на внутрисоюзную и международную ситуацию.

Центральной мыслью письма является идея глубокой демократизации общественной жизни в нашей стране.

Демократизация есть принципиальное, узловое решение назревших экономических и политических проблем. Она должна способствовать укреплению советского социалистического строя, сохранить и упрочить руководящую роль партии во всех областях жизни общества.

Демократизация должна проводиться постепенно, но глубоко, последовательно и на основе научно разработанной программы.

Авторы письма констатируют опасное возрастающее отставание нашего технико-экономического развития от современного мирового уровня по многим важнейшим показателям...

Источник нашего отставания, по мнению авторов, находится вне экономической сферы, не социалистическом строе, а в том, что как раз враждебно социализму, — в антидемократических традициях и нормах общественной жизни.

сложившихся в сталинский период и окончательно не ликвидированных и по сей день...

Ход хозяйственной реформы 1965 года доказал невозможность чисто экономических мероприятиями решить экономические проблемы. Признать научный метод в управлении необходимостью означает признавать широкую свободу индивидуального и коллективного творчества, свободу обмена информацией, широкую гласность.

Непрерывно возрастающая роль интеллигенции в развитии индустриального государства требует большей свободы информации и творчества, как жизненно необходимых условий интеллектуального труда, иначе неизбежен серьезный разрыв между интеллигенцией и партийно-государственным строем — разрыв, который "нельзя охарактеризовать иначе как самоубийственный".

Авторы констатируют, что признаки подобного разрыва налицо /преследования по политическим мотивам, политические процессы и т.д./. Авторы письма полагают важнейшим результатом демократизации раскрепощение творческих сил интеллигенции и народа. Во имя этого можно пойти на известные трудности, которые вызовет процесс демократизации, но иного пути не существует, кроме безнадёжного отставания и скатывания до уровня провинциальной второразрядной державы.

Авторы предлагают примерный план конкретных мероприятий по демократизации страны /всего 14 пунктов/ на ближайшие 4–5 лет. Содержание предложений в целом сводится к расширению гласности, общественного контроля, к достижению полной свободы информации и мнений, разрешению проблемы образования, к улучшению правовой системы, к решению проблемы руководящих кадров, к решению национальной проблемы...

...предлагаемый план показывает, что "вполне возможно наметить программу демократизации, которая приемлема для партии и государства и удовлетворяет, в первом приближении, насущные потребности развития страны".

Авторы убеждены, что демократизация лишь укрепит наш международный авторитет, упрочит силы мира во всем мире, заложит основы для наиболее успешного внешнеполитического курса СССР.

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСК 14

... 13 мая 1970 г. к Генеральному прокурору СССР РУДЕНКО с "Жалобой в порядке надзора" на определение Ташкентского горсуда и Верховного суда УзССР по делу П.Г. ГРИГОРЕНКО обратились академики М.А. ЛЕОНТОВИЧ, А.Д. САХАРОВ, доктор физико-математических наук **В.Ф. ТУРЧИН**, и

физик В.Н. ЧАЛИДЗЕ.

Указав на "серьезные процессуальные нарушения, допущенные на стадии предварительного следствия и в судебном разбирательстве",... (всего 5 пунктов — прим. ред.) авторы жалобы ходатайствуют о том, чтобы решение Ташкентского горсуда было опротестовано, исполнение этого определения было приостановлено, а П.Г. ГРИГОРЕНКО освобожден из-под стражи. На имя ПОДГОРНОГО 8 мая было отправлено письмо Х. ГУМЕРОВА с просьбой накануне Дня Победы и выборов амнистировать политических заключенных, в первую очередь П.Г. ГРИГОРЕНКО. Это, по мнению авторов письма, должно быть сделано для соблюдения законности, укрепления социалистической демократии "окончательной десталинизации в нашей стране".

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСК 14

... Вечером 29 мая из своей квартиры в г. Обнинске Калужской обл. был увезен в городскую калужскую психиатрическую больницу для "экспертизы" и "наблюдения" ЖОРЕС М. ДЕВ... известный биолог и публицист...

... группа из 20 ученых направила письмо-протест министру здравоохранения СССР, министру внутренних дел СССР и Генеральному прокурору СССР. "Насильственная госпитализация, по-видимому, связана с общественной деятельностью Ж.А. Медведева, проводимой им на строго законных основаниях... Ни один честный и принципиальный ученый не будет уверен в своей безопасности, если подобные основания смогут повлечь репрессии в виде помещения в психиатрическую больницу на неопределенный срок с лишением всех человеческих прав..." Среди подписавших академики А.Д. САХАРОВ, И.Е. ТАММ, М.А. ЛЕОНОВИЧ; доктора физико-математических наук: В.Ф. ТУРЧИН, Л.В. АЛЬТШУЛЕР, доктор биологических наук Г.А. ДВОРКИН, кандидат биологических наук С.А. КОВАЛЕВ, логик-математик А.С. ВОЛЬПИН, физик В.Н. ЧАЛИДЗЕ.

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСК 30

1 сентября 1973 г. выступил с открытым письмом доктор физико-математических наук В.Ф. ТУРЧИН. Отмечая, что общественная деятельность САХАРОВА всегда была направлена на защиту прав человека, на разрядку международной напряженности, он говорит о вреде, который нанесла газетная кампания международному престижу Советского Союза...

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСК 33

... Вечером 30 октября 1974 г. состоялась организованная А.Д. САХАРОВЫМ и Инициативной группой защиты прав человека в СССР пресс-конференция, на которой сведения о "Д. политзаключенного" были переданы западным

корреспондентам. В качестве наблюдателя на пресс-конференции присутствовал председатель московской группы Международной Амнистии В.Ф. ТУРЧИН...

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСК 34

В Советском Союзе учреждена "группа опеки" международной неправительственной организации "Международная Амнистия". Цель организации "Международная Амнистия" — облегчать судьбу и добиваться свободы для лиц, свобода которых ограничена в нарушении ст.ст. 5, 9, 18 и 19 Всеобщей декларации прав человека...

... Желающие участвовать в работе группы советской опеки могут обращаться в Москве к председателю группы ВАЛЕНТИНУ ТУРЧИНУ /тел. 129-25-30/ или к секретарю группы АНДРЕ ТВЕРДОХЛЕБОВУ /тел. 297-63-69/.

... 9 июля 1974 г. акад. А.Д. САХАРОВ выступил с обращением к научным работникам мира. Он призвал защитить права доктора физико-математических наук ВАЛЕНТИНА ФЕДОРОВИЧА ТУРЧИНА, "перед которым сегодня закрыли все возможности научной и педагогической работы... за выступление в сентябре 1973 г. с защитой и разъяснениями моей позиции по международным проблемам, опубликованной на Западе."

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСК 36

... 18 апреля 1975 г. проведены обыски у председателя советской группы организации "Международная Амнистия" ВАЛЕНТИНА ТУРЧИНА и членов этой группы ВЛАДИМИРА АЛЬБРЕХТА (Москва) и МИКОЛЫ РУДЕНКО (Киев). Обыски проводились по делу N 41054/48-75. О сущности дела и о том, кто является обвиняемым, сообщено не было...

Обыск у В. ТУРЧИНА продолжался более 12 часов. Изъято около 200 наименований, в том числе "Архипелаг ГУЛАГ", т. I; "Кто сумасшедший?" братьев МЕДВЕДЕВЫХ, личные бумаги и заметки В. ТУРЧИНА; документы, связанные с его деятельностью председателя советской группы "Международной Амнистии" /кроме изданных типографским способом за границей и писем из Международного секретариата "Международной Амнистии", написанных на бланках этой организации/, машинописные копии различных статей, заявлений и т.п.

... 20 апреля советская группа "Международной Амнистии" направила Председателю Президиума Верховного Совета СССР протест против преследований членов группы и просьбу вернуть "документы Амнистии", изъятые при обыске у ВАЛЕНТИНА ТУРЧИНА, а также архив, находящийся в печатанном властями кабинете А. ТВЕРДОХЛЕБОВА. "Эти материалы необходимы нам, — говорится далее, — для нормального функционирования группы "Международной Амнистии" СССР. Под письмом подписались 8 московских членов группы: В. ТУРЧИН, Ю. ОРЛОВ, В. АЛЬБРЕХТ, М. ЛАНДА, В. ВОЙНОВИЧ, В. КОРНИЛОВ,

В. СОКОЛОВ и С. ЖЕЛУДКОВ. 21 апреля ЮРИЙ ОРЛОВ, **ВАЛЕНТИН ТУРЧИН** и ТАТЬЯНА ХОДОРОВИЧ обратились к общественности западных стран:

Мы хотим предупредить общественность стран Запада, что репрессии против гуманитарных движений, планомерно осуществляемые советскими властями в последнее время — против Международной Амнистии, против религиозных деятелей, против инакомыслящих вообще — являются шагами в сторону скрытой конфронтации с Западом, укрепления тыла такой конфронтации. Окончательное подавление гуманитарных и этических течений в огромном централизованном государстве, в котором каждого гражданина обучали, что "повивальной бабкой истории является насилие", — может дорого обойтись не только нашему, но и другим народам мира.

Мы призываем вас попытаться понять то, от чего вам, возможно, хотелось бы отмахнуться:

что жестокая борьба за установление абсолютного идеологического единства в СССР имеет прямое отношение к вашему будущему.

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСК 37

ВАЛЕНТИН ТУРЧИН. Заявление 4 сентября 1975 г.

Председатель Советской группы "Международной Амнистии" пишет: "... Исполнился год с момента создания нашей группы. Между тем мы встречаемся в нашей работе с серьезными препятствиями. Прежде всего, совершенно произвольно задерживаются письма, которые мы посылаем за границу и которые из-за границы посылают нам. ... Не пропускаются также материалы, посылаемые нам из Секретариата "Международной Амнистии" в Лондоне. ... Я также обращаю внимание общественности на то, что два члена нашей группы — СЕРГЕЙ КОВАЛЕВ и АНДРЕЙ ТВЕРДОХЛЕВОВ — арестованы по политическим обвинениям. ... Я прошу руководителей и граждан стран — участниц совещания в Хельсинки потребовать от Советского правительства, чтобы суд над КОВАЛЕВЫМ и ТВЕРДОХЛЕВОВЫМ был открытым и чтобы на него, в частности, были допущены иностранные корреспонденты и наблюдатели от "Международной Амнистии". "

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСК 38

... С совместным заявлением для печати выступили АНДРЕЙ АМАЛЬРИК, РОЙ МЕДВЕДЕВ, **ВАЛЕНТИН ТУРЧИН**, ЮРИЙ ОРЛОВ, ВЛАДИМИР КОРНИЛОВ, ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ, СЕРГЕЙ ЖЕЛУДКОВ, ОСИП ЧЕРНЫЙ, ЭРНСТ НЕИЗВЕСТНЫЙ, ПЕТР ГРИГОРЕНКО, РЕШАТ ДЖЕМИЛЕВ и ВИТАЛИЙ РУБИН:

"Вся общественная деятельность А.Д. САХАРОВА исходит из посылки, что подлинный мир невозможен без признания государством основных прав человека. Насилие, направленное внутрь рано или поздно обращается и вовне...

... удивляет и огорчает нас заявление 72-х советских ученых, утверждающих, что решение

Нобелевского комитета (о присуждении А.Д. Сахарову Премии Мира — ред. "Карты") носит недостойный и провокационный характер... Мы полагаем, что большинство людей, подписавших это заявление, были введены в заблуждение, поскольку тот облик А.Д. САХАРОВА, который там изображен, никакого отношения к реальному А.Д. САХАРОВУ не имеет."

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСК 42

Ю. ОРЛОВ, **В. ТУРЧИН**, А. САХАРОВ — Совещанию Европейских коммунистических партий /23 июня 1976 г./.

Уважаемые делегаты Совещания Европейских коммунистических партий!

Мы обращаемся к вам с предложением включить в программу совещания вопрос о проблеме прав человека в государствах, возглавляемых коммунистическими правительствами, а также сформулировать общие и принципиальные положения по этой проблеме...

... Хотя по сравнению со сталинским периодом положение в нашей стране коренным образом улучшилось, оно все еще характеризует систематическим, массовым нарушением элементарных гражданских и политических прав личности, недемократическими формами правления и произволом властей.

Авторы письма выделяют два аспекта проблемы: о политике КПСС в отношении общественных организаций, о свободе информационного обмена, убеждений и совести — и формулируют конкретные вопросы совещанию. Среди них:

— Возможно ли в коммунистическом государстве существование независимых общественных организаций?

— Считает ли совещание оправданными репрессии за распространение в Самиздате информационных и других журналов, в частности, "Хроники текущих событий"?

— Каковы должны быть в коммунистических государствах гарантии независимости судебной правовой системы?

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСК 44

... 14 февраля 1977 г. **В. ТУРЧИНУ** сделали "последнее предупреждение".

9 февраля 1977 г. П. ГРИГОРЕНКО, З. ГРИГОРЕНКО, **В. ТУРЧИН**, С. КАЛЛИСТРАТОВА, А. САХАРОВ, Л. ЧУКОВСКАЯ, Л. КОПЕЛЕВ, А. КОРЧАК, Е. БОННЭР обратились к прокурору Калужской области с просьбой изменить меру пресечения А.И. ГИНЗБУРГУ и освободить его до суда из-под стражи под личное поручительство или под денежный залог.

Хотя по закону власти обязаны отвечать в течение двух недель, ответа не последовало вообще.

10 февраля через посольство США была направлена телеграмма КАРТЕРУ и ВЭНСУ об аресте ОРЛОВА. Телеграмму подписали АЛЕКСЕЕВА, БОННЭ...

ВЕЛИКАНОВА, ГРИГОРЕНКО, **ТУРЧИН**, ХОДОРОВИЧ, ЩА-РАНСКИЙ.

3 февраля 1977 г. В Московской прокуратуре ст. следователь ПАНТЮХИН допрашивал председателя советской группы "Международной Амнистии" **ВАЛЕНТИНА ТУРЧИНА**. Следователь объявил **ТУРЧИНУ**, что будет допрашивать его по делу о "распространении заведомо ложных измышлений...", однако отказался сообщить номер дела и фамилию обвиняемого. **ТУРЧИН** сделал письменное заявление, что в этих условиях он от дачи показаний отказывается. Были вызваны понятые, и отказ оформили протоколом.

В конце допроса **ТУРЧИНУ** было предложено отдать записи, которые он вел на допросе. После его отказа записи в присутствии понятых были отобраны в порядке личного обыска.

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ ВЫПУСК 46

11 июля 1977 г. академик А.Д. САХАРОВ, член-корр. АН СССР И.Р. ШАФАРЕВИЧ и доктора физ-мат. наук **В. ТУРЧИН**, Н. МЕЙМАН и Ю. ГОЛЬФАНД обратились участникам Международной конференции по ускорителям, проходившей в Протвине /Московская обл./ с призывом потребовать от советских властей немедленного освобождения ОРЛОВА и публичного разбирательства в печати выдвинутых против него обвинений...

1 августа 1977 г. к Предварительному совещанию в Белграде с просьбой о спасении семьи ЧУДНОВСКИХ обратились члены Московской группы "Хельсинки" П. ГРИГОРЕНКО, В. СЛЕПАК, Н. МЕЙМАН и Е. БОННЭР. Их заявление поддержали А. САХАРОВ, Т. ХОДОРОВИЧ, **В. ТУРЧИН**, и Ю. ШИХАНОВИЧ.

... В конце июля 1977 г. председателем советской группы "Международной Амнистии" **В. ТУРЧИН**, секретарь группы В. АЛЬБРЕХТ и А.Д. САХАРОВ получили приглашение на конференцию "Международной Амнистии" в ФРГ.

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ ВЫПУСК 47

... 14 октября СССР покинули председатель советской секции "Международной Амнистии" **ВАЛЕНТИН ТУРЧИН**, КРОНИД ЛЮБАРСКИЙ и его жена ГАЛИНА САЛОВА, БОРИС ВАЙЛЬ.

4 октября **ТУРЧИНА** вызвали на допрос по делу А. ГИНЗБУРГА... **ТУРЧИН** отказался отвечать на вопросы. После допроса его отправили в ОВИР, где ему выдали визу на выезд сроком до 15 октября...

... По прибытии в Вену **ТУРЧИН** и ЛЮБАРСКИЙ обнаружили пропажу из багажа магнитофона, фотоаппаратов, пишущей машинки и других вещей. Представитель Аэрофлота в Вене сказал им: "Можете жаловаться куда угодно. Видали мы таких!"

После отъезда **ТУРЧИНА** руководителем советской секции "Международной Амнистии" стал писатель ГЕОРГИЙ ВЛАДИМОВ.

... **В. ТУРЧИН**

Руководству итальянской компартии

3 октября 1977 г.

Поддерживая письмо М.А. МОРОЗОВА, автор напоминает, что кроме тех троих, кого назвал МОРОЗОВ, суда ждут МАРИНОВИЧ, МАТУСЕВИЧ, ГАМ-САХУРДИЯ, КОСТАВА, ПЯТКУС, СЕРЕБРОВ. Он выражает надежду, что провозглашение еврокоммунистами принципиальной важности прав человека — это начало новой политической линии, которая приведет к выработке форм подлинной социалистической демократии.

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСК 51

26 мая 1978 г. В Москве были задержаны РОМАС ГЕДРАС и его жена ЛИДИЯ ГЕДРЕНЕ... На личном обыске у Р. ГЕДРАСА были изъяты "Открытое письмо литовских и русских патриотов", книга **ВАЛЕНТИНА ТУРЧИНА** "Инерция страха"...

Алексей МУРАТОВ

ДИССИДЕНТ

Да, Валентин Федорович Турчин, безусловно, диссидент. Или, что то же самое, — инакомыслящий. Или — еще проще — он человек, осмеливающийся назвать белое белым, а черное черным. Всегда. Даже тогда, когда подавляющее (а точнее — подавленное) большинство его сограждан было не в состоянии позволить себе роскошь имея уши — слышать, имея глаза — видеть, имея язык — говорить. Из-за страха? Нет, полагает Турчин, скорее из-за инерции страха.

Впервые брошюра "Инерция страха", написанная доктором физико-математических наук В.Ф.Турчиным, появилась в самиздате в 1968 году. Восемью годами позже довольно широкое распространение среди диссидентов получила уже не брошюра, а созданная на ее основе книга под названием "Инерция страха. Социализм и тоталитаризм". Однако самиздатские тиражи никогда не были особенно большими и, рано или поздно, оказывались у следователей КГБ. И потому не удивительно, что все же мало кто из так называемой мыслящей публики сумел прочесть эту работу в "застойные" годы. Удивительно и постыдно другое: по сей день

Валентин ТУРЧИН.
ФОТО ИЗ АРХИВА Е. ЗАХАРОВА

авторами перестройки называют кого угодно, но не тех, кто готовил ее на самом деле. И, скажем прямо, — не в условиях наибольшего благоприятствования.

Перечитывая “Инерцию...” сегодня, поражаешься как много угадано в ней событий, как много предвидено их последствий. Иной раз даже закрадывается фантастическая мысль: а не используют ли время от времени какой-нибудь экземпляр, из изъятых органами, на самом-самом верху в качестве учебного пособия? Дай Бог, чтобы так. Но совершенно точно известно, что книга эта так и не дошла до массового читателя, по крайней мере в нашей стране. Именно по этой причине я счел своим долгом сделать хоть что-нибудь для ознакомления соотечественников с “Инерцией страха”, и, главное, с ее автором, некогда советским, а ныне крупным американским ученым-кибернетиком, профессором Нью-Йоркского университета Валентином Федоровичем Турчиным. В моем распоряжении — старая, выцветшая за последние 15 лет самиздатовская фотокопия книги и магнитофонная запись интервью. Оно датировано августом 1990 года. Наш разговор состоялся вскоре после приезда В.Ф. Турчина в СССР для участия в научной конференции. Интервью же, главным образом, касалось не компьютерно-кибернетических проблем, а всего того, о чем размышлял когда-то мой собеседник в брежневско-сусловско-андроповской Москве. Впрочем, иногда мы выходили за эти рамки. Итак, слово В.Ф.Турчину.

— Причина того, что я стал диссидентом? Склонность к философии. Однажды я вдруг понял, что рано или поздно умру. Это довольно страшная мысль. Если ею проникнуться, то чувствуешь себя как бы обреченным, потому что не так уж важно — разница чисто количественная — пройдет до момента смерти 70 лет или 7 дней. Ощущение приговоренности все равно остается. Я это почувствовал — помню абсолютно точно — когда мне было десять лет. Немцы в то время наступали на Москву, а мы были в нескольких километрах от линии фронта, в Долгопрудном. Решение, которое я тогда нашел для себя, было чрезвычайно простым, но оно избавляло от неприятных мыслей: когда я вырасту, то стану настолько умным, что решу проблему бессмертия. Правда, с самого начала у меня была и более разумная идея. Она состояла в том, что умру не я, а некто, который получится из меня через много-много лет. Я где-то вычитал, что клетки организма человека обновляются каждые семь лет. Ну, а раз умирать не мне, то чего беспокоиться?

Постепенно точка зрения на возможную форму бессмертия стала более реалистичной. Воля к бессмертию — это тот рычаг, используя который можно побудить человека стать более ответственным, более мужественным в борьбе за основные человеческие права и ценности.

“У меня нет иллюзий: мой конфликт не только, и пожалуй даже не столько, конфликт с властями, сколько конфликт с обществом. Это не конфликт интересов и не конфликт взглядов. Я хочу примерно того же и смотрю на вещи примерно так же, как люди круга к которому принадлежу. Это — конфликт ценностей. Именно система, иерархия ценностей: что мы считаем более, а что менее важным — определяет в конечном счете наши поступки; от нее зависит, оказываемся ли мы с большинством или попадаем в меньшинство, диссиденты... Все новое бывает сначала в меньшинстве. В конце концов и доказательство

теоремы зарождается в одной голове, прежде чем стать признанным фактом. Для меня диссидентство — часть моей жизненной задачи, как и моя научная работа”.

(“Инерция страха”, 1976 г.)

— Но все же как случилось так, что для Вас, человека не представляющего свою жизнь вне науки, оказалось возможным пожертвовать ею ради подписания нескольких политических писем? И какая здесь связь с представлениями о бессмертии?

— Насколько я помню, первое письмо, которое я подписал, было в защиту Гинзбурга в 1967 году. А потом был математик Есенин-Вольпин. Его сажали в психушку за высказывание неортодоксальных взглядов. Потом что-то еще и еще... Была целая кампания. Говорят, мол, это общие слова! Нет, вовсе не общие!

Для меня вопрос был вполне конкретный: подписать или не подписать, попытаться что-то сделать, чтобы восстановить справедливость, и, следовательно, сделать шаг к объединению людей в борьбе за элементарные права человека, или не подписывать и остаться в стороне, и, по моему убеждению, лишиться права на бессмертие. Мне даже кажется, что разделение между теми, кто решает внести свой вклад в развитие общества, и теми, кто не решает, определяется наличием или отсутствием интуитивного, может быть не всегда четко основанного, ощущения того, что совершая доброе дело ты каким-то образом приобщаешься к бессмертию. Иногда это доброе дело требует известного риска, отказа от некоторых своих обычных ценностей.

“Я стал все реже и реже вступать в спор на политические темы, а потом и вовсе прекратил это занятие. Я убедился в том, что даже небольшие различия в остатках мировоззрения в большей степени влияют на поведение человека в обществе, чем все социально-политические дискуссии. Логика не поможет убедить человека сделать нравственное усилие, если он не знает, зачем он живет, или знает, что живет не для этого. За критическими высказываниями таких людей я различал знакомые до тошноты очертания кукиша в кармане, а в каждом рассуждении невозможно было не видеть, что оно построено по столь же знакомым законам логики самооправдания. Я понял, что необходим синтез моих общественных воззрений с представлением о смысле жизни, которое раньше казалось мне сугубо личным делом. Без синтеза была пустота, а в пустоте тела движутся по инерции безостановочно. Мне стало ясно, что книга об инерции страха, которую я задумал, должна быть, по существу, книгой о мировоззрении...”

Я надеюсь, что тот, кто ощущает необходимость целостной системы взглядов, прочтет мою книгу с интересом. Мировоззрение, к которому он идет или пришел, будет в чем-то совпадать с моим, в чем-то от него отличаться. Но в одном я уверен. Любое целостное мировоззрение, способное увлечь человека, определить для него смысл жизни, будет антитоталитарным. Оно будет побуждать человека к активному вмешательству в общественную жизнь. Ибо наша жизнь унизительна и абсурдна. Она отнимает смысл у всего, к чему прикасается, а прикасается она ко всему. Какой бы род деятельности вы не избрали — науку ли, искусство, производство товаров или воспитание детей — вы постоянно убеждаетесь, что в попытках сделать нечто

значительное тоталитаризм снова и снова преграждает вам дорогу. Если вы в самом деле хотите что-то сделать, то вы вынуждены будете вылезти из скорлупы своей узкой профессии. Мальчики и девочки! Не слушайте своих родителей, когда они поучают вас расхожей мудрости тоталитарного человека. Они хорошие люди, но искалеченные годами страха и унижений. Они хотят вам добра, но учат лишать жизнь смысла...

(“Инерция страха”, 1976 г.)

— А чему учили родители Вас, Валентин Федорович?

— Я рос в семье сугубо беспартийной. Отец мой, Федор Васильевич Турчин, происходил из полукрестьянской, полумещанской семьи. Он очень любил математику, но решил, что служить народу следует либо на медицинском поприще, либо на земледельческом. Выбрал для себя, однако, последнее, дабы, как он вспоминал уже будучи профессором агрохимии и подтрунивая над самим собой, не учить проклятую латынь. Именно он, отец, дал мне понять, что происходит вокруг. Так что никаких иллюзий насчет того, где и как мы жили, у меня не было с детства. Как ни странно, отец не угодил в лапы ЧК-НКВД-ГБ.

“Когда умер Сталин, я принадлежал к тому меньшинству молодых людей, которые радовались его смерти, хотя ни их лично, ни их родителей почти не коснулись репрессии. Я говорю почти не коснулись, потому что родителей не арестовывали, а по тогдашним масштабам все остальное выглядело терпимо. Но моя мать — из раскулаченной середняцкой семьи. В молодости ей пришлось скрывать свое происхождение, живя из-за этого в постоянном страхе перед разоблачением. Моя бабушка, мать матери, не только лишилась хозяйства во время коллективизации, но и была свидетельницей страшного голода на Украине, когда целые села вымирали просто потому, что “народная власть” отобрала у них весь хлеб до зернышка. Я помню, как незадолго перед смертью в 1945 году она сказала мне о Сталине: “Если бы я могла, я задушила бы его вот этими руками”. Руки у нее, хотя она и прожила последние 15 лет в городе, оставались крестьянскими, описания которых я читал в русской и западной литературе: темные от солнца и ветра, со вздутыми жилами и суставами...”

(“Инерция страха”, 1976 г.)

— В диссидентство я втянулся постепенно. Для меня, надо сказать, оно началось в 60-м году, когда я вернулся из Венгрии. В то время я занимался изучением рассеяния медленных нейтронов в твердых и жидких телах, работая в физико-энергетическом институте в Обнинске. И так случилось, что впервые в жизни мне представилась возможность побывать за границей в командировке. Это было время, когда стали приоткрывать крышку секретности. Первые шаги хрущевской оттепели.

Венгрия — хоть и “социалистическая” и “народная” — все-таки невероятно отличалась от Советского Союза. Что ни говори — это была Европа. В Москве, сами понимаете, ты не можешь, идя по улице вдруг решить и зайти в кафе выпить чашечку кофе. Этого не бывает! Допустим даже, что отыщешь кафе. Но оно либо будет закрыто на ремонт, либо там очередь, либо кофе нет. А мы — нас трое поехало — ходим себе по Будапешту и видим бесчисленное количество кафе, в каждом из которых для тебя и кофе и приветливые улыбки венгров... Удивительно!

Но не удивление, а настоящий шок мы испытали, когда недели через три нашего пребывания в Венгрии мы попали в так называемый “Русский клуб”, эдакое заведение, предназначенное для совграждан, командированных за рубеж. Из мира доброжелательности мы угодили в мир мрачной подозрительности: все врозь. Кто-то угрюмо тычет вилкой в котлету, кто-то прячет глаза в газету, кто-то наоборот, изучающе смотрит на тебя: кто таков? откуда взялся? В общем, все как дома.

Когда я вернулся в Союз, то эти свои впечатления изложил в записке, которую дал в нашу институтскую стенгазету. Ее редактор, Володя Морозов, кстати, мой соученик по МГУ, записку взял и поместил в очередной выпуск. Вот тут-то и разразился настоящий шторм: Турчин, мол, облил грязью все советское, оболгал свой народ и всю социалистическую систему вдобавок. Кто позволил? Кто напечатал? Морозов? Но Морозов быстро сориентировался и сказал, что нарочно поместил мою статью, не стал ее запрещать, чтобы раз и навсегда вывести меня на чистую воду, чтобы все видели, какие у меня антисоветские настроения. Само собой разумеется, на меня было заведено дело в КГБ (о чем я узнал немного позднее), и не могло быть уже и речи о том, чтобы пускать меня в заграничные командировки. Но это, конечно, пустяки.

“Страшным результатом сталинского террора было не только физическое уничтожение людей, но и дегуманизация оставшихся в живых, потеря ими человеческого облика. В той или иной степени этот процесс затронул каждого, а благодаря взаимодействию между поколениями повлиял и на молодежь, не заставшую сталинских времен. И самое печальное, что мы привыкли к этому, смирились с этим, и нашу исковерканную психику принимаем за норму.

Когда бандит наводит дуло револьвера на безоружного человека, тому на выбор предоставляется только две возможности: подчиниться или умереть на месте. Никто не может осудить того, кто подчиняется на таких условиях. Но вот бандита нет. Не пора ли принимать человеческий облик?

Мы так привыкли к массовой систематической лжи, что считаем ее не только вполне дозволенной, но даже как будто совершенно естественной и необходимой для поддержания общественного порядка. Мы считаем вполне нормальным говорить дома и с друзьями одно, а на людях совсем противоположное. И мы учим этому своих детей! Нам нисколько не стыдно проголосовать на собрании за решение, которое мы считаем неправильным, и тут же, выйдя из зала, поносить это решение. Мы не считаем позором и предательством не выступить в защиту несправедливо обвиненного товарища. Порой совесть требует от нас сущего пустяка, но мы отказываем ей в этом. Мы трусливы и беспринципны...

Многие представители научной интеллигенции укрываются за гениально простой отговоркой: это не мое дело; мое дело — наука, все остальное меня не касается, и я буду делать что угодно, лишь бы мне не мешали; так я принесу максимальную пользу обществу... Это философия коро- вы, которая умеет давать молоко и готова давать его кому угодно...

А что сделаешь? — говорит другой интеллигент, — кругом ложь и подлость. Высунешься — стукнут, только и всего. Ничего не изменится, разве только в худшую сторону.

Нет, уж лучше сидеть да помалкивать...

Убеждение, что ничего сделать нельзя, — необходимо ему для самооправдания. Когда побеждают силы разума и добра, он только пожимает плечами, но зато каждый раз, когда берет верх зло и невежество, он не упускает случая позлорадствовать — вот видите, я же говорил, я же предупреждал!

Есть еще теория, которую можно назвать “сама пойдет...”. Да, можно просто ждать. Можно упасть в воду, и даже не барахтаясь ждать, пока тебя вытащат. Возможно, что в конце-концов и вытащат — свет не без добрых людей. А возможно, что и не вытащат: не потому, что не захотят, а потому что не смогут...

Есть еще много отговорок, помогающих интеллигенту уклониться от поступков, которых требует совесть. Высокопоставленные говорят, что вот-де хорошо “простым людям” — им нечего терять. “Простые люди” говорят: хорошо высокопоставленным — их не тронут. Один как раз заканчивает диссертацию, другой не хочет подвести начальника, третий боится сорвать заграничную командировку. Молодой считает, что он слишком молод, старый, что слишком стар...

(“Инерция страха”, 1976 г.)

— Извините, Валентин Федорович, а Вам-то было что терять?

— У меня была интересная работа в ИПМ АН СССР, куда меня пригласил академик Келдыш. И я ее потерял. А через какое-то время и вообще был лишен возможности зарабатывать деньги. В конце 60-х мною был создан алгоритмический метаязык РЕФАЛ, позволяющий решать на компьютерах многие важные задачи теоретической физики и математики. Но мои работы практически не публиковались. Предложенная мною эволюционная теория и по сей день не дошла до русскоязычного читателя, так как книгу “Феномен науки”, в которой она была изложена, запретили к изданию. Ее опубликовали в США и Японии.

Так случилось, что я был поставлен перед дилеммой: эмигрировать или садиться за решетку. И, по-видимому, надолго. В КГБ меня предупредили, чтобы я не ждал трехлетнего срока по 191-й статье, и что мне гарантирована 70-я (семь лет плюс ссылка). Я очень не хотел уезжать, главным образом потому, что тогда РЕФАЛ-группа, т.е. созданная мною школа молодых математиков, могла бы распасться без руководителя. Это был очень существенный момент, который заставлял меня много думать. Но... садиться в тюрьму? В этом я тоже не видел особой пользы. Я был там просто не выжил. Десять-двенадцать лет неволи... Нет, для меня это трудно. Даже не трудно — невозможно.

Ты теперь обут и одет,

Ты у Келдыша нынче в фаворе,

Вот заполнишь с полсотни анкет,

И поедешь за синее море.

Ты поедешь в Бомбей и в Домбай,

Распахнется любая дорога,

Только лишнего ты не болтай

И вопросов неясных не трогай.

Этой песней сотрудники теоретического отдела обнинского Физико-энергетического института провожали своего товарища и коллегу, новоиспеченного доктора ф.м.н. Валентина Турчина

в “стекловский” институт к самому Келдышу. И что же? Как ни странно все сбылось. Уехал-таки за синее море. Но, правда, вопреки предостережениям и “лишнее” болтал и в каждом неясном вопросе пытался докопаться до сути. Вот и уехал. Но, правда, вопреки собственной воле...

Неясные вопросы:

Как перейти от тоталитарного общества к свободному?

— В свое время в “Инерции страха” я предлагал следующее. Для того, чтобы плавно, по возможности без срывов, идти от тоталитарного общества к свободному, нужно было от однопартийной системы перейти не к многопартийной, а к беспартийной. То есть, путем расширения компартии, включением в нее более передовых людей и идей, чем до тех пор, внести туда тот плюрализм, который необходим современному обществу, и постепенно превратить эту партию в некую систему, которая позволила бы общаться между собой разным группам и течениям. Иначе говоря, идея заключалась в создании, по сути, нуль-партийного общества (или, что то же самое — общества с бесконечным количеством партий).

“В условиях Советского Союза требование многопартийной системы — это путь революции. Не только вооруженный захват власти ведет к революции. Крутая перемена структуры власти — это тоже революция, и вряд ли обойдется без массового насилия, особенно в условиях многонационального государства. Если вообразить, что в СССР вдруг с завтрашнего дня вводятся основные демократические свободы и обычная для демократических стран система свободной конкуренции между политическими партиями, то КПСС, такая как она есть сегодня, скорее всего не удержит власти. Это ясно всем: и руководству КПСС и сторонним наблюдателям. Это и является причиной того политического тупика, в котором мы находимся. Демократия отождествляется со свободными выборами в условиях многопартийной системы, что в свою очередь практически отождествляется с потерей власти правящей бюрократической иерархией. Отсюда панический страх бюрократии перед всякой формой демократизации, перед всяким обменом идеями и информацией. Требование соблюдения элементарных прав личности рассматривается как призыв к свержению власти, к революции.”

Существует ли неревolutionный путь демократизации? Я думаю, что существует. Путь реформ означает, с моей точки зрения, прежде всего четкое разграничение борьбы за власть и борьбы за идеи и отказ от борьбы за власть в пользу более успешной борьбы за идеи. Это означает отказ от требования многопартийной системы на ближайший обозримый период — тот период, который потребует, чтобы укоренились основные права личности. А так как в перспективе целесообразность многопартийной системы по меньшей мере сомнительна, то многопартийность надо вообще снять с повестки дня...

Чему нас учит исторический опыт России? Для движения по пути реформ необходимы два условия. Во-первых, должно существовать серьезное общественное давление на власть в пользу реформ. Общество, которое раболепствует перед властью, порождает, с одной стороны, тиранию, а с другой стороны — разрушительный экстремизм, большевизм. В России всегда не хватало сочетания твердости с

умеренностью. Пока мы не научимся этому, мы будем бросаться из одной крайности в другую, вместо того, чтобы неуклонно двигаться вперед. Во-вторых, необходимо, чтобы власть перестала бояться реформ и научилась вовремя их проводить. Хорошо известно, что такая политика не ослабляет власть, а укрепляет ее... Стабилизация тоталитаризма — путь к катастрофе. Окостенение и загнивание не может продолжаться вечно. Рано или поздно, под влиянием какой-то внешней или внутренней причины должно произойти разрушение такого общества, а это будет ужасно. Слепой страх перед движением мысли, сопротивление политической и экономической либерализации ведут в пропасть. Роковым образом власть в России повторяет ошибки династии Романовых... Не то погубило Романовых, что они дали "слишком много" свободы. Свободы было хотя и больше, чем сейчас, но, скажем прямо, не так уж и много. В других странах было несравненно свободнее, и — ничего. Погубила Романовых неспособность вовремя проводить необходимые реформы, погубило отчуждение между государством и передовой частью общества. Возникло специфически русское явление — интеллигенция, образованный слой общества, находящийся в конфликте с государством... И вот теперь мы видим, что советское государство идет по тому же самоубийственному пути, который привел к гибели царское государство (ах, если бы только государство!)."

(*"Инерция страха", 1976 г.*)

— Я предлагал правительству начать либерализацию страны, раскрепощение людей, не разрушая сразу существующих структур, постепенно, так, чтобы не допустить, грубо говоря, гражданской войны. Роль КПСС должна была, по моему мнению, заключаться в финансировании и организации обмена мыслями при общем согласии относительно того, к чему должно развиваться общество. А должно оно развиваться к системе, которую я называл социалистической.

Что такое социализм?

— Я определяю социализм как явление культуры, а не экономики. Для классификации общественных строев, мне кажется, надо рассматривать тот механизм, на основании которого происходит интеграция людей в единое целое, в общество. Я различаю следующие три формации.

1. Рабство — интеграция происходит путем физического принуждения.
2. Капитализм — интеграция происходит вследствие экономического принуждения: необходимо эффективно работать.
3. Социализм — интеграция происходит на уровне культуры, то есть, на уровне духа и сознания людей.

Что же касается конкретно существующего в СССР "социализма", то это просто комбинация рабства, в первую очередь, и государственного капитализма. Социализма у нас гораздо меньше, чем в любой западной европейской стране.

"Если выбирать краткую формулировку того, в чем состоит варварство марксистско-ленинской формы социализма, то можно сказать просто: механическая социальная интеграция. Основные негативные черты марксизма-ленинизма отражены в ней: экономический детерменизм, принижение роли духовной культуры, ставка на револю-

ционное насилие. Эти черты — результат поспешного и неквалифицированного использования некоторых аспектов науки 19-го века. Они напоминают о френологе, который пытался изменить психологические наклонности пациента, выравнивая шишки в одних местах черепа и образуя их в других местах. Механическая интеграция, это насильственное сдавливание и спрессовывание людей, не может привести к другому обществу кроме тоталитарного.

Попытка осуществлять интеграцию организованных систем начиная не с верхнего, а с нижнего или среднего уровня иерархии управления, в частности, с экономического уровня в случае социальной интеграции, — это кибернетический абсурд, уродство. Это как если бы вздумали объединить десять рабочих в одного "большого рабочего", связав их руки в одну "большую руку", а ноги — в одну "большую ногу". Другой образ — весьма поучительный — создан Маяковским в стихах, которые дети в Советском Союзе заучивают наизусть в школе:

Партия — рука миллионопалая,

Сжатая в один громающий кулак.

Рука человека с ее пальцами, свободными от взаимного давления и управляемыми из общего центра — мозга, являет собой пример кибернетической интеграции. Это рука, которая может делать операцию на сердце и играть на фортепьяно. Кулак — это символ механической, тоталитарной интеграции. Он способен лишь громить, разрушать, уничтожать. Тоталитаризм — это миллионопалый кулак, занесенный над миром".

(*"Инерция страха", 1976 г.*)

— Под термином "социализм" иногда понимается чуть ли не все, что есть нехорошего в истории человечества. Я говорю о статье Шафаревича "Социализм", которая в свое время меня очень удивила. Я не ожидал от человека с математическим образованием, крупного ученого, такой алогичности, такой явной подтасовки фактов.

"Шафаревич обнаруживает у социалистов готовность пожертвовать собой для достижения провозглашенной высшей цели. Черта эта — вполне общечеловеческая, и свойственна отнюдь не только одним социалистам. Но почему-то именно у социалистов Шафаревич расценивает ее как проявление инстинкта смерти и как "пафос гибели". Приводя замечание Энгельса о неизбежности охлаждения земли, Шафаревич и здесь усматривает никак не "плоды работы научного ума, вынужденного склониться перед истиной, как бы сурова она не была", но проявление инстинкта смерти. В тот же котел идет убеждение Мао, что "гибель половины населения земного шара была бы не слишком дорогой ценой за победу социализма во всем мире". Затем ставка делается на теорию Фрейда, что инстинкт смерти является одной из двух основных сил, определяющих психическую деятельность человека. А дальше его логика такова: "и социализм, захватывающий и подчиняющий себе миллионы людей в движении, идеальной целью которого является смерть человечества, — конечно не может быть понят, если не допустить, что те же идеи применимы и в области социальных явлений. То есть что среди основных сил, под действием которых разворачивается история, имеется стремление к самоуничтожению,

инстинкт смерти человечества”.

Я все-таки думаю, что инстинкт смерти (если он существует) здесь не причем. Разрушительные и тоталитарные аспекты социализма, которые мы наблюдаем в истории, представляются мне не ядром этого явления, а его оболочкой, шлейфом, который можно и обрубить, если понять его происхождение.

Каково же ядро социализма? Я утверждаю, что оно имеет ту же природу, что все великие религии, давшие начало великим цивилизациям прошлого и настоящего. Социализм — религия будущей глобальной цивилизации, той цивилизации, которая рождается сейчас в муках”.

(“Инерция страха”, 1976 г.)

Что такое религия?

— Каков бы ни был метафизический аспект той или иной религии, ее реальное действие на массы людей состоит в том, что она приносит некое представление о бессмертии. И опирается на него. Само слово “религия” происходит от латинского корня, означающего “связывать”. Речь идет о связывании индивидуума с богом, со Вселенной, с Эволюцией. Что же касается различных представлений о бессмертии, то я бы назвал следующие четыре.

Метафизическая форма — это классическая религия, когда бессмертие основано на представлении о двойственной реальности, о потустороннем мире, о Боге. Я полагаю, что эта форма неперемнима для большинства современных мыслящих людей.

Творческая форма. Она выражена Вергилием и Пушкиным. “Я памятник воздвиг себе нерукотворный...”.

Биологическое бессмертие — это такая же простая для понимания идея как и трудно осуществимая. Вряд ли она достижима в чистом виде.

Кибернетическая форма бессмертия основана на том, что, в сущности, душа человека, то есть наши знания, мысли должны быть инвариантны относительно смены материала. Должны быть какие-то возможности сохранить продукт высшего уровня человеческой деятельности. Должно произойти углубление и завершение метасистемного перехода от человека к обществу, т.е. к практически бессмертному единому сверхсуществу.

Чисто эволюционно создание такого синтетического существа, в принципе — бессмертного, обладает преимуществом перед разрозненными индивидуумами, каковыми мы сейчас являемся. Ибо обмен информацией, который сейчас происходит между нашими мозгами, чрезвычайно несовершенен. Он происходит только через физические структуры языка — звукового, письменного, — любого. Между тем, мы уже приближаемся к такому уровню развития технологии нашего взаимопонимания, что рано или поздно станет возможным прямой обмен информацией между мозгами. Но это случится только при том условии, что человечество поставит перед собой такую цель. Оно может и не поставить. Так, в Америке существует множество людей, так называемых “фундаменталистов”, которые воспринимают религию как незыблемый свод церковных догматов: “Бог создал человека таким, каким создал!” Они страстно возражают не только против генной инженерии, но и против применения противозачаточных средств: нарушение воли Божьей! Конечно же, если быть на таких позициях, то человечество должно застыть в том виде, в каком оно сформировалось ко времени восшествия Христа на Голгофу. Если же дать человечеству развиваться свободно, то эволюционно возникшие общества-сверхсущества неизбежно

должны будут освоить космос. Вот мы то и дело говорим о космосе, но разве непонятно, что человек, такой какой он есть сейчас, — мотылек-однодневка — пленник Земли. Нам необходимо бессмертие в масштабе Вселенной.

Мы не готовы ответить сейчас на вопрос, что же такое душа. Но я убежден, что думать о том, к чему мы стремимся надо сейчас, не ожидая того момента, когда мы станем лучше понимать, что означает это слово, потому что это как раз и необходимо для того, чтобы когда-нибудь его понять. Мы не знаем деталей, мы не знаем сегодня, каким образом физический обмен информацией будет связан с нашими внутренними переживаниями, но мне кажется, что со временем мы будем знать все больше и больше о нашем собственном мозге, о взаимоотношении между тем, как ощущаем мир “изнутри” и тем, как воздействуем на него “снаружи”. Надо думать о далеком будущем, чтобы понимать как выжить сегодня.

Даже если исходить из оптимистической гипотезы, что тоталитаризм присмерти — а я оптимист в этом смысле — то все же существуют глобальные экологические проблемы, которые надо решать, имея представление о перспективах развития человечества. Все возрастает и возрастает угроза состязания между населением различных регионов планеты за природные ресурсы. Земля маленькая и она больна. В космос же наши потомки смогут выйти, если они будут, в моем понимании, бессмертными. И поэтому перед каждым человеком сегодня стоит трехзначный выбор: содействовать эволюции, препятствовать ей, или просто ничего не делать, зарывшись в яму как суслик.

“Эволюционный тупик ожидает человечество не только на пути отказа от интеграции, но и на пути такой интеграции, когда в жертву приносится творческая свобода. Процесс социальной интеграции никогда не протекал так бурно и так явно, как сейчас. Современная культура глобальна. Современные государства — это огромные механизмы, имеющие тенденцию все более жестко регламентировать поведение каждого гражданина, навязывать ему извне его потребности, вкусы, мнения. Поэтому сейчас мы лучше, чем когда бы то ни было видим основное противоречие социальной интеграции: противоречие между необходимостью включить человека в систему, в непрерывно консолидирующееся целое, и необходимостью сохранить его как свободную творческую личность... Как совместить движение по пути интеграции с движением по пути свободы? От того, сколь успешно будет реализована эта проблема, зависит будущее человечества, зависит — есть ли у человечества будущее...”

Вероятно, физическая интеграция породит качественно новые, высшие формы надличностного сознания, и это будет процесс, который можно описать как слияние душ отдельных людей в Единой Высшей Душе. Всечеловеческая Высшая Душа будет, в принципе, бессмертна, как бессмертно, в принципе, человечество. О соотношении между индивидуальным сознанием и всечеловеческим сознанием можно только гадать, но представляется вполне возможным, что физическая интеграция индивидуумов явится разрешением извечного противоречия между человеческим разумом и смертью.

Пока это противоречие не разрешено, единственной

формой бессмертия, о которой мы можем всерьез говорить, является бессмертие нашего вклада в Великую Эволюцию Вселенной. Воля к такому понятному бессмертию всегда была движущей силой в творчестве людей, стоявших в своем мировоззрении на научных позициях...

Во всех этих рассуждениях мы должны помнить, что различие между знанием и волей сохраняется, оно неустранимо. Если человек не может или не хочет совершить необходимого волевого акта, то никакая наука, никакая логика не заставит его принять Высшую Цель, ощутить свою ответственность за Великую Эволюцию. Обывателя, твердо решившего жить рабом обстоятельств и довольствоваться своим убогим частным идеалом, не возродит ничто, и он бесследно сойдет со сцены. Кто не хочет бессмертия, тот не получит его.

С учетом всего вышесказанного, я называю социализмом религиозно-этическое учение, провозглашающее Высшей Целью человека неограниченную социальную интеграцию при обеспечении и развитии творческой свободы личности...

Социализм является прямым наследником великих религий прошлого, это единственная великая религия, возможная в век науки."

("Инерция страха", 1976 г.)

— Валентин Федорович, неужели Вы могли предполагать, что найдете собеседника в высших эшелонах власти откровенно тоталитарного государства? Что вас захотят услышать? Что попытаются понять? Это почти невозможно и сегодня, а тогда, в 60-е — 70-е годы...

— Когда меня допрашивали в Калуге, то полковник-гэбист сказал, что, мол, ваша книга "Инерция страха" была у нас встречена с большим интересом и активно обсуждалась. Думаю, что он не врал. Так что "слышимость" была не такая уж плохая. Я, например, не сомневаюсь, что наше письмо — Сахаров, Турчин, Медведев — было внимательно прочитано наверху.

— Что это было за письмо?

— Оно было написано в 1970 году по моей инициативе. Его идея была в том, чтобы обратить внимание правительства на необходимость радикальной либерализации и демократизации общества, без чего экономике страны угрожал полный развал. Изложив суть в виде общих положений, я понес текст Сахарову. По правде говоря, сам я, не будучи академиком, не собирался его подписывать. Было бы лучше, веселее, если бы это письмо подписало человек двадцать солидных ученых, членов Академии наук. Андрею Дмитриевичу идея понравилась, но он сказал, что сильно сомневается, что найдет хотя бы одного академика, а не то что двадцать, который бы рискнул поставить подпись под такой бумагой. И оказался прав. Недели две он искал союзников среди ученых с академическими званиями и не нашел. Тогда он предложил — ведь дело-то нужное! — письмо все равно послать по назначению, дополнив его перечнем конкретных мер, необходимых для начала процесса демократизации. Эту работу он взял на себя, в результате чего в письме появилось около двадцати пунктов-предложений по реорганизации политической системы страны. А подписали мы его втроем: Сахаров, я и Рой Медведев.

Как бы то ни было, я уверен, что идеи, изложенные в письме, дошли до сведения первых лиц партийно-государственного аппарата. В КГБ мне говорили: мы, мол, понимаем, что писали вы с наилучшими целями, но теперь необходимо, с политической

точки зрения, опубликовать протест против использования вашего письма антисоветскими элементами на Западе, они неверно его толкуют, иначе наша общественность вас не поймет. Я отвечал, что общественность все поймет, если сможет прочесть текст письма в наших газетах. Само собой разумеется, в советской прессе того времени никогда не публиковались демократические идеи диссидентов.

"Я хочу предложить следующий примерный план демократических реформ, который намеренно выражен не в терминах конкретных законодательных актов, постановлений правительства и т.п., а в общих терминах, и является поэтому скорее схемой мероприятий, чем их конкретным планом..."

1. Прекратить судебные и психиатрические преследования за обмен информацией и идеями; за критику общественной системы и власти; за проповедь религиозных убеждений и за изъявление желания покинуть страну. Обеспечить гласность всех открытых судебных заседаний...

2. Объявить амнистию всем политическим заключенным, то есть узникам совести в определении Международной Амнистии. Это определение таково: люди, подвергаемые какому-либо физическому принуждению либо из-за своих религиозных или политических убеждений, либо из-за своего этнического происхождения, языка или цвета кожи, при условии, что эти люди сами не применяли насилия и не призывали других к применению насилия...

3. Отменить предварительную цензуру печати и других средств массовой коммуникации.

4. Разрешить свободный обмен людьми и информацией со всеми странами мира. А именно:

— разрешить свободный выезд за границу и возвращение в страну;

— разрешить свободную продажу газет, журналов и книг;

— прекратить произвольное задержание писем и других материалов, посылаемых по почте за границу и из-за границы;

— прекратить глушение радиопередач.

Во всех указанных видах обмена акты запрещения или изъятия могут приниматься только по решению открытого

В. ТУРЧИН (справа) и А. РОМАНЕНКО.
ФОТО ИЗ АРХИВА Е. ЗАХАРОВА

суда.

5. Вместо существующей у нас комедии "выборов" из одного кандидата, ввести выдвижение нескольких кандидатур на каждое место при выборе во все государственные и партийные органы.

6. Разрешить все ассоциации граждан, не пропагандирующие насилие и не имеющие статуса политической партии, и предоставить им возможность нормального функционирования. В частности, разрешить ассоциациям иметь свои, независимые от правительства и партии печатные органы и множительные средства. Свободная печать необходима современному обществу."

(*"Инерция страха", 1976 г.*)

— Родина. Валентин Федорович, как Вы определяете это понятие?

— Как страничку в своем букваре.

— И все?

— Да нет, о чем тут говорить! В 46 лет пересаживаться на чужую почву — это значит никогда на ней полностью не прижиться. Об этом нет и речи. Эмигрант остается эмигрантом. Он как бы связующее звено между двумя странами, которое полностью не принадлежит ни одной из них. Не слишком приятная ситуация. Правда, она имеет и свои плюсы: познание двух культур вместо одной. Но все-таки, если бы можно было этого избежать — я оттягивал эмиграцию до самого последнего момента, до того, как тюрьма стала неизбежной — я бы ни за что не уехал.

— Человек, как индивидуум, и его Дело с большой буквы. Что, на Ваш взгляд важнее?

— Это вопрос выбора между либеральной и религиозной концепцией. В последнее время мир движется в сторону либерализма, в сторону Человека. А полюс "Дела" скомпрометирован такими личностями, как Ленин, Сталин, Хомейни.

Либеральная концепция, — человек, представляет из себя ценность сам по себе, независимо от его роли в обществе. Она принесла много благ и преобладает по сей день в философии западного мира. Эта концепция сделала общество более гуманным, позволила ему освободиться от диктаторов и тиранов, которые во имя Дела жертвовали жизнями людей. Сейчас, как мне кажется, имеет место некий максимум либерализма, и он еще какое-то время продержится, пока мерзавцы вроде Саддама Хусейна, еще будут существовать. Но развитие мира происходит волнообразно. И я предсказываю, что приближается виток, на котором вес либеральной концепции будет уменьшаться, а религиозной — увеличиваться.

Дело В.Ф. Турчина. В чем состоит его смысл сегодня, через много лет после того, как была отправлена в архив соответствующими службами папка с такой же надписью: "Дело В.Ф. Турчина" — компромат на председателя советского отделения "Международной Амнистии", друга и сподвижника Андрея Дмитриевича Сахарова, на такого же, как он, неустрашимого вольнодумца? Какие проблемы волнуют нью-йоркского профессора? Входят ли в их число те, которые беспокоят его бывших сограждан?

Судя по ответам на эти вопросы, — да, входят и беспокоят.

— "Русофобия" Шафаревича? Ну что я могу сказать... То же самое, что всякий нормальный человек. Это просто за порогом

всякой критики. Однако, недооценивать опасность, исходящую от сторонников национал-шовинистической "Памяти" нельзя. При параличе власти может произойти взрыв бандитизма. Достаточно нескольких процентов погромщиков, чтобы они в обстановке пассивности всех остальных могли терроризировать население.

— Будущее СССР? Империю восстановить не удастся. Да наверное, никто и не захочет ее восстанавливать, потому что империя в наше время — это абсурд с точки зрения социально-экономической. А относительно того, будет ли построено в России нормальное общество с рыночной экономикой, то я оптимист, и жизнь подтверждает этот мой постоянный оптимизм даже в большей степени, чем можно было бы ожидать.

— Существует ли связь между моими философскими представлениями и конкретной научной деятельностью? Безусловно! Она из них вытекает. Сейчас я работаю вместе с математиками Клифом Джозлином и Френсисом Хейлигеном над созданием современной системы философии. В отличие от предыдущих, наша не претендует на завершенность, она будет динамичной. Наш подход основан на кибернетической концепции о метасистемном переходе как основном кванте эволюции мироздания. Иначе говоря, мы разрабатываем принцип построения гносеологии, онтологии и этики с помощью эволюционного кибернетического подхода. Идеи многих людей будут сведены воедино: от общих философских принципов на верхнем уровне системы до тех, которые касаются более узких отраслей знания — при продвижении вглубь. Для создания и развития такой системы необходимы разветвленные компьютерные сети.

На этом можно было бы и закончить несколько необычную "презентацию" давно написанной и по сию пору неизданной у нас книги, а также представление читателю ее автора, если бы не оставался еще один факт, о котором просто невозможно не упомянуть. Дело в том, что все эти долгие годы, в течение которых наше общество успешно "застаивалось" и несколько менее успешно "перестраивалось", равнодушно забыв о своих изгоях (а по сути — героях) — таких как В. Турчин и Ю. Орлов, В. Буковский и Ю. Галансков и многих-многих других, в Москве продолжала свою научную деятельность группа математиков, называвшая себя "РЕФАЛ-компанией". Конечно же речь идет о той самой, за судьбу которой так опасался ее создатель и руководитель перед вынужденным "выдворением из пределов". Но, как оказалось, напрасно. Разбросанные по различным НИИ — отраслевым и академическим — они находили время собираться вместе на регулярные семинары, чтобы обсуждать РЕФАЛ-проблемы — текущие и стратегические. И хотя связи с "шефом" практически не было, его Дело не умирало. Научная школа В.Ф. Турчина сохранилась. На Родине. Вопреки всему. И, судя по интересу, который сейчас проявляют устроители международных конференций в Дании, в США, в нашей стране к работам "рефальцев", эта школа начала приносить плоды. Несмотря ни на что.

Харьков

Редакция "Карты" благодарит сопредседателя Харьковской правозащитной группы Евгения ЗАХАРОВА за помощь в подготовке материала.

Виктор КИРИЛЛОВ

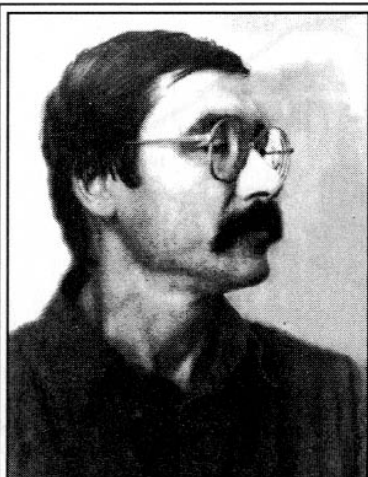
Карта ГУЛАГа: Свердловская область и Ивдельлаг

Кириллов В.М. "История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е — начало 50-х гг."

Монография под таким названием выпущена в свет в июне этого года в Нижнетагильском педагогическом институте. 14 июня 1996 г. В.М. Кирилловым в Уральском государственном университете им. А.М. Горького была защищена диссертация "История репрессий на Урале 1920-е — начало 50-х гг. (на материале Нижнетагильского региона)" на соискание ученой степени доктора исторических наук. (С диссертацией и монографией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского университета. 620083, Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51).

Частью диссертации является программа "Карта уральского ГУЛАГа 1996", содержащая картографическую и текстовую информацию о лагерных системах и спецсылке Урала и Нижнетагильского региона в период 1920-50-х гг. На сегодняшний день она состоит из 6 карт.

Мы публикуем две карты из диссертации В.М. Кириллова.

Профессор кафедры истории
Уральского университета
В.М. КИРИЛЛОВ.
ФОТО С. РОМАНОВА

"Карта Свердловской области с обозначением ИТЛ, УТИЛК, комендатур отдела спецпоселений"

Карта-подлинник выполнена на кальке, основой для которой послужила карта 1939 г. На карте не обозначено время ее составления. Однако, судя по косвенным данным, на ней отражено состояние на 1956 год. Карта обнаружена в фонде 4-го спецотдела МВД СССР. Всего насчитывается 100 комендатур Отдела спецпоселений, 9 исправительно-тудовых лагерей. Условные обозначения карты соответствуют подлиннику.

Литерное Дело УИТАК УМВД по Свердловской области.

УИТАК УМВД Свердловской области было организовано 5.12.41 года приказом МВД СССР N 001954/к. На 1953 год лимит наполнения УИТАК установлен в 31890 чел. На 1 января 1940 г. в колониях Свердловской области всего содержалось 8447 чел. заключенных. Из них: промышленных колониях — 4438 чел., в контрагентских колониях — 4009 чел.

Лагподразделения по состоянию на конец 1952 года:

Лаготделение №1. Образовано 1.04.52 г. Ст. Аппаратная Свердловской области, г. Березово, пос. Электростанция. Всего заключенных — 666 чел. (мужчин — 78, женщин — 588). К/р. — нет. Производство — добыча торфа и производство кирпича.

Лагпункт №1 лаготделения №1. Пос. Калиновка Березовского района. Организован 27.11.47 г. Всего 153 чел. заключенных (женщин — 153). К/р. — нет.

Лагпункт №3 лаготделения №1. Совхоз Хромцово Боярского района. Организован 21.08.51 г. Всего заключенных — 78 (все мужчины, бесконвойные). Производство — сельское хозяйство.

Лагпункт №4 лаготделения №1. Село Уктус Чкаловского района г. Свердловска. Организован 12.02.52 г. Всего заключенных — 435 чел. (все женщины). К/р. — нет. Производство кирпича на заводе Новострой.

Промлаготделение №2. Ул. Малышева г. Свердловск, д. 2.6. Всего заключенных — 1356 чел. (все мужчины). К/р. — 8 чел. Выпуск промышленной продукции (электроизделия, хлебные формы и т.п.).

Тавдинское лаготделение №3. г. В.Тавда. Создано 15.02.46 г. Всего заключенных — 1241 чел. (мужчин — 993, женщин — 248). К/р. — 274 чел. В составе ЛО насчитывается один ЛП.

Нижне-Туринское лаготделение №4. г. Н.-Тур. Создано в 1946 г. Всего з/к — 3179 (все мужчины). Кр. — 58. В составе 2 ЛП. Профиль — сельское хозяйство и подсобные вспомогательные работы.

Серовское лаготделение №6. г. Серов. Организовано 10.03.51г. Всего з/к — 895 чел. (все мужчины). К/р. — 42. В составе ЛО — 1 ЛП. На работах з/к не используются.

Северо-Уральское ЛО №7. Ст. Красная Шапочка Свердловской железной дороги — 490 км. от Свердловска. Организовано в 1949 г. Строго усиленный режим. Всего з/к — 1591 чел. (все мужчины). К/р. — 338. В составе 2 ЛП. Профиль — с/х работы.

Верхне-Салдинское лаготделение N 8. Ст. В.-Салда. Создано в августе 1949 г. ЛП нет. Собственного производства нет. Всего з/к — 524 чел. (все мужчины). К/р — 2.

Лаготделение №9. Совхоз Тамакул, ст. Далматово Курганской области. Организовано 9 мая 1943 г. в составе Тагилага. Всего з/к — 552 чел. (мужчин — 20, женщин — 532 чел.).

К/р — 2 чел. Профиль — с/х работы.

Сельскохозяйственное лаготделение № 10 Аксариха. Ст. Аксариха. г. Камышлов. Организовано в 1948 г. Всего з/к — 610 чел. (мужчин — 68, женщин — 542 чел.). К/р — 6 чел.

Бисертская ИТК. Пос. Ольховка. Всего з/к — 565 чел. (все мужчины). К/р — 1 чел. Профиль — лесозаготовки.

Пересыльная тюрьма, г. Свердловск, 0,5 км от Управления, 5 км от ж/д станции. Организована 13 мая 1939 г. Всего з/к — 774 (лимит до 1000, мужчин — 641, женщин — 133 чел.). К/р — 88 чел.

Карта "Ивдельлаг 1951 года"

Карта составлена на основе схемы лагсистемы из литературного и контрольно-наблюдательного дел Ивдельлага.

Контрольно-наблюдательное дело по Ивдельскому ИТЛ. Май 1951 г.

На 20.05.51 г. в лагере содержалось 24539 заключенных (3559 — женщин). Из них: контрреволюционного элемента — 2935 чел., уголовно-бандитского элемента — 3049 чел., осужденных за побег — 1562 чел., осужденных по Указу от 4.04.47 г. — 4626 чел., осужденных за другие преступления — 12367 чел., из них: 1 категории — 17495 чел., 2-й категории — 5195 чел., инвалидов — 1550, некоммунистических — 535.

Смертность за 1951 г.: январь — 26, февраль — 23, март — 25, апрель — 16 чел. За этот же период 1950 г. — 76 чел.

В составе Ивдельлага насчитывается 46 лагерных подразделений (лагпунктов), из них: 28 — общего режима с содержанием 14362 чел., 12 — усиленного режима с содержанием 5816 чел., 2 — штрафного: 764 чел. В лагпунктах усиленного режима вместе с уголовниками-рецидивистами содержатся заключенные бытовики, в том числе судимые впервые, только потому, что те и другие имеют большие сроки заключения в ИТЛ (15-25 лет).

Жилая площадь лагеря на 1.05.51 г. — 1,7 кв.м. на человека. ВОХР и надзирательский состав на 25.05.51 г. составляла 1226 чел. (некомплект — 729 чел.). Агентурно-осведомительская сеть по заключенным 2528 чел., из них: резидентов — 31 чел., агентов — 22 чел., секретных осведомителей — 2475 чел. По личному составу — 214 чел. секретных осведомителей.

Нижний Тагил

Карта Свердловской области с обозначением ИТЛ, УИТЛК, комендатур отдела спецпоселений начало 50-х гг.

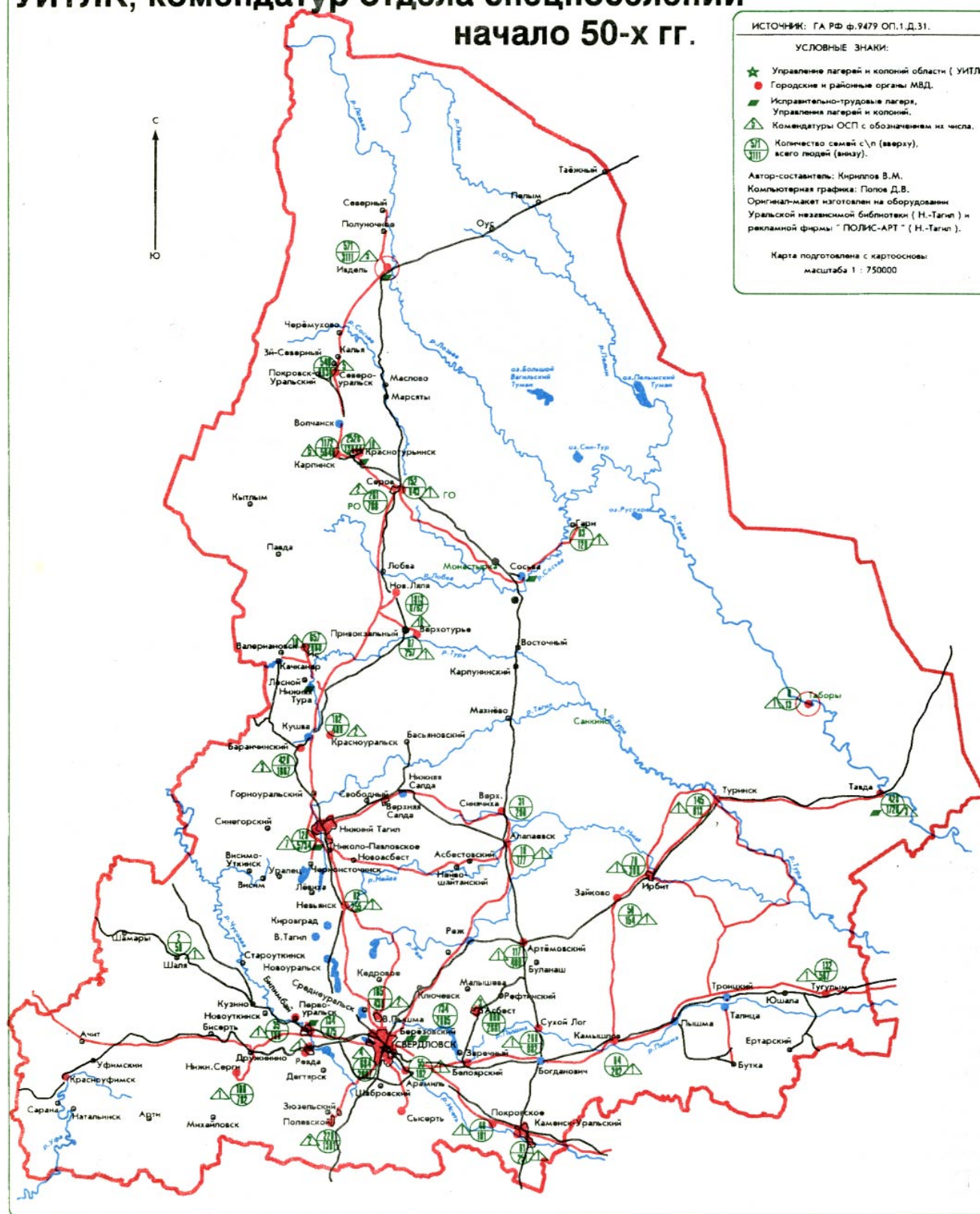
ИСТОЧНИК: ГА РФ ф.9479 ОП.1.Д.31.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

- ★ Управление лагерей и колоний области (УИТЛК)
- Городские и районные органы МВД.
- Исправительно-трудовые лагеря, Управления лагерей и колоний.
- ▲ Комендатуры ОСП с обозначением их числа.
- Количество семей с\п (вверху), всего людей (внизу).

Автор-составитель: Кириллов В.М.
Компьютерная графика: Попов Д.В.
Оригинал-макет изготовлен на оборудовании
Уральской независимой библиотеки (Н.-Тагил) и
рекламной фирмы " ПОЛИС-АРТ " (Н.-Тагил).

Карта подготовлена с картоосновы
масштаба 1 : 750000

ИВДЕЛЬЛАГ

ИСТОЧНИК: ГА РФ Ф.9414 ОП.1
Д.636 Л.97,295,297

СХЕМА ДИСЛОКАЦИИ ЛАГПОД-
РАЗДЕЛЕНИЙ ИВДЕЛЬСКОГО
ИТЛ МВД НА 1951 ГОД.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- ★ УПРАВЛЕНИЕ ИТЛ
- 9/1553 ЛАГЕРНЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ
С НОМЕРАМИ И КОЛИЧЕСТВОМ
ЗАКЛЮЧЕННЫХ
- 2/2139 ОТДЕЛЬНЫЕ ЛАГПУНКТЫ
ОЛП
- ЛАГЕРНЫЕ ПУНКТЫ С НАЗВА-
НИЕМ И КОЛ.ЗАКЛЮЧЕННЫХ
- ПЕРЕСЫЛЬНЫЙ ЛП
- ЛАГЕРНАЯ КОМАНДИРОВКА

НА 16.X.1951ГОДА-

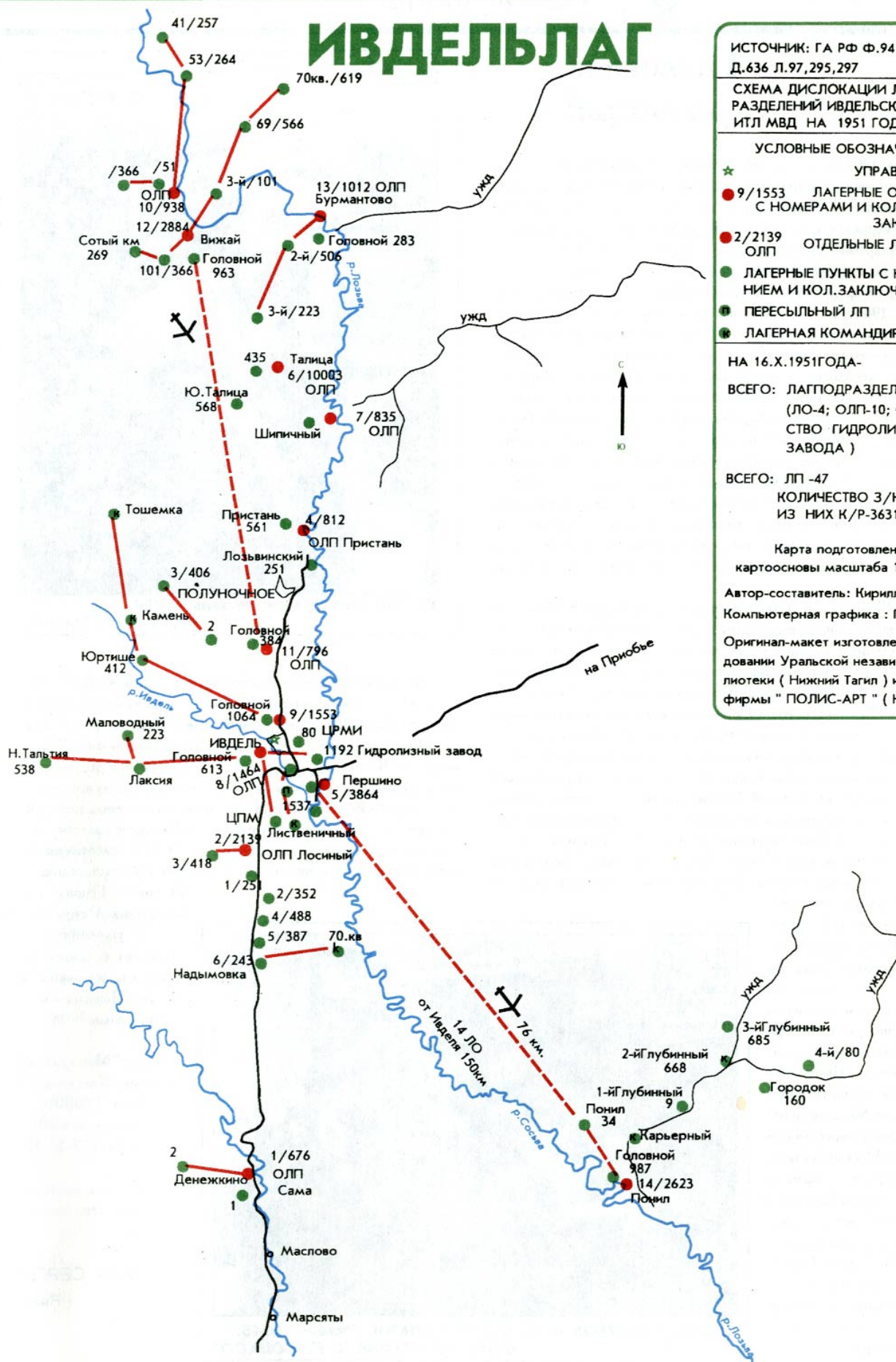
ВСЕГО: ЛАГПОДРАЗДЕЛЕНИЙ-15
(ЛО-4; ОЛП-10; СТРОИТЕЛЬ-
СТВО ГИДРОЛИЗНОГО
ЗАВОДА)

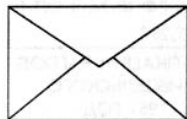
ВСЕГО: ЛП -47
КОЛИЧЕСТВО З/К-22598 ЧЕЛ.
ИЗ НИХ К/Р-3631 ЧЕЛ.

Карта подготовлена с
картоосновы масштаба 1 : 500000

Автор-составитель: Кириллов В.М.
Компьютерная графика : Попов Д.В.

Оригинал-макет изготовлен на оборудовании Уральской независимой библиотеки (Нижний Тагил) и рекламной фирмы " ПОЛИС-АРТ " (Нижн. Тагил)

Помогите, рязанцы!

В июле 1994 года рязанский "Мемориал" открывал международное кладбище военнопленных лагеря НКВД N 178-454 (пос. Дягилево под Рязанью). В подавляющем большинстве на нем захоронены солдаты вермахта и польские антифашисты из Армии Крайовой (АК). (Подробнее см. публикации в "Карте" N5, 1994 г.)

В составе польской делегации было несколько бывших узников концлагеря и среди них пан Генрих Высоцкий. Его история проста. В конце 1944 года он 17-летним пареньком, вместе со старшим братом Яном и товарищами по АК был интернирован, вывезен в СССР и заключен в лагерь. Здесь судьба немного улыбнулась ему. В составе небольшой команды его взяли работать в квартирно-эксплуатационную часть (КЭЧ) рязанского гарнизона. Генрих попал в гараж, на должность "помощника шофера" (была в те годы такая) к водителю полуторки Виктору Шмиткову. Жили поляки в лагпункте при гараже. И все же, конечно, это было не Дягилево. Поездки по городу и за его пределами, относительная свобода в общении с рязанцами позволяли им, в бытовом плане, жить более сносно самим и кое в чем помогать своим товарищам за колючей проволокой. Появились у Генриха и знакомые среди горожан. Но особенно крепко он сдружился со своим "начальником" — Виктором и его дочерью Марусей...

В 1947 году оставшихся в живых бойцов Армии Крайовой из Дягилевского узилища отправили на родину. Уехал и Генрих Высоцкий. А вновь ступить на рязанскую землю довелось через 47 лет... После церемонии открытия мемориального кладбища пан Генрих первым делом попросил "мемориальцев" проводить его на улицу Пожалостина — там жил Виктор Шмитков. Сопровождая его пешком от гостиницы "Ловеч", я поражаюсь ясности памяти этого 64-летнего человека. Несмотря на пролетевшие без малого полвека, пан Генрих абсолютно четко предсказывал какая улица пересечет сейчас Первомайский проспект (бывш. ул. Красной Армии), какой дом появится справа, какой слева, где расположена наша городская "достопримечательность" — тюрьма и т. п. Ему совершенно не нужен был провожатый!

Также четко, не читая табличек, он определил улицу Пожалостина и поворот в нужный проулок. Мы повернули и... увидели на месте дома Виктора пустоту, вернее, маленький заросший пустырь и, как водится, свалку-помойку. Тогда мы пошли по уцелевшим окрестным дворам, показывая фотографии и расспрашивая. Старожилы-жильцы признали Виктора Шмиткова и рассказали, что он умер где-то в начале 80-х, но перед этим их семья переселилась куда-то на Московское шоссе. К сожалению никто не помнил отчества Виктора и уж тем более никто не мог точно сказать года его рождения. Пан Генрих Высоцкий уехал домой ни с чем...

"Мемориал" попытался разыскать следы этой семьи. Мы обращались в ад-

Хенрик ВЫСОЦКИЙ. Рязань. 1994.

ФОТО С. РОМАНОВА

ресный стол, архив, в ныне действующую гарнизонную КЭЧ, еще раз обошли старожилы квартала по ул. Пожалостина между Первомайским пр. и ул. Каляева. Увы, все наши попытки заканчивались неудачей...

Осталась последняя возможность. Уважаемые рязанцы! Читатели журнала "Карта" и телезрители! (Мы постараемся распространить эту информацию по областному телевидению). Кто из вас знает что-либо о судьбе Виктора Шмиткова или членов его семьи, пожалуйста, сообщите в "Мемориал"! Достоверно о Шмиткове известно, что он воевал в чине капитана, был ранен, в 1945-47 гг. работал шофером в КЭЧ рязанского гарнизона. На фотографии 1946 года, подписанной

на память Генриху собственной рукой, ему около 50 лет. В упомянутые годы проживал с семьей (дочь Маруся и, возможно, сын) на ул. Пожалостина напротив школы N 18.

Адрес "Мемориала":
Рязань, Костюшко, 3.
Или: 390000,
Рязань, а/я 20.
Телефон: 77-51-17.

Мы очень ждем ваших откликов. Это последняя надежда.

Роман СЕРГЕЕВ
Рязань

Виктор ШМИТКОВ и Хенрик ВЫСОЦКИЙ. Рязань. 1946.
ФОТО ИЗ АРХИВА Х. ВЫСОЦКОГО

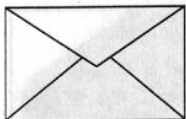
Лагерь НКВД № 178-454.

Рязань. Дягилево.

На мамин
Тетюху
Жанюша.
Рязань. 28/V-46г

Чечня — армия — закон

Говоря о войне в Чечне, большинство единодушно в том, что российские парни гибнут там ни за что, в угоду непомерным амбициям генералов и кремлевских политиков.

Одни бескомпромиссно называют эту войну преступной, а российскую армию — государственным бандформированием. По их мнению, лучше стать преступником, отказавшись исполнять приказы, чем воевать с собственным народом.

Вторые, в душе признавая дикость этой войны, тем не менее, оправдывают военных, напоминая, что, мол, приказ есть приказ и, если каждый будет его обсуждать, то армия превратится в сброд.

На мой взгляд, во всех этих рассуждениях преобладают эмоции. Ссылки на правовые нормы не приводятся и правым в такой ситуации обычно оказывается тот, в чьих руках находятся СМИ, то есть власть и силовые ведомства, которые делают все, чтобы протесты против войны в Чечне так и оставались на уровне эмоций и без юридической оценки военных действий в Чечне.

Я, по мере своих сил, попытаюсь восполнить этот пробел.

Согласно п.2 ст. 59 Конституции России (далее — Конституции), гражданин Российской Федерации несет военную службу в соответствии с федеральным законом "О воинской обязанности и военной службе".

Так что же говорит этот федеральный закон?

Во-первых, ст. 39 содержит текст Военной присяги: "Я, (фамилия, имя, отчество), торжественно присягаю на верность своей Родине — Российской Федерации".

Клянусь свято соблюдать ее Конституцию и законы, строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников.

Клянусь достойно выполнять воинский долг, мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России, народ и Отечество".

Во-вторых, ст. 35 определяет: "Военная служба — особый вид государственной службы граждан в Вооруженных Силах Российской Федерации...". То есть все военнослужащие — от солдата до генерала — являются государственными служащими, чья деятельность регламентирует ф/з "Об основах государственной службы Российской Федерации", требования которого мы рассмотрим ниже.

В-третьих, п.3 ст.36 предупреждает: "Военнослужащему не могут отдаваться приказы и распоряжения, ставиться задачи, не имеющие отношения к военной службе и направленные на нарушения закона".

Как бы подстраховывая эту законодательную норму, ф/з "Об основах государственной службы Российской Федерации" говорит: "Государственная служба основана на принципах верховенства Конституции и федеральных законов над иными нормативными правовыми актами и должностными инструкциями... приоритета прав и свобод человека и гражданина, их непосредственного действия: обязанности государственных служащих признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина" (п.п.1-2 ст.5).

Государственный служащий также обязан: "Исполнять приказы, распоряжения и указания вышестоящих в порядке подчиненности руководителей, отданных в пределах их должностных полномочий, за исключением незаконных" (п.4 ст.10).

Этим законодательным положениям слово в слово вторит и Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, ст. 30, 37, 38, 40 которого говорят, что приказ командира должен соответствовать требованиям законов и военнослужащему нельзя отдавать приказы, направленные на нарушение закона.

Жаль только, что эти прекрасные Воинские Уставы не были официально опубликованы для всеобщего сведения, а посему, по основам конституционного строя России, применению не подлежат (п.3 ст.15 Конституции).

В-четвертых, согласно п.2 ст.36 не признается исполняющим обязанности военной службы военнослужащий, совершающий предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние.

Сколько бы мы ни листали ф/з "О воинской обязанности и военной службе", а с ним и все тома российского законодательства, нам не найти ни единого слова о том, что военнослужащему может быть отдан **любой** приказ и он **обязан** его выполнить. А это означает, что в нашей стране нет ни одного должностного лица, в полномочия которого входило бы право на отдачу приказов, направленных на нарушение Военной присяги и воинского долга.

По официальной версии, армия в Чечне восстанавливает конституционный порядок. Однако основы конституционного строя России высшей ценностью объявляют не этот отсутствующий в Конституции термин "конституционный порядок", а **права и свободы человека и гражданина** (ст.2).

Военная присяга обязывает военнослужащего свято соблюдать Конституцию и защищать основы конституционного строя России. Но по этим самым основам Указ Президента России об использовании армии в Чечне не подлежит исполнению (п. 3 ст. 15 Конституции), ведь военнослужащему (государственному служащему) не могут быть отданы приказы, направленные на нарушение закона (в данном случае ст. 15 Конституции) и он не обязан исполнять такие приказы.

В соответствии с основами конституционного строя России, **права человека являются высшей ценностью** (ст.2). Но **причины и методы ведения войны в Чечне являются прямым нарушением всех гарантированных Конституцией прав человека и гражданина**, соблюдать которые клялся каждый солдат и офицер, принимая Военную присягу на верность Российской Федерации.

Я слышал немало оправданий от офицеров, что они не принимали этой Военной присяги на верность Российской Федерации, а посему свободны от ее требований.

Однако каждый офицер поставил подпись под контрактом о службе в Российской армии, а этом контракте есть пункт обязывающий офицера соблюдать Военную присягу Российской Федерации.

При таких обстоятельствах и существовании таких правовых норм, участие военнослужащих в преступной войне в Чечне является изменой воинскому долгу и нарушением Военной присяги! Надо обладать немалым лицемерием и полным отсутствием моральных устоев, чтобы совершение военных преступлений и преступлений против человечества считать исполнением воинского долга и представлять за это к правительственным наградам.

В этой подборке я не затронул требований Женевских Конвенций от 12 августа 1949 г., соблюдать которые военнослужащие обязаны в силу принятия ими Военной присяги, и нарушая которые, они теряют статус военнослужащих, а российскую армию превращают в государственное вооруженное бандформирование.

По своей работе в Комитете солдатских матерей Дона я встречался со многими офицерами Северо-Кавказского военного округа, а также с солдатами отказавшимися нарушать военную присягу и воевать в Чечне. Из этих встреч я вынес убеждение, что офицерский корпус России разложился до основания и личное благополучие ставит выше офицерской чести и верности воинскому долгу. Он будет беспрекословно воевать в Чечне и убивать своих же сограждан, без установления их вины полномочным судом, без различия их пола и возраста. И этим он представляет для России огромную опасность.

Я сам служил в частях ВМФ СССР с 1960 по 1969 год. За это время встретил около 200 офицеров, о которых до сих пор храню самые лучшие воспоминания. Эти офицеры были на голову выше нас, пацанов, во всех отношениях. Они учили нас воинскому делу, гоня до трехсотого пота, но они никогда не унижали нас, ибо они были настоящими отцами-командирами. Поэтому мне особенно больно видеть во что превращен нынешний офицерский корпус России.

Станислав ВЕЛИКОРЕДЧАНИН
Ростов-на-Дону

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

HUMAN RIGHTS IN RUSSIA

online

Хотя материалы о нарушениях прав человека в России появлялись в Internet и раньше, долгое время это была только переписка "от случая к случаю" по электронной почте. Данные о работе правозащитных организаций и отдельных активистов оставались недоступными для широкого круга заинтересованных лиц. Архивы, созданные из накопленной информации, пылились в ящиках столов. О действиях коллег в соседнем городе правозащитники, в лучшем случае, узнавали через несколько дней из газет. Образовательных материалов отчаянно не хватало.

За последние несколько лет активисты-правозащитники приложили много сил, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Сегодня мы делаем еще один шаг на этом пути.

Инициатива по созданию "сайта" "Права человека в России" в WWW принадлежит Центру "Открытое Общество/Рязань" ("Карта"; рязанский "Мемориал"; свободный профсоюз плавсостава речников; рязанская Инициативная группа за выполнение Хельсинкских соглашений).

Члены Центра собрали обширный материал в области прав человека и к началу лета 1996 года подготовили его для размещения на сервере Web. Предложение о совместной работе было с энтузиазмом принято сотрудниками проекта "Информационная правозащитная сеть" (Московский Центр по правам человека). В июле 1996 года долгожданная страничка была открыта на сервере IREX (проект OpenWeb):

<http://www.openweb.ru>

Мы продолжаем работать над содержанием и над внешним видом странички "Права человека в России", стремясь сделать ее как можно более полезной и привлекательной. Рассчитываем, что и другие правозащитные организации страны примут участие в этой важной работе, предоставляя материалы о своей деятельности.

Спасибо всем, кто оказал нам помощь и продолжает поддерживать нас — как наши организации, так и существование единственной в России странички, целиком посвященной различным аспектам прав человека.

Общественный Центр
"Открытое общество/Рязань":
390000, Россия, Рязань-центр, а/я 20
Тел./факс: (0912)75-53-70
E-mail: karta@glasnet.ru

"Информационная правозащитная сеть":
103982, Россия, Москва, Лучников пер. 4, комн. 5
Тел./факс: (095) 206-05-82
E-mail: hzmoscov@glasnet.ru
Телеконференция: [glas.hrights](tel:+70952060582)

Внимание! Бесплатная подписка на бюллетень "Центров плюрализма"

"Все, кто интересуется проблемами построения на постсоветском пространстве цивилизованного гражданского общества;

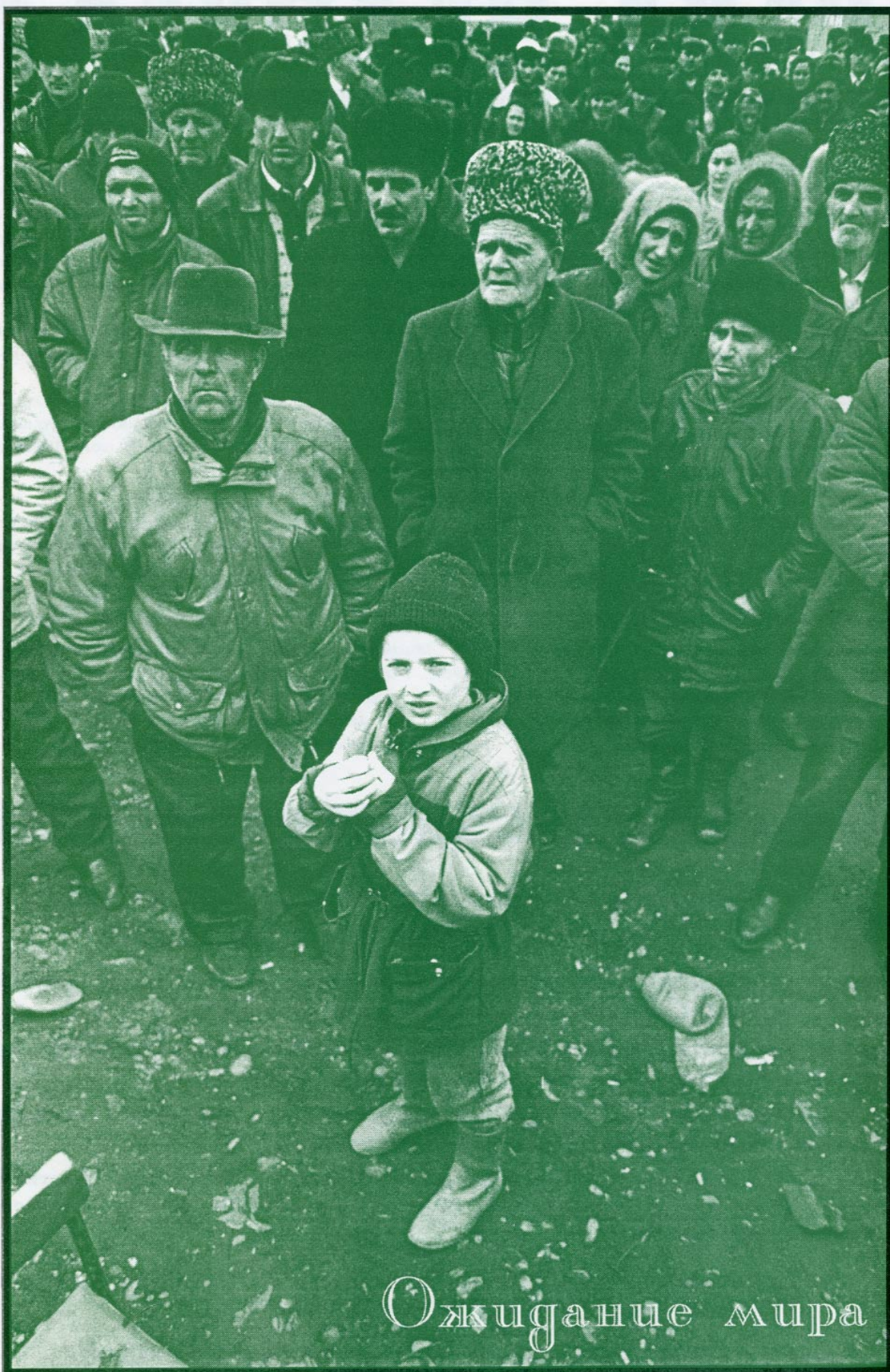
"кого интересует информация о проектах неправительственных организаций Центральной и Восточной Европы, стран бывшего СССР;

"кто заинтересован в актуальной информации о конкурсах западных благотворительных фондов, о грантах и стипендиях,

теперь могут бесплатно получать бюллетень "Центров плюрализма" Института Демократии в Восточной Европе (Вашингтон-Варшава, 80-100 стр., русский и английский варианты).

Заявки принимаются Центром "Карта"/Общественным Центром "Открытое Общество/Рязань" по адресу: **390000, Россия, Рязань-центр, а/я 20** или электронной почте karta@glasnet.ru

Не забудьте указать Ф.И.О., полный адрес, организацию (частное лицо), номер телефона/факса, e-mail, язык издания.

Ожидание мира